

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

II Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 10 декабря 2020 г.)

В двух частях

Часть 1

Минск
Академия МВД
2020

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доц. *Р.М. Ропот* (ответственный редактор);
канд. юрид. наук, доц. *И.А. Анищенко*;
канд. юрид. наук *А.И. Гигевич*;
канд. юрид. наук, доц. *П.В. Гридюшко*;
канд. юрид. наук, доц. *В.М. Логвин*;
канд. юрид. наук, доц. *Г.А. Павловец*;
канд. юрид. наук, доц. *И.В. Пашута*;
канд. юрид. наук, доц. *А.Н. Тукало*;
канд. юрид. наук, доц. *М.М. Якубель*

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы криминалистики.

Издание рассчитано на преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего образования юридического профиля, практических работников правоохранительных органов

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

УДК 343.985

А.А. Абрамовский

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ:
ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Географический профайлинг, зародившийся в странах англосаксонской правовой системы, стал активно внедряться в правоприменительную практику по всему миру. Кроме того, теория географического профайлинга также начала разрабатываться в научных школах за пределами Великобритании и Северной Америки.

Географический профайлинг, или географический профайлинг нападающего (geographical offender profiling (GOP)), возник в 1980-х гг. при расследовании серийных убийств, совершенных в Великобритании возле железнодорожных путей. Также исследования в области географического профайлинга проводились совместно научной школой криминологии окружающей среды и канадским департаментом полиции [1].

Английский подход в географическом профайлинге предусматривает использование так называемой теории кругов, суть которой заключается в том, что при совершении серии преступлений, например убийств или изнасилований, в географии передвижения преступника можно вычленить определенную закономерность. Так, согласно данному подходу, преступник, совершающий первое преступление в серии, будет его совершать:

на таком расстоянии, которое не позволит идентифицировать его проживающим в округе жителям;

в месте, которое будет знакомо для преступника, т. е. он знает все возможные способы покинуть место преступления. Преступник также будет осознавать, что его никто не сможет опознать в этом случае.

Однако при совершении второго и последующих преступлений серии место их преступнику необходимо изменить, чтобы быть неузнанным, но обстановка места преступлений должна оставаться ему знакомой. В связи с этим преступник будет появляться в сходной местности со сходной обстановкой. При этом вся местность, внутри которой будут

совершаться преступления, должна быть в пределах определенной территории (территории города, пригорода, деревни и т. д.), например район, квартал, парк, лесополоса и т. д.

В рамках рассматриваемой теории круги представляют собой условные окружности, которые можно начертить вокруг места совершения каждого преступления серии. Линии окружностей будут обозначать те места, в которых может жить предполагаемый преступник, так как внутри окружностей преступник может быть идентифицирован гражданами, проживающими или постоянно находящимися на этих участках местности. Следует отметить, что такие окружности носят условный характер, поскольку при нанесении их следует обращать внимание на границы участков местности. Например, если преступление совершено возле выхода из парка отдыха, окружность будет охватывать часть парковой зоны и часть зоны, выходящей за ее пределы (парковка возле парка, ближайшие строения, остановка общественного транспорта возле парка) [2, с. 65–73].

В рамках канадского подхода в географическом профайлинге за основу применения на практике были взяты наработки научной школы криминологии окружающей среды. Базовым элементом такого подхода является теория рационального выбора. Согласно этой теории человек из всех возможных вариантов выбирает тот, который в его представлении позволит получить ему наибольшую выгоду при затрате наименьших усилий. Исходя из этого, преступник выстраивает маршрут своего передвижения. При этом в представлении человека рациональность не всегда означает, что его действия будут рациональными с точки зрения формальной логики. Как отмечают канадские криминалисты, необходимо обращать внимание не только на место преступления при его осмотре, но и на все возможные пути подхода и отхода с места преступления. Кроме теории рационального выбора необходимо опираться на «рутинную активность населения» на территории, на которой было совершено преступление, т. е. знать маршруты передвижения жителей с учетом того, какие общественные, промышленные, коммерческие, образовательные учреждения организации есть в округе этой территории [3].

Таким образом, исследования в области географического профайлинга, зародившиеся в конце XX в., позволяют на основании изучения материалов уголовного дела, места совершения преступления, обстановки, времени его совершения вместе с моделированием гипотетического маршрута, иметь представление о предполагаемом месте жительства или постоянного пребывания преступника.

Однако всегда ли эффективен географический профайлинг и допустимо ли использовать зарубежный опыт в отечественной правоприменительной практике? Насколько применима теория кругов, например, в серийных убийствах, совершенных на территории Российской Федерации?

Так, в деле серийного убийцы А.Р. Чикатило установлено, что он совершал преступления не только на территории Ростовской области, но и в областях и республиках Советского Союза. В связи с этим затруднительно выстроить круги, в пределах которых мог проживать преступник, так как установлено, что Чикатило, находясь в служебной командировке за пределами Ростовской области, совершал там убийства людей.

На наш взгляд, представляется целесообразным использование географического профайлинга во взаимосвязи с криминалистической ситуалогией [4]. С позиций ситуационного подхода необходимо в рамках предкриминальной, криминальной, посткриминальной ситуации выделить данные, представляющие ценность для работы в рамках географического профайлинга. Так, например, в рамках предкриминальной ситуации осмысливаются условия, способствовавшие ее возникновению [5]. Данная информация позволяет выяснить мотивацию выбора преступником того или иного места совершения преступления, а также обстановки и времени его совершения. Аналогично в рамках изучения криминальной и посткриминальной ситуации для работы в рамках географического профайлинга необходимо проанализировать все элементы, чтобы была возможность смоделировать поведение преступника как в процессе совершения преступления, так и в процессе сокрытия следов преступления и оставления преступником места преступления.

1. Rossmo K. Geographical profiling. Z. ; N.Y. ; Washigton, 1999.
2. Canter D.V. Criminal shadows. London, 1994.
3. Natarajan M. (Ed.). CrimeOpportunityTheories. London, 2017.
4. Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве : учеб.-метод. пособие. Калининград, 2020.
5. Волчецкая Т.С., Абрамовский А.А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2018. Вып. 4, ч. 2. С. 3–9.

УДК 343.98

Е.В. Александренко, В.И. Желунтий

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Как свидетельствует практика, наиболее эффективной формой использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве является проведение судебных экспертиз. Особенно важное значение приобрета-

ют результаты экспертизы при расследовании дел о серийных убийствах, в том числе на сексуальной почве (серийных сексуальных убийств), поскольку способ их совершения предполагает отсутствие очевидцев, свидетелей и традиционных следов на месте происшествия. Часто именно на основании заключений эксперта следователь принимает важные процессуальные решения (привлечь или исключить лицо (лица) из числа подозреваемых, назначить другие экспертизы, выдвинуть новые версии и др.).

Для эффективного использования возможностей судебных экспертиз следователям и прокурорам важно не только уметь применять их результаты при расследовании, не только знать особенности назначения экспертиз, порядок отбора и хранения образцов для сравнительного исследования, но и уметь своевременно предупреждать ошибки экспертов.

Поэтому необходимо иметь понятие о существующих таких ошибках и методах их выявления, о том, как их предупредить и не допускать в дальнейшем. Данные вопросы требуют глубокого изучения и исследования, поскольку являются актуальными для совершенствования как экспертной, так и следственной и судебной практики вообще, и не только по серийным убийствам.

Несмотря на важность указанного аспекта, должное внимание к нему со стороны исследователей отсутствует, о чем свидетельствует анализ литературных источников по вопросам расследования серийных, в том числе сексуальных, убийств. Даже в диссертациях, посвященных использованию специальных знаний при расследовании таких убийств, авторы не рассматривают вопросы экспертных ошибок, что следует считать существенным недостатком, который может повлечь за собой достаточно серьезные последствия [1–3].

Сообщая о допущенных экспертами ошибках при расследовании серийных сексуальных убийств, исследователи обычно ограничиваются рассмотрением вопроса о так называемом парадоксальном выделительстве. При этом не приводятся сведения о проведении исследований, направленных на изучение указанного явления, а также отсутствуют рекомендации о том, как действовать следователю и эксперту. Хотя анализ следственной практики свидетельствует, что с таким явлением следователи и эксперты встречались не единожды, и не только по делу Чикатило, но и по другим делам (Головкина, Кулика и др.) [4, 5]. С подобным столкнулись впервые в своей практике правоохранительные органы Волынской области Украины в 2005 г. при расследовании уголовного дела об убийстве [6]. И это только выявленные и потому описанные в специальной литературе случаи, а о скольких мы еще не знаем.

Актуальность изучения ошибок экспертиз и мер по их предупреждению связана также с тем, что вследствие проведенных реорганизаций следственный аппарат Национальной полиции состоит преимущественно из молодых следователей, которым недостает опыта практической работы по расследованию преступлений вообще, а тем более убийств рассматриваемой категории. Поэтому следователи часто имеют проблемы с постановкой вопросов на разрешение экспертизы и с оценкой ее заключения, не говоря уже о выявлении и предупреждении ошибок эксперта. С учетом организующей и направляющей роли следователя по делам о серийных сексуальных убийствах, расследование которых имеет известные объективные трудности, он должен правильно оценивать имеющуюся и поступающую, в том числе от экспертов, информацию и принимать соответствующие решения по делу, например о назначении новых экспертиз.

Считаем важным отметить, что экспертные ошибки нельзя рассматривать отдельно от ошибок следователей, поскольку они часто связаны между собой: следственные ошибки могут повлечь за собой экспертные, и наоборот. Так, не было бы ошибки в установлении непричастности Чикатило к серии убийств, если бы следователь отобрал у него образцы спермы и назначил дополнительную экспертизу. В данном случае упущение следователя повлекло за собой ошибку эксперта, которая, в свою очередь, дала основания к преждевременному ошибочному выводу следствия о непричастности и к последующему освобождению подозреваемого. Подобные ошибки возникали при расследовании уголовных дел Головкина, Кулика и др. Но при их расследовании следователи своевременно устранили эти противоречия путем назначения повторных экспертиз [5, 7].

Представляется, что необходимо выделять две категории ошибок: ошибочное заключение и экспертную ошибку. Ошибочное заключение предполагает не только экспертную ошибку. При предоставлении в распоряжение эксперта изначально ошибочных или сфальсифицированных исходных данных эксперт может выполнить экспертизу безукоризненно, сформулировав достоверные и обоснованные выводы, однако ошибка в заключении не исключена [8].

По мнению специалистов, ошибочные выводы экспертов по делу Чикатило были получены вследствие трудностей с исследованием биологического материала (спермы с мест убийств), загрязненного бактериями. Следовало тщательно исследовать следы с контрольными образцами спермы разными методами, что не было сделано, и в этом состояла главная причина преждевременных выводов эксперта [3, с. 175].

При расследовании серийных сексуальных убийств экспертные ошибки также возможны из-за невнимательного и небрежного отношения экспертов к исследуемым объектам и из-за их ненадлежащей профессиональной подготовки.

Выявляются ошибки экспертов, прежде всего следователем, следующим путем: изучаются заключения экспертиз, которые сопоставляются с материалами уголовного дела; изучаются постановления о назначении экспертиз, протоколы отбора образцов для сравнительного исследования, следственных действий, на основании которых можно сделать вывод о полноте или неполноте вынесенных на разрешение эксперта вопросов; сопоставляются содержащиеся в заключении эксперта ответы на поставленные вопросы; изучаются использованные при исследовании экспертные методики.

Основными мерами предупреждения экспертных ошибок со стороны следователей могут быть следующие: соблюдение порядка назначения экспертиз и предоставление эксперту всех необходимых образцов для сравнительного исследования; критическая оценка заключения эксперта, его сопоставление с другими имеющимися материалами дела; при необходимости назначение дополнительной или повторной экспертизы.

Со стороны руководителей экспертных учреждений и экспертов необходимы другие меры: регулярное обобщение экспертной практики по видам экспертиз; повышение ответственности экспертов за проводимые экспертизы; соблюдение всех методических рекомендаций и методик при проведении исследований; повышение уровня подготовки экспертов в учебных заведениях, а также их квалификации; контроль руководителей за ходом исследования и результатами экспертиз, обоснованностью выводом о невозможности решения вопроса по сути. Тщательная проверка обоснованности таких выводов будет содействовать сокращению их количества и, следовательно, уменьшению потенциальных латентных ошибок эксперта, которые могут быть выявлены позднее – при проведении повторных экспертиз [9, с. 12–13].

Нами рассмотрены лишь некоторые пути выявления и предупреждения ошибок при проведении судебных экспертиз. Для изучения этого вопроса и улучшения существующего положения необходимы глубокие исследования, опирающиеся на обобщение экспертной, следственной и судебной практики по использованию результатов экспертиз в расследовании и рассмотрению уголовных дел в судах. Указанная проблема требует обсуждения всеми заинтересованными в улучшении работы экспертной службы лицами: экспертами, руководителями экспертных учреждений, следователями, судьями, прокурорскими и научными работниками.

1. Усанов И.В. Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2003.
2. Тихонова Е.В. Расследование и предупреждение серийных сексуальных убийств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2002.
3. Горбулинская И.Н. Использование специальных познаний в процессе расследования серийных убийств (первоначальный этап расследования): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Барнаул, 2007.
4. Настольная книга следователя. Расследование преступлений против личности (убийства, торговля людьми) : науч.-метод. пособие / А.И. Дворкин [и др.] ; под ред. А.И. Дворкина, А.Б. Соловьева. М., 2007.
5. Выступление начальника отдела биологических исследований ЭКЦ МВД Т.В. Стегновой на семинаре в Генеральной прокуратуре СССР по итогам ряда повторных экспертиз по делу Чикатило (1991 г.).
6. Атипичний випадок призначення та проведення судово-імунологічної експертизи при розкритті і розслідуванні вбивства, поєданого із звалтуванням // Слідча практика України. Вип. 5. X., 2007. С. 126–128.
7. Перепечина И.О. Возможности применения моноклональных антител для судебно-медицинских исследований крови // Тр. ВНИИ МВД СССР. 1990. № 125. С. 69–74.
8. Комиссарова Н.А. Ошибки эксперта и их причины // Криміналістичний вісник : наук.-практ. зб. К., 2005. № 1. С. 69–71.
9. Абрамова В.М. Экспертні помилки: сутність, генезис, шляхи подолання : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. К., 2005.

УДК 347.948

С. Алэморьяну, О.С. Катарэга, П.П. Петкович

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ. ЧАСТНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТЫ

Возникновение проблем правового регулирования деятельности судебных экспертов обуславливает необходимость основательного переосмотра действующего законодательства в отношении частных и официальных судебных экспертов. В этой связи важно рассмотреть само существование частных судебных экспертов (которые привлекаются сторонами), осуществляющих свою деятельность параллельно с официальными (государственными) экспертами (кто работает в государственных судебно-экспертных учреждениях). Первый аспект дифференциации касается статуса государственного служащего официального эксперта на примере регламентаций в правовых документах Румынии и Молдовы.

Анализируя румынское законодательство, следует отметить, что в ст. 1 Постановления Правительства № 75/2000 дается следующее определение: «официальный эксперт – это специалист, который работает в институтах и лабораториях судебной экспертизы, созданных в соответствии с законными положениями о производстве криминалистической экспертизы». До принятия Закона № 255/2013 о введении нового Уголовно-процессуального кодекса в ст. 172 ч. 4 Закона № 135/2010 об Уголовно-процессуальном кодексе, к официальным экспертам были приравнены и специалисты, работающие в судебной системе [1, с. 113].

Определение частного эксперта предлагает Л.К. Байлеску: «эксперт-криминалист осуществляет свою деятельность в собственных лабораториях, за пределами государственных институтов судебной экспертизы и лабораториях, входящих в сеть Министерства администрации и внутренних дел или Министерства юстиции» [2, с. 148].

Так, ст. 1 постановления Правительства № 75/2000 после поправок, внесенных Законом № 156/2011, объединяет частных и официальных экспертов, указывая на необходимость авторизованности обеих категорий экспертов. Итак, в этой связи предлагается определение авторизованного эксперта-криминалиста – «официальный или частный эксперт, назначаемый судебными органами, который может участвовать в проведении криминалистических экспертиз по их запросу и рекомендации (ст. 1 п. 2 Закона № 156/2011 о внесении изменений и дополнений в постановление Правительства № 75/2000 об авторизованных экспертах-криминалистах, которых стороны могут рекомендовать для участия в проведении криминалистических экспертиз).

В законодательстве, регулирующем работу частных экспертов, наблюдается неопределенность статуса таковых [1, с. 76]. Их обязанности ограничиваются высказыванием мнений, проверкой и оспариванием экспертиз, выполненных официальными экспертами.

С нашей точки зрения, роль частных экспертов должна заключаться в обеспечении права на защиту граждан. Однако отсутствие гарантий беспристрастности и объективности означает, что частная экспертиза имеет неопределенный статус и является вспомогательной по отношению к официальной экспертизе. Постановление Правительства № 75/2000 не навязывает необходимость существования морального деонтологического кодекса и упоминает в ст. 11 ч. 2 только о профессиональном статусе, разработку которого считает необязательной.

Все названные нормативные недоработки создают только замкнутый круг:

условия подачи заявления на получение официального экспертного статуса трудновыполнимы, так как ограничивают круг лиц, ранее обладающих статусом эксперта;

даже если условия выполняются, то статус официального эксперта не присваивается на конкурсной основе, вследствие чего количество экспертов не соответствует реальной экспертной нагрузке;

использование частной экспертизы невозможно из-за отсутствия гарантий беспристрастности и объективности;

методология аккредитации частных экспертов не разработана, и это ограничивает их возможность заниматься профессиональной деятельностью для проведения криминалистических экспертиз.

Еще одной возможностью исправить ситуацию, созданную двояким подходом к официальной и частной экспертизе является принятие единого статуса, который станет гарантией профессионализма двух учреждений. В Приложении № 1 Закона № 75/2000 после поправок, внесенных Законом № 156/2011, в ст. 1 указывается, что авторизация частных лабораторий криминалистической экспертизы осуществляется единой комиссией, состоящей из экспертов-криминалистов. Однако организация и функционирование этой комиссии не определена. Очевидно, что деятельность данной комиссии должна быть регламентирована решением Правительства. Законодательное упущение (такого решения нет) ставит на уровень ниже частную экспертизу относительно официальной экспертизы.

Указанные недоработки правовых рамок приводят либо к снижению качества экспертиз, либо к увеличению сроков данных процедур, выходя за разумные пределы, допускаемые действующим законодательством.

Анализируя молдавское законодательство, применительно к исследуемому вопросу важно отметить, что с 2016 г. все нормативные акты, регулирующие деятельность судебных экспертов, уравнили существующие ранее отличия между государственными и частными судебными экспертами, объединив нормы в одном координирующем специальном законе № 68 от 14 апреля 2016 г. «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» (ст. 316). Эти положения также были внесены и в соответствующие разделы процессуальных законов. Таким образом, на данный момент нет процессуальных различий между судебными экспертами, осуществляющими деятельность в государственных или частных специализированных учреждениях. Деятельность судебных экспертов на данный момент в Молдове является лицензионной, при этом нет различий в получении лицензии в зависимости от организационной формы деятельности. По нашему мнению, это вполне логично как в плане обеспечения равноправия лиц, желающих осуществлять профессиональную деятельность в данной сфере, так и касательно единообразия в подходе к их профессиональной подготовке, а также и в отношении про-

цессуальных прав и обязанностей государственных и негосударственных судебных экспертов.

Интерес представляет в свете рассматриваемого вопроса и анализ правовых норм, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, на примере относительно Румынского законодательства анализ положений Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих криминалистическую экспертизу. Он указывает на несоответствие их положениям постановлений Правительства № 75/2000 наименований судебных экспертиз и судебных экспертов. Таким образом, в указанном постановлении используется только понятие авторизованных экспертов, осуществляющих свою деятельность в государственных учреждениях либо в специализированных государственных или частных лабораториях. Положение не разграничивает формально официальных судебных экспертов, которые осуществляют свою деятельность в государственных институтах или лабораториях и неофициальных или частных экспертов [3, с. 113].

В действующем (также называемом «новым») уголовном судопроизводстве Румынии используется понятие «официальные эксперты» (ч. 4 ст. 172), отличное от понятия «авторизованный эксперт». Это вызывает ложную трактовку таких экспертов как разных субъектов. Для устранения этого недостатка и улучшения соотношения между текстами Закона, регулирования содержания нового УПК Румынии видится обоснованным отказаться от дефиниции «официальные эксперты» в пользу «авторизованные эксперты», которое объединяет оба понятия: экспертов, работающих в государственных учреждениях, и экспертов в государственных или частных специализированных лабораториях.

Положение об экспертизе, содержащееся в процессуально-гражданских нормах Румынии, не делает различий между авторизованными и официальными экспертами. Все, что предусмотрено ч. 2 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса заключается в том, что суд может потребовать проведения экспертизы в лаборатории или специализированном институте.

В этой связи возникает вопрос: входит ли в обязанности суда по гражданским делам обращаться с целью производства экспертизы к учреждению, в котором работают официальные эксперты, или только в отдельных случаях (когда таких экспертов в определенной области знаний нет) – к частному учреждению?

За отсутствием законных положений, на наш взгляд, следует проводить четкое различие между следующими понятиями:

а) официальная экспертиза: проводится официальными экспертами по заказу судебного органа;

б) противоречивая экспертиза: проводится по заказу судебного органа и назначается им или обеими сторонами (может быть проведена официальными или частными экспертами);

в) контролируемая экспертиза: назначается сторонами специалиста (который должен быть авторизован) с контрольными полномочиями проверки официальных экспертиз [3, с. 193; 4, с. 53].

В свете вышеуказанной классификации согласно специализированной доктрине видится обоснованным, что судья обязан обращаться к официальным экспертам именно в случае возникновения необходимости в решении вопросов, требующих применения специальных знаний (проведение экспертизы) по делу, имеющемуся в производстве суда. Стороны также могут обратиться к частному эксперту, который должен быть авторизован в законном порядке. Единственные казусы, при которых суд может запросить разъяснения у частных экспертов или других специалистов, – это строго специализированные области, в которых официальных экспертов нет.

Так, ч. 2, 3 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса позволяет гражданскому суду выбирать между назначением авторизованного эксперта, частного или официального лица.

Для лучшего соответствия текстов оба процессуальных кодекса должны соответствовать специальному законодательству, координирующему судебно-экспертную деятельность. Кроме того, следует обозначить случаи, в которых суд может назначать экспертизу «ex-officio» частным экспертам.

В этом отношении считаем, что законодательство Молдовы нашло лучший выход и определило в Законе о судебной экспертизе области компетенции судебно-экспертных учреждений, при этом не выдвинув ограничения в обращении судов или сторон к экспертным учреждениям для производства экспертиз или получения специализированной помощи в этой области (ст. 66, 67).

Таким образом, сравнив оба законодательства, подчеркнем, что молдавское обеспечило соблюдение принципа состязательности в судебно-экспертной деятельности, выбор эксперта и/или экспертного учреждения, оставляя ее исключительно в компетенции судов и сторон.

1. Кристеску Д.И. Криминалистическая экспертиза. Организация и деятельность в свете нового Уголовно-процессуального кодекса // Уголов. право. 2014. № 1.

2. Официальный Монитор Румынии № 486 от 15.07.2010.

3. Пынтя А. Элементы уголовно-процессуального права и криминалистической тактики. Бухарест, 2006.

4. Алэморяну С. Проблематика криминалистических экспертиз. Бухарест, 2013.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ
С КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫМИ ОРГАНАМИ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАССЛЕДОВАНИИ
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Выполнение Следственным комитетом Российской Федерации (далее – Следственный комитет, СК России) своей основной задачи – оперативного и качественного расследования преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством (п. 1 ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации») – в настоящее время практически невозможно без оказания содействия иными государственными органами. Такое содействие играет особую роль при решении Следственным комитетом еще других своих задач – организации и осуществления в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятия мер по устранению таких обстоятельств (п. 4 ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Среди государственных органов, взаимодействие с которыми СК России объективно необходимо, в первую очередь следует выделить контрольно-надзорные органы, имеющие сходные задачи, реализуемые вне рамок уголовного судопроизводства. К таким задачам относятся:

- проверка лиц и организаций на предмет соблюдения требований закона;
- выявление нарушений закона и посягательств на законные права и интересы личности, общества и государства;
- привлечение виновных лиц к ответственности в случае нарушения закона;
- возмещение ущерба, вреда, причиненного нарушением закона, восстановление нарушенных прав и интересов;
- профилактика правонарушений.

Таким образом, деятельность контрольно-надзорных органов по выполнению возложенных на них задач может: во-первых, привести к выявлению преступлений путем направления материалов своих проверок в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо участия их представителей в проверке следователем сообщения о преступлении; во-вторых, оказывать содействие следова-

телю путем предоставления информации, необходимой для раскрытия и расследования преступления; в-третьих, способствовать организации совместных профилактических мероприятий.

В связи с этим СК России практически с момента своего создания целенаправленно занимается заключением соглашений на федеральном и региональных уровнях в первую очередь с контрольно-надзорными органами для выработки тактики совместной деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений. Так, одним из первых контрольно-надзорных органов, с которым Следственный комитет заключил соглашение, стала Федеральная налоговая служба (ФНС) России. Взаимодействие СК России с правоохранительными и контрольно-надзорными органами, по мнению Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина, доказывает свою результативность [1, с. 18] и продолжает развиваться.

В то же время эффективность действия некоторых межведомственных соглашений, заключенных между государственными органами, находится на низком уровне. Например, А.А. Лопатина и Н.В. Поляков отмечают, что ответы на запросы, направляемые в Росфинмониторинг, занимают довольно длительный период, в связи с чем информация может стать неактуальной к моменту ее получения [2, с. 245].

Поэтому наибольшую значимость приобретает организация обмена между следственными и иными государственными органами информацией в электронном виде, который существенно сокращает сроки получения информации. Межведомственное электронное взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти и государственными внебюджетными фондами с 31 декабря 2017 г. [3] осуществляется исключительно с использованием единого электронного сервиса единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) [4].

В связи с отсутствием технических возможностей подключения к СМЭВ межведомственное взаимодействие осуществляется Следственным комитетом на основе заключенных соглашений и дополняющих их протоколов и регламентов с соблюдением требований безопасности. По общему правилу СК России должен не только заключать с каждым государственным органом, в том числе контрольно-надзорным, соглашение (а при необходимости и составлять информационный протокол), определяющее объем получаемой информации, но и составлять протоколы об информационном, технологическом взаимодействии и информационной безопасности, устанавливающие порядок санкционированного удаленного доступа к банкам данных. Поскольку данная организационная работа занимает достаточно много времени, Главное

управление криминалистики (Криминалистический центр) (ГУК (КЦ)) СК России, на которое возложена функция межведомственного взаимодействия, предложило подключение к ресурсам МВД России, уже включающим в себя информацию, предоставляемую органам внутренних дел государственными органами. Такой подход позволил использовать существующие каналы связи МВД России Следственным комитетом благодаря заключению соглашений о предоставлении информации, которую получают органы внутренних дел.

Так, информационные ресурсы ФНС доступны СК России двумя способами: получением выписки из ЕГРЮЛ, ЕГРИП посредством электронного сервиса «Интеграция и доступ к базам данных ЕГРЮЛ и ЕГРИП», поступлением сведений о принадлежности физического лица к той или иной организации по защищенному каналу связи непосредственно из ФНС России, сведений по банковским счетам (депозитам) – через канал ИПС МВД России «Следопыт-М». Данные по актам гражданского состояния жителей Москвы, предоставляемые СК России на основании протокола информационного взаимодействия между Следственным комитетом Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации от 4 декабря 2018 г. № пртск-213-19-18, получают также через МВД России, поэтому не требуется создание удаленного доступа СК России к банку данных ЗАГС.

В настоящее время специалистами ГУК (КЦ) оказывается практическая помощь следователям и следователям-криминалистам подразделений СК России в получении сведений из официальных информационных ресурсов, доступных Следственному комитету. При этом количество обработанных запросов постоянно увеличивается (см. таблицу).

Количество запросов сведений в ГУК (КЦ) подразделениями СК России

Объект проверки	2017 г.	2018 г.	2019 г.	10 месяцев 2020 г.
Физические лица	682	6 486	8 899	7 934
Юридические лица	42	1 002	618	1 076
Транспортные средства	–	303	755	973

Таким образом, ГУК (КЦ) выступает в роли «единого окна» для следователей и следователей-криминалистов, обеспечивая поиск и анализ сведений в межведомственных информационных ресурсах МВД, ФНС, Пенсионного фонда и иных доступных СК России источниках.

В дальнейшем при наличии информационной системы-адаптера для доступа в СМЭВ Следственный комитет сможет получать сведения из

информационных массивов данных следующих государственных органов: Федеральной службы судебных приставов, Министерства здравоохранения, Министерства образования и науки, Роскомнадзора, Фонда социального страхования, Федерального дорожного агентства, Роспотребнадзора, других федеральных министерств и подведомственных им агентств и служб.

Кроме того, в планы по развитию межведомственного информационного взаимодействия Следственного комитета входят:

- подключение к информационным системам Росреестра;
- заключение трехстороннего соглашения с Минтрансом, Росавиацией, Ространснадзором с целью подключения к ПТК «Розыск Магистраль»;
- внесение изменений в соглашение с Росфинмониторингом в части получения информации в электронном виде.

В целях оптимизации обработки информации, поступающей из различных электронных баз данных, в ГУК (КЦ) разработано программное обеспечение, позволяющее не только формировать сводные сведения по поступающим запросам, но и проводить информационно-аналитические исследования по информации, предоставляемой как государственными органами, так и иными организациями, включая сведения операторов связи об абонентах, соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (разрешение на использование СК России автоматизированной системы обработки запросов (АСОЗ) ПАО «Мегафон» от 7 ноября 2018 г. № 39690-18), а также по видеоданным систем городского видеонаблюдения «Безопасный город» Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области.

Таким образом, описанный формат электронного взаимодействия СК России с контрольно-надзорными и иными государственными органами в отсутствие функционирования в полном объеме СМЭВ позволяет оптимизировать данную деятельность по двум направлениям: экономии организационно-технических ресурсов и сведению данных, получаемых из различных источников. Такая оптимизация проводится не только в целях формирования сводной информации по конкретным лицам или организациям, необходимой в ходе предварительного расследования, но и в целях проведения информационно-аналитической работы для решения различных криминалистических задач [5, с. 33–35].

1. Бастрыкин А.И. Следственному комитету Российской Федерации – 8 лет: достижения и стремление к совершенствованию // Вестн. Акад. Следств. ком. Рос. Федерации. 2019. № 1. С. 18–22.

2. Лопатина А.А., Поляков Н.В. Проблемные аспекты взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с Росфинмониторингом при выявлении,

раскрытии и расследовании незаконной банковской деятельности // NovaUm. Ru. 2019. № 17. С. 245–247.

3. О дальнейшем развитии единой системы межведомственного электронного взаимодействия [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 19 нояб. 2014 г. № 1222 (в ред. от 20.11.2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Электронное правительство. Системы межведомственного электронного взаимодействия : технол. портал. URL: <https://smev.gosuslugi.ru/portal/> (дата обращения: 28.09.2020).

5. Антонов О.Ю. Международные и национальные тенденции и перспективы развития информационно-аналитической судебной экспертизы // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. II Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 21–22 мая 2020 г. Н. Новгород, 2020. С. 30–37.

УДК 343.9

Б.В. Асайнок

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИДАКТИКА В ИНТЕРЕСАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Криминалистическая дидактика в последние три десятилетия сделала большие шаги. В настоящее время она является самостоятельным направлением криминалистической науки, обогащенным значительными трудами, среди которых работы Т.С. Волчецкой [1], С. Ю. Журавлева [2], В.Г. Коломацкого [3], И.М. Комарова [4], В.М. Логвина [5] и др. В этих и иных достаточном количестве исследований определяются важные задачи и направления в развитии криминалистического образования. В устоявшемся концепте современной парадигмы преподавания находится переход от обучения криминалистике (от совокупности приобретаемых знаний, умений и навыков в данной сфере) к криминалистическому мышлению и развитию значения криминалистики как междисциплинарного знания, необходимого каждому юристу в процессе доказывания по юридическому делу. Методологическая значимость криминалистики постепенно признается и учеными в сфере отраслевых юридических наук, что предопределяет значительное количество трудов по использованию криминалистических знаний в различных сферах юридической деятельности. Одной из таких сфер является административный процесс (в Российской Федерации и ряде иных государств постсоветского пространства – производство по делам об административных правонарушениях).

Вместе с тем развитие криминалистической дидактики не успевает за расширением применения криминалистики. И если отсутствует серьез-

ное научное неприятие применения криминалистической методологии и категориального аппарата в разных сферах юридической деятельности, то до сих пор существует подчинение криминалистической дидактики исключительно интересам расследования преступлений. Можно сколько угодно говорить об универсальном значении криминалистики как науки о доказательственной деятельности, но, если этот аспект не отражен в образовательной деятельности, криминалистические знания будут лишь у юристов криминального блока, использующих их, как правило, на стадии предварительного расследования.

Такая тенденция особенно заметна при освоении криминалистикой сфер административного, гражданского и хозяйственного процессов. Традиционные учебные программы практически не содержат упоминания о применении криминалистики в иных видах процессуальной деятельности, кроме уголовного процесса. Более того, в них отсутствует изучение криминалистического обеспечения прокурорской деятельности, судебного разбирательства, хотя они представляют единый процесс доказывания по уголовному делу с единственными методологическими подходами.

Также следует отметить, что классическая криминалистика, так исторически сложилось, – милицейская криминалистика. В ней почти не рассматриваются особенности криминалистического обеспечения деятельности иных органов дознания, а потребность в этом есть. Поэтому в традиционной криминалистике вне серьезного научного осмысления остаются вопросы таможенного контроля, пограничной службы, контрольно-надзорной, административно-юрисдикционной деятельности и других сфер правоприменения. В связи с этим как никогда актуальной представляется позиция Г.А. Шумака о наличии горизонтального среза криминалистики, на котором развиваются параллельно с уголовно-процессуальной административно-процессуальная, банковская, прокурорская и иные сферы ее применения [6, с. 99–101]. Такой взгляд позволяет в полной мере дорабатывать и развивать те аспекты, которые по определенным причинам не были отражены в традиционной системе рассматриваемой учебной дисциплины.

Изучение криминалистического обеспечения административного процесса не требует введения курса административной криминалистики в систему учебных программ учреждений высшего образования юридического профиля. Подобная постановка вопроса является излишней. Изучение криминалистического обеспечения административного процесса в учреждениях высшего образования представляется уместным в рамках ряда специализированных модулей или специальных курсов. Такой подход особенно важен для профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел, пограничной службы, таможенных органов и других органов дознания. Обучение криминалистическому обеспечению адми-

нистративного процесса естественным образом может войти в систему высшего образования первой ступени. Поскольку традиционно орган дознания, наряду с уголовной юрисдикцией, обладает и юрисдикцией в сфере административного процесса, изучение криминалистического обеспечения административного процесса не только не ухудшает подготовку будущих сотрудников органов дознания, но и делает ее комплексной.

Важно также обратить внимание на обучение криминалистике в сферах профессиональной подготовки, не предусматривающей высшее юридическое образование. Административный процесс ведется должностными лицами порядка 70 государственных органов, профессионаграмма которых часто такого образования не предусматривает. Обучение их полному курсу криминалистики в рамках высшего образования невозможно, да и не целесообразно. Обучение должностных лиц организации и тактике работы с доказательствами на базе криминалистических компетенций видится в рамках последипломного образования (подготовки). Уровнями такой подготовки могут быть:

- повышение квалификации с изучением криминалистического обеспечения административного процесса в сфере компетенции должностных лиц;
- проведение тематических семинаров по данной проблематике;
- профессионально-должностная подготовка по месту службы (работы);
- разработка локальных правовых актов в этой сфере.

Причем обучение в сфере криминалистического обеспечения административного процесса предлагается распространить не только на должностных лиц, его ведущих, но и на иных возможных потребителей криминалистических знаний – экспертов и специалистов. Они могут участвовать в собирании доказательств еще до начала административного процесса (например, в рамках налоговой и таможенной экспертиз). Очень важно, чтобы общие криминалистические рекомендации уже тогда ими учитывались, поскольку полученные результаты могут с большей достоверностью использоваться использовать при дальнейшем ведении административного процесса.

1. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 1. С. 349–353.
2. Журавлев С.Ю. Инновационные технологии криминалистического образования как фактор совершенствования практики расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3. С. 31–38.
3. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 1992.
4. Комаров И.М., Ян Е.И. Криминалистическая дидактика: современные проблемы // Современные проблемы юридической науки и правоприменитель-

ной практики : сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Юрид. ин-та БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. С. 296–303.

5. Логвин В.М. О некоторых проблемных вопросах развития отечественной криминалистики // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия Д. 2016. № 13. С. 202–206.

6. Шумак Г.А. Тенденции развития учения о системе криминалистики // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики: материалы круглого стола с междунар. участием, Минск, 13 апр. 2017 г. Минск, 2017. С. 98–102.

УДК 343.1(035.3)

В.И. Балко, С.А. Сергеев

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Папиллярные узоры кистей рук человека, которые в СНГ классифицируются по системе Ф. Гальтона, Ф. Генри, Г. Рошера, В.И. Лебедева, П.С. Семеновского, используются в ручных дактилоскопических картотеках до настоящего времени на периферии СНГ в небольших городах, где нет БД АДИС, или параллельно им.

Как известно, современная дактилоскопическая карта, с одной стороны, – учетно-регистрационный документ, содержащий основные отпечатки и контрольные оттиски правой и левой руки, а также основные установочные данные зарегистрированного человека, а с другой стороны – образцы для сравнительного исследования. Бланки дактилоскопических карт изготавливаются на плотной белой бумаге плотностью не менее 120 г/м².

Дактилоскопическая карта обязательно содержит следующие сведения: пол, фамилию, имя и отчество дактилоскопируемого; число, месяц, год, место его рождения; отпечатки всех ногтевых фаланг пальцев обеих рук, контрольные оттиски пальцев рук, отпечатки (оттиски) ладоней рук (в случае увечья делается соответствующая отметка); подпись лица, которое подвергается дактилоскопированию (дактилоскопируемого); дату проведения дактилоскопирования; место проведения; основание дактилоскопирования, должность, фамилию и подпись работника, который изготовил и заполнил дактилоскопическую карту (дактилоскопирующего), дополнительные сведения о регистрирующем лице и т. д. Дактилоскопическая карта на неопознанный труп содержит следующие сведения: пол; отпечатки всех ногтевых фаланг пальцев рук, их контрольные оттиски, оттиски ладоней рук (в случае увечья делается соответствующая отметка); дату проведения дактилоскопирования; место, на территории которого обнаружен труп; должность, фамилию и подпись работника, который заполнил дактилоскопическую карту.

Существуют определенные требования к качеству дактилоскопических карт: изображение папиллярных линий должно быть черным на светлом фоне, краситель – распределенным ровным слоем, полученное изображение – однотонным, центры папиллярных узоров – расположенными в центре соответствующих граф, расположение отпечатков для обеих рук – в строгой последовательности.

В странах СНГ приняты свои изменения и дополнения. При проведении пороскопической и эджеоскопической экспертизы или дополнительного дактилоскопирования в отпечатках и оттисках на дактилоскопической карте должно быть отражено строение пор и краев папиллярных линий. В этих случаях для отбора образцов с целью сравнительного исследования, как правило, привлекаются опытные криминалисты, производящие экспертизу.

В г. Семей Восточно-Казахстанской области были изучены тысячи дактилоскопических карт живых лиц и трупов и произведено анкетирование действующих и находящихся на пенсии специалистов в этой сфере.

Изучение дактилоскопических карт и анкетирование показало, что необходимо произвести усовершенствование дактилоскопической карты. Оно затрагивает:

формы дактилоскопической карты. В настоящее время чаще используются две основные формы дактилоскопической карты – бумажная и электронная. Другие формы, которые определяются специфическим материальным носителем, например стеклянная, металлическая, пластмассовая и визуальная, носят научный либо лабораторный, т. е. индивидуальный ограниченный, характер. При совершенствовании бумажной формы дактилоскопической карты следует обратить внимание: на бланк дактилоскопической карты – качество его материала и структуру самого бланка; технику и технологию дактилоскопирования рук (ног) и качество заполнения бланков (наличие опыта); выпуск пособия по дактилоскопированию для юристов. Совершенствование электронной дактилоскопической карты предполагает своевременное использование достижений научно-технического прогресса, применение качественно программного обеспечения и профессионализм дактилоскопирующего (наличие внимательности). С этой целью необходимо разработать методические рекомендации по дактилоскопированию для служебного пользования;

способы дактилоскопирования. В странах СНГ применяются два основных способа дактилоскопирования (традиционное – с применением специальных красок и бескрасковое – цифровое), хотя известны около 12 способов дактилоскопирования. Из-за высокой стоимости бескрасковое

дактилоскопирование не получило широкого распространения. Поэтому с учетом различных кризисов актуальным в течение 10–20 лет остается традиционный способ дактилоскопирования. Для совершенствования традиционного способа дактилоскопирования необходим выпуск пособия с практическими рекомендациями, бескраскового способа получения отображения рук (ног) – развитие технических средств и программирования;

бланки дактилоскопической карты. Например, необходимо разделение бланков на регистрационные (для регистрации) и экспертные (для исследования);

технику и технологии дактилоскопирования пальцев рук живых лиц. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров: в среднем до 12,3 % отпечатков бракуются из-за низкого качества. Низкое качество имеют отпечатки: влажных пальцев; не захватывающие 3–5 мм верхней части папиллярной поверхности средней фаланги пальцев; с сверхтолстым слоем краски; смазанные и загрязненные и т. д.

технику и технологии дактилоскопирования ладоней рук живых лиц. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров: в среднем до 13,9 % отпечатков бракуются из-за низкого качества. Причинами низкого качества являются: неполная прокатка отпечатка ладони; тонкий или толстый слой краски отпечатка; смазанные, влажные и загрязненные отпечатки и т. д.

технику и технологии дактилоскопирования подошв ног живых лиц. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров: в среднем до 10–15 % отпечатков бракуются из-за низкого качества;

технику и технологии дактилоскопирования подошв пальцев ног живых лиц. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров в исследовательских целях. В этих целях должен быть предусмотрен выпуск пособия по дактилоскопированию пальцев, ладоней рук и подошв живых лиц;

технику и технологии дактилоскопирования пальцев рук трупов с ранними трупными изменениями. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров: в среднем до 13,7 % отпечатков бракуются из-за низкого качества. Низкое качество имеют отпечатки: влажные, с толстым слоем краски, смазанные, грязных пальцев, с непроработанными складками (морщинами);

технику и технологии дактилоскопирования ладоней рук трупов с ранними трупными изменениями. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров: в среднем до 10–15 % отпечатков бракуются из-за низкого качества;

технику и технологии дактилоскопирования подошв ног трупов с ранними трупными изменениями. Необходимо повышение качества

отображений папиллярных узоров: в среднем до 10–15 % отпечатков бракуются из-за низкого качества. Следует выпустить пособие по дактилоскопированию пальцев, ладоней рук и подошв трупов с ранними трупными изменениями;

технику и технологии дактилоскопирования трупов с поздними трупными изменениями. Необходимо повышение качества отображений папиллярных узоров. В этих целях следует совместно криминалистам и судмедэкспертам выпустить пособие по дактилоскопированию трупов с поздними трупными изменениями или методические рекомендации по определению разновидностей трупных изменений. Также должны быть дополнены нормы взаимодействия специалиста-криминалиста и судмедэксперта, чтобы оно стало более конкретным, качественным и реальным.

Совершенствование дактилоскопической карты связано с человеческим фактором. При постановке на учет в различных ведомственных учреждениях иногда приходится делать отпечатки неспециалистам или сотрудникам, имеющим небольшой опыт. Поэтому им нужен наставник и должен быть организован зачет по снятию отпечатков, если они изготовляют некачественные дактилоскопические карты.

В настоящее время в Казахстане и по всему миру идут параллельные и взаимосвязанные процессы совершенствования бумажной и электронной форм дактилоскопической карты и ее дактилоскопической информации для создания и использования биометрического паспорта.

Таким образом, совершенствование бумажной и электронной форм дактилоскопической карты и их стандартизация – одно из необходимых условий всемирной дактилоскопической регистрации.

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев

**ОБ ОШИБКАХ И МЕРАХ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРОВ МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ
ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ,
СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ**

Изучение уголовных дел в судах и подразделениях Следственного комитета (СК) Республики Беларусь, опрос следователей, специализирующихся на расследовании хищений путем использования компьютерной техники, сотрудников подразделений Управления по раскрытию

преступлений в сфере высоких технологий (УРПСВТ) МВД Республики Беларусь, а также специалистов Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ) Республики Беларусь, показали, что одним из информативных, при этом сложным и трудоемким следственным действием по делам о хищениях путем использования компьютерной техники является осмотр места происшествия (ОМП). Во многих случаях проведение этого следственного действия вызывает определенные сложности, которые обусловлены ошибками следователей, сотрудников органов дознания.

Так, в результате анализа судебной и следственной практики¹ нами выявлены следующие упущения, имеющие место в ходе подготовки и проведения ОМП:

несвоевременность или отказ от проведения ОМП (по большинству дел – 75,8 % от изученных – ОМП вообще не проводился), не позволяющие в должной мере собрать доказательственную информацию, определить дальнейшее направление расследования и получить сведения, позволяющие изобличить преступника. Промедление с проведением ОМП, как правило, влекло за собой уничтожение (либо видоизменение) подготавливаемыми электронно-цифровых следов совершенного преступления, которое негативно отражалось на успешном расследовании уголовного дела и привлечении конкретных лиц к ответственности. Поэтому по значительной части изученных уголовных дел в дальнейшем принималось решение о приостановлении производства по п. 1 или 2 ст. 246 УПК. По нашему мнению, редкое проведение ОМП вызвано спецификой места совершения рассматриваемого хищения. Часто место наступления негативных последствий (как правило, финансовое учреждение) не совпадает с местом совершения преступления и местом обнаружения рассматриваемого хищения (местом доступа потерпевшего к расчетному счету);

непривлечение к осмотру и другим следственным действиям специалистов (в 60,7 % изученных уголовных дел), которое является одной из причин некачественного и неполного проведения ОМП, выражающегося в неустановлении важных обстоятельств уголовного дела, а также следов преступления.

На рабочем этапе проведения ОМП по уголовным делам о хищениях путем использования компьютерной техники были выявлены следующие ошибки:

формальное и упрощенное проведение следственного действия (в 64,3 % уголовных дел). В основном характерно для уголовных дел, приостановленных производством в связи с неустановлением лица,

¹ Автором были изучены 231 уголовное дело, в том числе те, которые приостановлены производством в порядке п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) и те, по которым приговор вступил в законную силу. По 56 изученным уголовным делам были проведены ОМП.

подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Часто ОМП проводится лишь сотрудниками подразделений УРПСВТ либо на стадии проверок, либо по уголовным делам в рамках исполнения поручений (по 41,1 % уголовных дел);

неполное обозначение наименования программно-технических средств (ПК, ноутбуки и т. д.), а также программного обеспечения, применяемых при проведении следственного действия. В 89,3 % уголовных дел имели место факты применения специальных средств и устройств без указания наименования оборудования, марки, модели, версии, серийного номера и имеющегося программного обеспечения;

отсутствие во вводной части протокола ОМП указания, какие применялись измерительные и поисковые приборы (вид, марка, модель и т. д.) и иные средства (например, средства выявления и фиксации следов), кем применялись (должность или процессуальное положение, фамилия и инициалы) и для чего;

редкое использование видеосъемки (7,1 % уголовных дел), в том числе по уголовным делам, возбужденным по ч. 3, 4 ст. 212 УК;

поверхностная фиксация обстановки на месте происшествия и прилегающей к нему территории (в 66,1 % случаев). Неправильно определяются границы, исходная точка и последовательность осмотра, некачественно описываются обстановка и предметы на месте происшествия, не используется специальная терминология; не проводится осмотр в хозяйственных и дворовых постройках, чердачных и подвальных помещениях, а также на прилегающей к дому территории. Нередко рамки осмотра сужаются следователями исключительно до границ места нахождения программно-технических устройств;

низкое качество фототаблиц либо их отсутствие, игнорирование возможностей графического способа фиксации (схемы, зарисовки) (в 10,7 % уголовных делах). Характерно для осмотров, проведенных следователями либо сотрудниками органов внутренних дел самостоятельно, без участия специалиста, т. е. свидетельствует об их низком уровне криминалистической подготовки, несоблюдении имеющихся методических рекомендаций;

нарушение правил и процедуры упаковки изымаемых объектов, которое может повлечь за собой признание предоставленных доказательств недопустимыми (в 35,7 % уголовных дел). Изымаемые документы подшивались к материалам дел, имели место нарушения правил и процедуры упаковки объектов, не исключающие несанкционированного доступа к изымаемым объектам, их повреждений или уничтожения. Все изымаемые следы, предметы (объекты) должны упаковываться, печатываться, снабжаться пояснительной надписью в присутствии всех участников осмотра без каких-либо исключений и удостоверяться их подписями;

небрежность в составлении протокола. От руки написаны 91,6 % протоколов, из них 15,5 %, написаны неразборчивым почерком, составлены крайне небрежно, с исправлениями и зачеркиваниями, недопустимыми при составлении процессуальных документов. Только в 2,8 % протоколов, написанных от руки, прилагался напечатанный дословный текст процессуального документа, в значительной степени облегчающий восприятие изложенной в нем информации. Такая практика составления протоколов, в частности, имеет место в управлении по расследованию преступлений против информационной безопасности и интеллектуальной собственности главного следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь. Этот положительный опыт может быть внедрен в практику работы иных подразделений СК и ОВД.

Для повышения качества проведения ОМП, т. е. для устранения нарушений методики и тактики его проведения, представляется, необходимо:

производить следователям, непосредственно не специализирующимся на расследовании хищений путем использования компьютерной техники, изъятие интересующих программно-технических средств или носителей электронно-цифровой информации либо их побитовую копию. В дальнейшем все изъятые осматриваются в более комфортных для следователя времени и месте с обязательным привлечением специалиста. Также возможно копирование значимых лог-файлов сетевого оборудования. Необходимо делать копию сетевого трафика, передаваемого в локальной вычислительной сети потерпевшего в момент совершения рассматриваемого хищения;

привлекать по возможности в качестве специалиста соответствующего эксперта ГКСЭ Республики Беларусь в области ИТ-технологий либо следователя, специализирующегося на расследовании преступлений против информационной безопасности. При привлечении сотрудника подразделения УРПСВТ в качестве специалиста необходимо убедиться в наличии у него специальной квалификации и профессионального опыта, а также в том, что он не заинтересован в исходе уголовного дела, т. е. не участвовал в разбирательстве по материалу проверки;

осуществлять по возможности фиксацию ОМП с использованием видеозаписи. При составлении фототаблиц необходимо руководствоваться актуальными рекомендациями;

отражать при составлении планов (схем) осматриваемых помещений месторасположение программно-технических и периферийных устройств и их возможные соединения, места обнаружения электронно-цифровых носителей информации и иных изымаемых предметов, следов, имеющих значение для дела. Для получения опыта создания ка-

чественной схемы осматриваемого места происшествия необходимо обращаться за помощью к специалисту либо более опытному коллеге;

изучать и обобщать регулярно опыт организации и проведения ОМП по уголовным делам о хищении путем использования компьютерной техники для последующего внедрения новшеств в практическую деятельность. Правильное реагирование на часто допускаемые промахи позволяет значительно повысить эффективность проведения ОМП по уголовным делам о хищении путем использования компьютерной техники.

УДК 343.9

А.Д. Белоусов

ОПТИМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СВЕДЕНИЙ О НЕУСТАНОВЛЕННОМ ЛИЦЕ, ПОДОЗРЕВАЕМОМ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Одним из существенных затруднений, возникающих при расследовании уголовных дел в условиях неочевидности, является недостаток информации о неустановленном лице, подозреваемом в совершении преступления. Данное обстоятельство, кроме прочего, становится причиной значительного числа нераскрытых преступлений прошлых лет по приостановленным производством уголовным делам. Так, Главный информационно-аналитический центр МВД России зафиксировал в 2019 г. 895 тыс. преступлений, оставшихся нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (Состояние преступности в России: за 2019 год. М., 2019).

В связи с этим повышается значимость внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений технологий, базирующихся на новейших научных разработках, в том числе и в области знаний о человеке и неделимом единстве его физического и психического начал. Так мы работаем в течение ряда лет при составлении психологических портретов или профилей личности неустановленных подозреваемых по заявкам главного и территориальных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления уголовного розыска, а также территориальных управлений МВД России.

При ознакомлении с материалами уголовных дел прошлых лет, предоставляемых нам для анализа, был выделен ряд типичных недо-

статков, снижающих достоверность зафиксированных признаков разыскиваемых лиц.

В самом общем виде такие недостатки связаны с неполной фиксацией психологически важных деталей и их произвольной интерпретацией лицами, производящими расследование. К предполагаемым причинам указанного мы относим невысокое качество производимых следственных действий, отсутствие достаточных психологических компетенций у следователей, а также их небрежность в отношении к мелким деталям, характеризующим подозреваемого.

С целью повышения данных компетенций сотрудников, и в частности восполнения пробелов в знаниях о единстве психического и телесного в человеке, а также об имеющихся в психологической науке типологических подходах к описанию личности, нами были подготовлены методические рекомендации «Особенности собирания сведений о личности подозреваемого с целью составления его психологического портрета».

Целью этой работы было установление некоего стандарта технологии психологического портретирования как самостоятельного криминалистического метода, который в значительной мере опирается на научную специализацию, уровень компетентности, профессиональный опыт, творчество и даже интуицию привлекаемого специалиста.

Очевидно, многие сотрудники, осуществляющие предварительное расследование, не имеют представления об элементарной дифференциации двух подходов в психологическом портретировании: статистического, состоящего в обнаружении и накоплении сходных признаков криминалистической картины отдельных видов преступлений, и аналитического, опирающегося на научно обоснованные типологии индивидуума вне зависимости от его преступной активности.

Необходимо понимать, что первый из этих подходов, или индуктивный метод, реализуется при наличии достаточного объема баз данных по типам расследуемых преступлений и лицам, их совершивших, который позволяет сопоставлять имеющуюся информацию по конкретному делу со статистическими закономерностями соответствующей базы и математически достаточно обоснованно восполнять недостающие характеристики разыскиваемого лица. К сожалению, следует констатировать отсутствие подобных баз с объемом информации, достаточным для достоверных и прогностически ценных выводов.

Второй, или аналитический, подход в психологическом портретировании опирается на статистические связи не только криминологического плана, а именно на характеристики типажей в рамках научных

психологических классификаций конституции, темперамента, характера, личности и пр. Поэтому такой подход позволяет описывать любую личность, в том числе преступного типа, и не в связи с тяжестью совершенного ей преступления. Даже самые незначительные проявления жизнедеятельности или психической активности любого человека и в любых обстоятельствах могут быть типологизированы с помощью аналитических знаний.

Кроме этого преимущества, по нашему мнению, аналитический подход в психологическом портретировании обладает и определенной гибкостью, позволяющей специалисту использовать для анализа фактического материала по делу ту психологическую типологию, которая в большей мере соответствует имеющимся в распоряжении следствия данным.

В применяемых на практике в большом количестве научных классификациях мы использовали такое их свойство, как взаимное пересечение и дополнение. Опираясь на разную степень их обобщений и специализации, а также включенность узких схем в более обобщенные, мы осуществляли «встройку» имеющихся признаков разыскиваемого лица в общую структуру его личности, описываемую психологическими классификациями, чтобы определить недостающие по материалам дела черты подозреваемого для достаточно обоснованного и цельного составления его психологического портрета.

Учитывая, что объем и качество собираемого фактического материала о подозреваемом во многом зависят от понимания следователем значения отдельных признаков и их места в психологических типологиях, мы предложили сотрудникам общие знания по данной теме в их оптимальном изложении.

Так, видению положения совокупности фактов в определенной структуре черт личности, по нашему мнению, может способствовать трехуровневая матрица с занесенными в нее отдельными признаками разыскиваемого лица. Выделение этих уровней, или блоков, информации в матрице основано на двухполюсной шкале, крайние значения которой соответствуют обусловленности признаков человека наследственными механизмами, т. е. телесными, соматическими, и ситуативными, случайными обстоятельствами его действий, слов, выбора реагирования и т. п. Соответственно, признаки подозреваемого из материалов уголовного дела, относящиеся к первому блоку, имеют самую высокую вероятность проявления в поведении человека, а значит, являются наиболее достоверными в его психологическом портрете.

Для закрепления позиции признаков в единой структуре целесообразно использовать сквозную нумерацию. Первый блок состоит из

признаков, являющихся фундаментальными предпосылками многих черт личности. Такими признаками являются:

1. Пол.
2. Возраст (совершеннолетний, несовершеннолетний, старческий)¹.
3. Тип телосложения (худощавый, коренастый, мускулистый).
4. Тип характера (шизоидный, эпилептоидный, истероидный и др.).
5. Психопатология (признаки умственной отсталости, шизофрении, маниакальности, личностного расстройства).
6. Хронические заболевания (признаки сахарного диабета, гипертонии, туберкулеза и других заболеваний).
7. Культурно-этнические особенности (уроженец средней полосы России, Средней Азии, Кавказа, районов Крайнего Севера или других регионов; гражданин с менталитетом страны или иностранец).

Второй блок объединяет черты индивидуума, на формирование которых оказало умеренное влияние внешняя среда (воспитание, опыт, материальные возможности или ситуация). Степень достоверности в прогностическом описании данных свойств – средняя. Второй блок составляют следующие признаки:

1. Уровень интеллекта (высокий, средний, низкий).
2. Образование (начальное, среднее, высшее).
3. Род профессиональной деятельности (работа в сфере услуг, низкоквалифицированный труд, творческая профессия и некоторые другие профессии).
4. Дополнительные интересы, хобби (интеллектуальные, художественные, прикладные, созерцательные).
5. Ведущая мотивация в деятельности (властно-прагматическая, эмоционально-коммуникативная, отстраненно-мыслительная, избегающе-осторожная).
6. Мотивация совершенного преступления (насильственная, корыстная, месть и др.).
7. Отношения с противоположным полом (половая ориентация, сексуальная зрелость, семейный статус, сексуальное благополучие).
8. Коммуникативные способности (умение общаться, широта контактов).
9. Криминальное прошлое и тип совершенных преступлений.
10. Отношение к службе в армии (пригоден к службе в армии, род войск (инженерные войска, войска специального назначения и др.)).

Третий блок образуют признаки устанавливаемого лица, проявление которых в наибольшей степени определяется ситуацией и в наимень-

¹ В скобках даны предлагаемые определения для их фиксации в материалах дела.

шей – наследственными факторами. Степень достоверности в прогностическом описании данных свойств – самая низкая, поэтому они в основном служат четкими поисковыми признаками.

Третий блок составляют следующие признаки:

1. Типичные детали одежды и особенности внешнего вида (например, татуировки, пирсинг, прическа и др.).
 2. Манера речи (громкость, скорость, тембр; акцент, стиль, лексика, грамматический строй, степень владения логикой высказывания и др.).
 3. Особенности жестикюляции (жесты к себе, от себя и др.).
 4. Типичные словесные обороты в точной формулировке («всегда», «должен», «извините», «не исключено» и др.).
 5. Стиль общения (властный, подчиненный, отстраненный).
 6. Конкретная профессия и карьерный статус (преподаватель, водитель, забойщик скота, врач и др.; руководитель, специалист, рядовой исполнитель).
 7. Отношение к управлению автомобилем (имеет водительские права или не имеет их, стиль вождения, зафиксированные нарушения правил дорожного движения).
 8. Особые навыки и привычки (разделяние туш скота, владение приемами рукопашного боя, налаживание доверительных отношений и др.).
- Очевидно, что описанная структура признаков индивидуума позволяет сотруднику, производящему расследование, при оценке имеющейся в его распоряжении фактической информации фиксировать ее в полезной для составления психологического портрета подозреваемого форме.

УДК 343.1/98;159.95

Л.В. Бертовский, С.М. Курбатова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вопросам правовой оценки участия в правоотношениях лиц пожилого возраста уделялось внимание с древних времен. Так, в гл. 8 Законов Ману закреплены следующие положения:

«но показание детей, стариков (подчеркнуто нами. – Л. Б, С. К.), больных, говорящих при допросе неверно, следует считать ненадежным, так же как [людей] со смятенным рассудком» (п. 71);

«договор, заключенный пьяным, безумным, страдающим (от болезни), рабом, ребенком, старым (подчеркнуто нами. – Л. Б, С. К.), а также неуполномоченным, недействителен» (п. 163) [1].

Однако до сегодняшнего времени рассматриваемый вопрос остается неурегулированным законодательно во многих странах, порождая целый ряд проблем юрисдикционного характера. Так, в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь отсутствуют нормы, которые бы должным образом закрепляли институт участников уголовного судопроизводства: в гл. 5–8 УПК Российской Федерации и гл. 4–7 УПК Республики Беларусь содержится лишь перечень участников и закрепляются их основные права и обязанности.

Первые лица этих государств неоднократно высказывали свою четкую позицию по поводу необходимости уделять первостепенное внимание пожилым людям: «жизненные ситуации у людей бывают разные, но государство в любом случае должно защищать интересы стариков» [2]; «наш нравственный долг – всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны» [3]. Еще в 1996 г. некоторые идеи, касающиеся рассматриваемого вопроса, уже нашли свое отражение в модельном Уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников СНГ [4]. Эти идеи соответствуют общей позиции ООН относительно пожилых лиц, выраженной в ряде международно-правовых документов ООН, например в Принципах Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей (1991), которые были приняты, «признавая огромные различия в положении пожилых людей не только между странами, но также в рамках отдельных стран и между отдельными лицами, что требует принятия различных мер в области политики» [5].

Необходимо использовать более широкий и системный подход, который бы отразил общие аспекты, касающиеся возможности участия лиц в уголовном судопроизводстве, а именно: уголовно-процессуальные право- и дееспособность, ограниченную процессуальную дееспособность, дополнительные гарантии участникам из числа лиц с ограниченной уголовно-процессуальной дееспособностью.

Так, при решении вопроса о признании лица ограниченно процессуально дееспособным следует исходить из таких критериев, как возраст, физическое, физиологическое и психическое состояние, используя когнитивный подход. Способность лица воспринимать, осознавать, перерабатывать, выдавать информацию определяется уровнем активности его когнитивных функций – тех функций головного мозга, с помощью которых происходит процесс реального познания действительности. Когнитивные расстройства нередко обнаруживаются у пожилых – до 20 %

людей, возраст которых превышает 65 лет, страдают довольно тяжелыми когнитивными расстройствами в виде деменции. Более легкие когнитивные расстройства у пожилых встречаются еще чаще: согласно некоторым данным, у 40–80 % лиц в зависимости от возраста [6].

Поэтому предлагаем наделять специальным статусом (с предоставлением дополнительных процессуальных гарантий) в силу возраста не только несовершеннолетних, но и лиц старшего возраста, являющихся участниками уголовного судопроизводства из числа вовлекаемых в него лиц (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, понятой и др.). Выделение несовершеннолетних как особой категории участников уголовного судопроизводства отражает понимание законодателем того факта, что в силу возраста их когнитивные функции еще недостаточно сформированы, что оказывает влияние на возможность реализации несовершеннолетними своих прав и обязанностей. Применительно же к лицам старшего возраста ситуация носит обратный характер: в силу возраста когнитивные функции уже недостаточно активны, что оказывает влияние на возможность реализации такими участниками уголовного судопроизводства своих прав и обязанностей.

И хотя в 2009 г. ВОЗ, учитывая тенденцию к увеличению продолжительности жизни населения, предложила новую возрастную периодизацию (40–60 лет – средний возраст; 60–75 лет – поздняя зрелость, 75–90 – пожилой возраст, за которым наступает время долгожителей [7]), однако такого рода терминологическое «омоложение» никак не связано с тем фактом, что после 60 лет когнитивные функции начинают ослабевать и к 75 годам у большинства людей проявляются достаточно отчетливо и очевидно для окружающих.

Относительно лиц старшего возраста при производстве процессуальных действий возникают вопросы:

о возможности их физического и (или) процессуального участия. Необходимо оценка: фактической возможности участия лиц с ограничениями, сказывающимися на функционировании их двигательных функций; юридической возможности участия лиц (свидетель, понятой, присяжный и др.) с ограничениями (законность проводимого процессуального действия, допустимость доказательств, полученных с их участием, и др.);

специфике получения показаний от таких лиц [8];

необходимости использования лицом, ведущим производство, процессуальных, психологических и тактических особенностей и др.

Также следует учитывать фактор стрессовости для большинства людей ситуации, связанной с вовлечением в сферу предварительного расследования (если, конечно, участник не подготовлен в силу разных причин – профессии, общественной деятельности в данной системе, не-

однократных привлечений к уголовной ответственности и т. п.), который способен усилить степень выраженности имеющихся у лиц старшего возраста ограниченных возможностей их когнитивных функций и, как следствие, негативно повлиять на их способность быть полноценным участником соответствующего процессуального действия.

Таким образом, необходимо решить две основные задачи:

закрепить законодательно особый статус лиц старшего возраста – участников производства по уголовному делу, в том числе посредством предоставления им дополнительных процессуальных гарантий;

разработать соответствующие криминалистические рекомендации для органов предварительного расследования для получения вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития, в которых бы учитывалась специфика участия лиц старшего возраста в производстве по уголовному делу и в конкретных процессуальных действиях и др. [9, 10].

Для решения этих задач должны быть использованы наработки по данному вопросу смежных наук (медицина, психология, психиатрия и др.), чтобы учитывались (и отражались законодательно) особенности психологии лиц старшего возраста, в том числе формирования их показаний, при проведении соответствующих уголовно-процессуальных и криминалистических исследований в данном направлении.

1. Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: https://koltunov.ru/WordLiterature/ZakonyManu.htm#_Точ8385393 (дата обращения: 07.09.2020).

2. Лукашенко А.Г. Государство и впредь будет уделять первостепенное внимание пожилым и инвалидам [Электронный ресурс]. URL: <http://sn.by/post/205295/> (дата обращения: 07.09.2020).

3. Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 07.09.2020).

4. Курбатова С.М. Об отражении когнитивного подхода в нормах Модельного УПК СНГ и УПК РФ: сравнительная характеристика // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 189–191.

5. Принципы ООН в отношении пожилых людей [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 07.09.2020).

6. Что такое когнитивность и когнитивные навыки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyportal.net/18273/chto-takoe-kognitivnost-i-kognitivnyie-navyiki/> (дата обращения: 07.09.2020).

7. Блехарская Е.В. Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека // Пед. образование в России. 2017. № 12. С. 36–43.

8. Бертовский Л.В. Допрос: тактика и технология. М., 2015.

9. Бертовский Л.В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития // Современная молодежь и вызовы экс-

тремизма и терроризма в России и за рубежом : сб. материалов Всерос. (с междунар. участием) науч.-практич. конф. / под ред. Х.П. Пашаева. Горно-Алтайск, 2019. С. 125–128.

10. Курбатова С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу // *Соврем. ученый*. 2020. № 2. С. 305–309.

УДК 343.98.06

А.А. Бессонов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Технологии искусственного интеллекта прочно вошли в нашу жизнь. Они используются во многих привычных нам вещах: в современных телефонах, алгоритмах «компьютерного зрения», рекламном контенте в сети Интернет, беспилотных автомобилях и пр. Одна за другой стали появляться научные публикации, посвященные использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, в том числе в расследовании преступных деяний. Даже озвучена точка зрения о возможной замене следователя искусственным интеллектом [1], которую мы не поддерживаем, полагая, что вести речь об этом пока рано.

Имеются определенные попытки разработать компьютерные программы, основанные на методах искусственного интеллекта, для использования в расследовании преступлений, например в изучении личности серийных убийц [2]. Очевидно, что такие исследования необходимо продолжать, поскольку технологии искусственного интеллекта предоставляют самые широкие возможности в глубоком изучении преступной деятельности, установлении обстоятельств расследуемого преступления, и в первую очередь – лица, его совершившего, в криминалистической и судебно-экспертной деятельности.

Использование методов искусственного интеллекта в расследовании преступлений имеет несколько аспектов:

изучение закономерностей такой деятельности и построение на этой основе алгоритмов составления поискового портрета лица, причастного к конкретному преступлению;

поиск доказательств преступной деятельности в целях выявления, расследования и профилактики (например, анализ социальных сетей в сети Интернет);

автоматизацию работы следователя (дознавателя) (например, транскрибирование вербальных следственных действий).

Начнем с того, что уже прочно вошло в повседневную работу при криминалистическом и судебно-экспертном сопровождении расследования преступлений, – с применения технологий искусственного интеллекта в поиске доказательственной и ориентирующей информации. Эти технологии прежде всего применяются при поиске в сети Интернет фотографий интересующего следствие лица, при анализе социальных сетей, изучении данных о телефонных соединениях и пр.

Теперь несколько слов о нашей работе по применению технологий искусственного интеллекта для изучения закономерностей серийных преступлений, совершенных по сексуальным мотивам, в том числе сопряженных с убийствами. Эмпирическую базу в этом исследовании составили 1 011 таких деяний, совершенных 186 лицами, материалы уголовных дел о которых изучены в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. Методы кластеризации, примененные для классификации серийных преступлений, позволили выделить три их группы:

убийства и половые преступления, связанные с причинением вреда, совершенные в сочетании с дополнительным мотивом (корыстным и лично-неприятным);

половые преступления, связанные с причинением вреда или с угрозой его причинения, совершенные в сочетании с корыстным мотивом;

половые преступления без дополнительного мотива, а также совершенные путем демонстрации полового органа.

По характеристикам криминалистически значимых признаков эти группы преступлений существенно различаются между собой, т. е. требуются различные алгоритмы их расследования.

Регрессионный и дисперсионный анализы, ряд методов машинного обучения, прежде всего нейронные сети, машины опорных векторов, позволили выявить закономерные связи между элементами системы этих преступлений. Например, с фактом установления совершения преступления лицом с психическим заболеванием либо без него закономерно связаны следующие признаки: возраст потерпевшего, совершение в серии преступлений убийства, способ преступления, количество и локализация повреждений на теле потерпевшего, характеристика места преступления, время суток, совершение различных манипуляций с трупом жертвы.

После установления таких закономерностей данные о серийных преступлениях были использованы в построении моделей глубокого об-

учения, представляющих собой по сути многослойные нейронные сети. С этой целью применены библиотеки глубокого обучения, реализованные в пакетах keras и tensorflow программной среды R. Все данные разделены на два набора – обучающий (808 преступлений) и тестовый (203 деяния).

По результатам обучения этих моделей и оценки их эффективности на тестовых наборах была получена точность прогнозирования признаков неизвестного серийного преступника. Точность установления факта совершения преступления: лицом с психическим заболеванием или без него – 81,5 %; лицом, имеющим судимость и не имеющим ее – 82 %; с использованием автотранспортного средства и без него – 90 %; при наличии связи между преступником и потерпевшим до совершения деяния – 96 %.

Помимо этого созданные модели глубокого обучения позволяют прогнозировать вероятный возраст преступника с доверительным интервалом ± 6 лет при точности 80,3 %. Сейчас ведется работа над построением модели прогнозирования расстояния от места преступления до места проживания серийного преступника, но пока достигнута точность лишь 64,8 % в установлении того, что неизвестный преступник живет не далее 3 км от места совершения преступления либо это расстояние превышает указанный предел.

В настоящее время рассматриваемый экспериментальный алгоритм, представляющий собой систему поддержки принятия следователем решения при выдвижении следственных версий, проходит апробацию в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации. Такая система позволит в практической работе реализовывать два алгоритма расследования от вероятностного портрета преступника: к еще не обнаруженным следам преступления и к конкретному подозреваемому.

Кроме того, технологии искусственного интеллекта предоставляют широкие возможности в выявлении закономерностей, имеющих значение в расследовании преступных деяний, при изучении массивов информации, накопленной в различных криминалистических учетах, например дактилоскопическом.

К изложенному добавим, что многие ученые предлагают также приложить искусственный интеллект в работе следователя по следующим направлениям:

алгоритмизация и планирование расследования в зависимости от складывающейся следственной ситуации;

составление проектов процессуальных документов;

оценка достаточности собранных по уголовному делу доказательств;

выявление признаков серийности по уже имеющимся в базе данных раскрытым и нераскрытым преступлениям;

прогнозирование совершения преступлений в будущем с целью их профилактики [3, с. 46; 4, с. 70].

Несомненно, использование технологий искусственного интеллекта является перспективным направлением теоретических и прикладных исследований в сфере деятельности по расследованию криминальных деяний. Однако важно понимать, что искусственный интеллект имеет не только преимущества, но и определенные ограничения, которые обязательно следует учитывать при внедрении его в повседневную работу следователя и дознавателя.

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2018. № 1. С. 9–18.

2. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц / Л.Н. Ясницкий [и др.] // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 423–430.

3. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Рос. право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 43–49.

4. Сибилькова А.В. Искусственный интеллект на службе следователя // Рос. следователь. 2019. № 3. С. 68–70.

УДК 343.985

О.Н. Богун

О ПОНЯТИИ ТАКТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ РАССЛЕДОВАНИЯ И СТРУКТУРЕ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Для современной криминалистики разработка теоретических основ решения тактических задач при расследовании преступлений важна по причине того, что она обуславливает развитие соответствующих расследованию тактических, а по сути, криминалистических средств и методов.

Решение тактических задач с использованием криминалистических средств и методов самым непосредственным образом связано с тем, насколько следователь профессионально подготовлен. Прав Л.Д. Самыгин, который отмечал, что для определения тактической задачи следует исходить из субъективного фактора, поскольку в одной и той же ситуа-

ции разные люди принимают различные решения и ставят перед собой различные задачи [1, с. 41].

Объективная структура задачи соответствует отношению между условиями (известными обстоятельствами) и требованиями (искомыми обстоятельствами), определяя специфику криминалистического мышления. В этой структуре центральное место занимает понятие «цель». В криминалистической деятельности цель выполняет регулятивную функцию и в процессе расследования ее значение связывается с правовыми (определены уголовным и уголовно-процессуальными законами) и тактическими (связаны с особенностями процесса познавательной деятельности) целями. Тактические цели обусловлены как правовыми целями, так и ситуациями расследования. Ситуации отражают динамику расследования, детерминируют цели и способы действий.

Таким образом, тактическая задача является частью процесса расследования преступлений: она отражает соотношение между ситуацией расследования и тактической целью, определяющей способ действия следователя. Следовательно, отношение ситуации и цели порождает задачу.

Поэтому в научно-практических криминалистических исследованиях, на наш взгляд, следует проводить разработки проблемы тактических задач в соответствии с ситуациями расследования и определяемыми ими тактическими целями.

На этих основаниях рассмотрим и определим авторское понятие «тактическая задача».

В криминалистике известно мнение Н.С. Полевого о том, что криминалистическая задача (в широком смысле этого слова) представляет собой ситуацию криминально-правового характера, которая требует осуществления комплекса действий по приведению исходной информации об объекте познания к количеству и виду, позволяющему получить новые данные о нем и использовать их для правильного разрешения уголовного дела [2, с. 176].

Тактическая задача – часть криминалистической задачи, и поэтому, как мы уже отмечали, давно находится под пристальным вниманием криминалистов. Определением понятия «тактическая задача» занимались С.А. Величкин [3, с. 108], Д.А. Солодов [4, с. 27–27], А.В. Дулов [5, с. 264–265], Е.А. Логвиненко [6, л. 80], М.В. Головин [7, л. 52], другие известные криминалисты. Анализ определений тактической задачи свидетельствует о том, что в них не выражены соотношение между ней и тактическим решением следователя, его вывод на основе сложившейся ситуации расследования о характере стоящей перед ним тактической задачи, основных криминалистических средствах и методах ее разрешения.

Фундаментальные научные источники толкуют понятие «решение» практически одинаково [8, с. 455; 9, с. 143].

В теории криминалистики в этом вопросе нет унифицированного подхода. Понятие тактического решения, например, Р.С. Белкин определил как выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом и отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения этой цели [10, с. 646]. С.И. Цветков вкладывал в это понятие, как основной существенный признак, анализ следственной ситуации, в соответствии с которым следователь планировал свою деятельность [11, л. 116]. Тактическое решение в понимании А.В. Дулова и Ю.И. Новика является мысленной моделью предстоящего действия, сформировавшейся в сознании следователя.

Таким образом, можно выделить следующие основные признаки тактического решения: вывод следователя, соответствие ситуации расследования, соответствие тактической задаче, определение средств и методов решения тактической задачи. Отсюда следует вывод: тактическая задача занимает основное место в определении тактического решения.

Исходя из этого, процесс принятия тактического решения для достижения тактической цели на основе решения тактической задачи может быть выражен следующим алгоритмом: 1) анализ и оценка ситуации расследования; 2) определение тактической цели; 3) принятие тактического решения в соответствии с данными анализа ситуации расследования и тактической целью; 4) постановка тактической задачи для достижения тактической цели и реализации тактического решения с учетом анализа и оценки результатов реализации данного решения; 5) планирование реализации (подбор тактических средств и методов) и следственная реализация тактического решения для выполнения тактической задачи и достижения тактической цели.

В исследованиях криминалистов мы выделили два определения, которые, по нашему мнению, близки к точному определению понятия «тактическая задача». С.Ю. Якушин определяет тактическую задачу «как разновидность криминалистических задач, которая представляет собой определенную совокупность конкретных вопросов тактического характера, необходимость решения которых вытекает из возникшей следственной ситуации в целях эффективного расследования преступлений» [12, с. 19]. По А.Ю. Головину, «тактическая задача представляет собой обусловленную ситуационным фактором необходимость использования сложившейся или создания благоприятных для дальнейшего расследования условий криминалистической деятельности путем оказания тактического правомерного воздействия на тот или иной объект» [13, с. 282].

На основе анализа этих определений, а также понятия «тактическая задача» и связанных с ним других категорий криминалистики мы считаем, что тактическую задачу следует рассматривать как результат мыслительной деятельности следователя, обусловленный соотношением между ситуацией расследования и тактической целью, связанный тактическим решением и реализуемый в соответствии с оптимальным правоммерным воздействием криминалистическими средствами и методами на объекты, процессы и явления для достижения указанной цели.

Если рассматривать тактическую задачу в логико-психологическом аспекте, она представляет собой преобразование несогласованных или противоречивых информационных процессов (систем), т. е. получение определенной криминалистически значимой информации, связанной с тактическими целями расследования преступлений.

Структурно рассматриваемое понятие включает в себя условие (известная исходная или установленная криминалистически значимая информация, из которой следует исходить при решении тактической задачи) и требование (тактическая цель, к которой следует стремиться в результате решения тактической задачи в соответствии с реализацией тактического решения посредством криминалистических средств и методов).

Исходя из соотношения между ситуацией расследования и тактической целью, условия и требования тактической задачи могут носить характер данных (криминалистически значимой информации) исходных, привлеченных и искомых.

Исходные условия при определении следователем тактической задачи представляют собой известные исходные данные, установленные расследованием преступления. В ситуациях расследования, когда этих данных недостаточно, следователь может предпринять попытки получения дополнительной информации – привлеченных данных, с тем чтобы решить тактическую задачу. Искомые данные (криминалистически значимая информация) – те сведения, которые следователю требуется отыскать в процессе решения тактической задачи.

Понятие тактической задачи и структуру ее решения можно считать прикладными криминалистическими инструментами, которые могут быть использованы следователем в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий в ситуациях, когда требуется точное определение такой задачи для достижения соответствующей результатам ее решения цели.

1. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989.

2. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М., 1989.
3. Величкин С.А. О соотношении понятий «тактический прием», «тактическая задача», «тактическая операция» // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве : межвуз. сб. Барнаул, 1985.
4. Солодов Д.А. Процессуальные и тактические решения следователя (сущность, проблемы оптимизации принятия) : учеб. пособие. Воронеж, 2004.
5. Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.] ; под ред. А.В. Дулова. Минск, 1998.
6. Логвиненко Е.А. Мысленное моделирование в тактике следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
7. Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
8. Большая советская энциклопедия : в 50 т. 2-е изд. М., 1950–1957. Т. 36. 1955.
9. Туманов Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001.
11. Цветков С.И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
12. Якушин С.Ю. Тактические задачи и средства их решения при расследовании преступлений. Казань, 2014.
13. Головин А.Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке : учеб. пособие. Тула, 2013.

УДК 343.58

П.Л. Боровик

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБЪЕКТОВ – НОСИТЕЛЕЙ ВИРТУАЛЬНЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На современном этапе при расследовании преступлений против информационной безопасности существенно повышается значимость результатов, получаемых в ходе проведения криминалистического анализа такого компонента операционной системы, как WindowsRegistry (реестр). Это связано с тем, что механизм совершения рассматриваемых деяний предполагает внесение в реестр определенных изменений, являющихся по своей сути виртуальными следами, свидетельствующими о преступном событии. Поскольку для их уничтожения требуются доста-

точно глубокие знания программирования, системный реестр служит важным криминалистическим артефактом, который необходимо исследовать в первую очередь с целью получения объективной тематической и интегративной информации о состоянии информационной системы на момент возникновения исследуемого события.

Значительная же часть иных источников слеодообразования (например, системные файлы, журналы событий, атрибуты файлов и др.) в информационной среде могут подвергаться корректировке (уничтожению) со стороны злоумышленника с целью сокрытия либо маскировки следов, поскольку имеют относительно простую и незащищенную структуру.

Рассмотрим некоторые возможности криминалистического исследования системного реестра Windows, позволяющие с помощью специальных (в том числе бесплатных) программ для чтения реестра (например, RegOrganizer, RegistryMechanic, Regedit и др.) установить обстоятельства, имеющие значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Так, при наличии определенных навыков работы с реестром можно выявить все процессы и операции, проведенные на исследуемом компьютере за последние 30 дней, с указанием точных даты и времени их проведения.

Изучение показало, что в ряде случаев перед криминалистами ставится задача хронологической реконструкции происшедших событий в системе, прямо либо косвенно указывающих на конкретные обстоятельства совершения преступлений: фактов установки и использования каких-либо программ (в том числе вредоносных), внешних устройств хранения информации (HDD-, SSD-, флеш-накопители) и их содержимого, средств сетевой и мобильной связи (сетевые карты, USB-модемы, виртуальные машины с функцией внешней сетевой карты), времени инициализации и длительности этих событий на компьютере потерпевшего и др.

С целью получения первоначальной объективной информации о происшедших событиях в системе и их хронологической реконструкции необходимо исследовать ключ реестра HKCU\Software\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\UserAssist\{GUID}\Count, который содержит два подраздела: CEBFF5CD и F4E57C4B.

Первый подраздел указанного ключа содержит детальную информацию о запуске исполняемых программ (имя файла, дата и время последнего запуска, количество запусков), второй – ярлыков файлов. При этом каждый подраздел содержит список системных объектов исследуемой информационной среды (программы, ярлыки и апплеты панели управления), к которым зарегистрированный пользователь обратился.

В ходе криминалистического анализа операционной системы Windows возникает необходимость не только установления времени запу-

ска конкретного файла либо процесса, но и идентификации пользователей (установления сведений об их учетных записях), выполнявших их запуск. Для решения этой задачи рекомендуется осуществить анализ системного файла Ntuser.dat, в котором хранятся следующие значения ветки реестра HKEY_CURRENT_USER: идентификаторы SID, имена пользователей, индексы, имена приложений, количество запусков, сеанс и атрибуты времени последнего запуска.

Для установления последних запущенных приложений и процессов в скомпрометированной компьютерной системе, включая время первого и последнего запуска соответствующей программы, а также для ее изменения, удаления и просмотра ее путей рекомендуется осуществить исследование файла Amcache.hve (%SystemRoot%\AppCompat\Programs\Amcache.hve).

Актуальные данные, параметры и компоненты полного цикла загрузки операционной системы Windows и запуска наиболее часто используемых программ можно получить, исследуя системную папку Prefetch (%windir%\Prefetch). В этой папке хранятся данные о последних 128 исполняемых файлах на операционной системе Windows 7 и последних 1 024 на Windows 8–10 (имя исполняемого файла, список библиотек DLL в формате Unicode, используемых этим исполняемым файлом, счетчик количества запусков исполняемого файла и отметка времени последнего запуска программы).

Криминалистический интерес может вызывать системная служба BackgroundActivityModerator (BAM), контролирующая активность фоновых приложений (появилась в Windows 10 в версии начиная с 1709). Соответствующая ветка реестра, расположенная по адресу HKEY_LOCAL_MACHINE\SYSTEM\CurrentControlSet\Services\bam\State\UserSettings\{SID}, содержат полный путь к исполняемым файлам, которые были запущены на компьютере, дату и время их последнего запуска, идентификатор учетной записи пользователя.

Информацию о съемных USB-носителях, когда-либо подключавшихся к системе, может предоставить раздел реестра HKLM\System\ControlSet00x\ENUM\USBSTOR. В этой ветке реестра находятся ключи, каждый из которых представляет свой класс устройств. В свою очередь, в таких ключах содержатся подключи, отражающие серийный номер устройства. Для установления времени последнего подключения USB-устройства следует осуществить просмотр временной метки одного из подключей ключа SYSTEM\ControlSet00x\Control\DeviceClasses. Поиск подключа проводится по названию, которое должно содержать серийный номер искомого USB-устройства.

Чтобы доказать факт использования на анализируемом компьютере сетевой карты или устройства, исполняющего роль внешней сетевой карты (например, виртуальной машины, с помощью которой осуществлялись вредоносные атаки), исследователю необходимо изучить содержимое раздела реестра SOFTWARE\Microsoft\Windows NT\CurrentVersion\NetworkCards. В нем находятся подключения, каждый из которых хранит информацию по всем сетевым устройствам. С учетом того, что эти ключи не обновляются, соответствующей временной меткой можно воспользоваться для установления даты их установки.

Операционная система хранит также подробную информацию о сетевой активности, осуществляемой на исследуемом компьютере. Так, для любой беспроводной сети, к которой было произведено подключение с данного компьютера, создается запись в разделе SOFTWARE\Microsoft\Windows NT\CurrentVersion\NetworkList\Nla\Wireless. В нем содержится наименование идентификатора сети. Связывая данные идентификаторы с сигнатурами из раздела реестра SOFTWARE\Microsoft\Windows NT\CurrentVersion\NetworkList\Signatures\Unmanaged, а также с профилями, находящимися в записях раздела ProfileGuid по адресу SOFTWARE\Microsoft\Windows NT\CurrentVersion\NetworkList\Profiles\{ProfileGuid}, можно получить информацию о дате и времени создания сетевого подключения (в том числе последнего), имени профиля и MAC-шлюзе.

Для получения информации об использовании интранет-сетей следует обратиться к разделу реестра SOFTWARE\Microsoft\Windows NT\CurrentVersion\NetworkList\Nla\Cache\Intranet, просмотреть соответствующие подключения и связать их с записями сетевых профилей (посредством GUID).

Общий список (до 150 записей) последних открытых документов (без группировки по расширению) на исследуемом устройстве хранится внутри корневого ключа реестра HKCU\Software\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\RecentDoc.

Сведения о запускаемых с помощью диалогового окна «Выполнить» командах содержатся в ключе реестра HKCU\Software\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\RunMRU. В данном ключе хранится до 26 значений с названиями от *a* до *z* и одно значение MRUList, задающее порядок отображения списка последних выполненных команд (и, соответственно, порядок их выполнения пользователем).

В заключение следует отметить, что криминалистическое исследование рассмотренных артефактов реестра Windows необходимо осуществлять комплексно, в контексте изучения механизма слеодообразования, детерминированного средой протекания системных процессов и участвующих в нем объектов. В этом случае сведения, найденные при

их изучении, позволят построить целостную информационно-следовую картину криминального деяния. Обобщение особенностей представленных характерных объектов – носителей виртуальных следов преступлений против информационной безопасности поможет создать необходимую основу для разработки, внедрения и эффективного применения средств и методов собирания и исследования следовой информации.

УДК 343.98

Ю.В. Варавко

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Стремительный рост количества данных в информационном пространстве, а также повышение уровня их доступности приводят к существенным изменениям в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В связи с этим все более востребованной становится аналитическая обработка информации.

Данная тенденция в ходе досудебного уголовного производства находит свое отражение в формировании и развитии такого самостоятельного направления работы следственных органов, как информационно-аналитическая деятельность. Под ней, по нашему мнению, следует понимать целенаправленный и объединенный задачами раскрытия, расследования и предупреждения преступлений процесс сбора, обработки, хранения, систематизации и аналитической интерпретации криминалистически значимой информации в целях получения новых знаний о преступлении и лицах, причастных к его совершению, принятия на основе полученных знаний обоснованных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и тактических решений, а также в целях обеспечения взаимодействия с субъектами, вовлеченными в процедуру расследования преступлений.

Базовым компонентом информационно-аналитической деятельности, определяющим самостоятельность ее существования, а также обеспечивающим ее практикоориентированность, является инструментарий такой деятельности, т. е. арсенал приемов, способов, технологий, методов, методик и подходов обработки криминалистически значимой информации.

Анализ криминалистической литературы и иных источников научных исследований в данной области показывает, что мыслительной

деятельности следователя и процессу получения им новых знаний уделяется значительное внимание. Однако, как правило, такие исследования носят описательный характер, поскольку констатируют факт наличия тех либо иных процедур и не знакомят следователя с конкретным инструментарием, а также не дают рекомендации по его включению в процесс расследования. Кроме того, такой инструментарий не имеет концентрированного и структурированного вида.

Представляется, что одним из важнейших направлений совершенствования следственной деятельности является систематизация инструментария информационно-аналитической деятельности следователя.

В этих целях предлагается использовать классификацию методов научного познания в сфере криминалистики. Основанием для ее использования, по нашему мнению, может служить факт признания следствия одним из видов познания [1]. Кроме того, следует учесть, что информационно-аналитическая деятельность представляет собой специфический вид познавательной деятельности, связанный с анализом и обобщением информации и опирающийся на использование научных методов [2, с. 62].

С учетом изложенного, руководствуясь структурой методов, взятых за основу в криминалистике [3, с. 256], можно предложить трехзвенную систему инструментария информационно-аналитической деятельности: всеобщие методы познания, частные методы аналитической деятельности и специальный криминалистический инструментарий информационно-аналитической деятельности следователя.

В основе познавательной деятельности лежат всеобщие методы познания, приоритетное значение среди которых в расследовании преступлений имеет диалектический метод. Именно он позволяет аналитику рассматривать изучаемый объект как определенное звено в бесконечной цепи всеобщей связи, изучать отношение этого предмета к другим предметам, вскрывая его зависимость от них и тем самым познавая его сущность [4, с. 25].

Следует оговориться, что диалектический метод не является инструментом прямого действия. Следователь не в состоянии решить задачу по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, или по выбору наиболее допустимого уголовно-процессуального или тактического решения, полагаясь исключительно на диалектический метод. Однако на использовании такого метода базируется вся информационно-аналитическая деятельность в целом. Именно он является отправной точкой получения нового знания в результате аналитической обработки криминалистически значимой информации. В связи с этим лицу, осуществ-

ляющему на стадии предварительного расследования информационно-аналитическую деятельность, особенно на постоянной или профессиональной основе, необходимо четко понимать сущность диалектического метода, как и иметь представление об иных методах познания, например о герменевтическом и феноменологическом.

Среди частных методов аналитической деятельности в первую очередь следует отметить системный метод как базовый метод аналитики, поскольку предварительное расследование по своей природе является актом познания преступной деятельности, которая традиционно рассматривается как система. При этом эффективность такого познания невозможна без оценки и понимания другой системы – системы расследования преступления.

Интерес для лица, осуществляющего информационно-аналитическую деятельность на стадии досудебного уголовного производства, представляют методы формальной логики. Еще в 20-х гг. прошлого века немецкий криминалист Э. Анушат утверждал, что понимание и использование следователем законов логики при расследовании уголовных дел исключают возможность многочисленных ошибок, излишних справок и мероприятий [5, с. 6].

Объективность, всесторонность и полноту оценки предмета в информационно-аналитической деятельности следователя можно обеспечить при применении инструментария математики и кибернетики, например технологии больших данных [6] и теории графов [7], а также приемов и средств из такой сферы человеческих знаний, как аналитика. В частности, одним из наиболее часто упоминаемых в криминалистической литературе аналитических методов является метод мозгового штурма (мозговой атаки) [8].

Среди специального криминалистического инструментария информационно-аналитической деятельности следователя особое место занимает метод криминалистического анализа, к описанию и исследованию которого в сфере познания преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений обращались такие ученые-криминалисты, как А.В. Дулов, Г.А. Зорин, В.Я. Колдин, В.Г. Коломацкий и ряд других. Полагаем, что именно метод криминалистического анализа может выступать в качестве теоретической основы информационно-аналитической деятельности.

Кроме того, по нашему мнению, в инструментарий информационно-аналитической деятельности возможно включить методы криминалистического моделирования, комплексного подхода, факторного анализа, криминалистического портретирования и др.

Таким образом, на современном этапе развития как криминалистики, так и системы предварительного расследования крайне важными представляются структурирование и адаптация к нуждам практики инструментария информационно-аналитической деятельности. В целях его систематизации предлагается использовать трехзвенную систему, включающую в себя всеобщие методы познания, частные методы аналитической деятельности и специальный криминалистический инструментарий информационно-аналитической деятельности следователя.

1. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969.
2. Конотопов П.Ю., Курносов Ю.В. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М., 2004.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие : в 3 т. 3-е изд. М., 2001. Т. 1.
4. Андреев Д.А. О методах научного познания. М., 1968.
5. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001.
6. Бессонов А.А. Использование больших данных (Big Data) в российской криминалистике: современное состояние и перспективы // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 дек. 2018 г. : в 2 ч. Минск, 2018. Ч. 1. С. 56–61.
7. Нечаев О. Методи виявлення та аналізу кримінальних мереж, сформованих на основі білінгвової інформації операторів мобільного зв'язку // Безпека інформації. 2015. Т. 21, № 3. С. 236–244.
8. Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика : учеб. пособие : в 2 т. Гродно, 1994. Т. 1.

УДК 343.22

Р.В. Вереша

ИММАНЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию определяется сознанием и волей. В соответствии с уголовным законодательством необходимым условием для наступления уголовной ответственности лица является его вменяемость, т. е. способность осознавать свои действия и руководить ими. Поэтому и нести ответственность за свои деяния и отбывать наказание за совершение преступления может только лицо с надлежащим состоянием психики. В рамках учения о детерминированности поведения человека воля и сознание чело-

века являются главными психическими функциями, определяющими его поведение, т. е. базовой основой, на которой основываются положения уголовного права о вменяемости физического лица. Исходя из этого, человек является разумной волевой личностью, которая осознанно выбирает тип собственного поведения, а не биологическим существом, находящимся под влиянием физиологических факторов. А поскольку человек является сознательной и волевой личностью, он может полностью управлять своими действиями.

Именно связь психического состояния лица и его поведения наиболее важна при квалификации общественно опасного деяния. Человеческая психика является средством для восприятия и понимания различных явлений и процессов, правил поведения, моральных норм, общественного и государственного строя и окружающего мира вообще. Кроме того, психические процессы помогают достигать цели, тренировать волю, совершать действие или бездействие, осознавать значение своих действий (бездействия) при совершении преступления, чувствовать вину и тому подобное.

Следовательно, особую актуальность приобретают установление и определение сущности основных психологических признаков субъективной стороны преступления, которые образуют ее состав, чтобы более четко понять саму психологическую основу субъективной стороны преступления, очертить круг категорий, входящих в ее содержание, и определить, как они взаимодействуют между собой.

В современном уголовном праве субъективная сторона преступления – его психологическое содержание. Отражение на интеллектуально-волевом уровне объективных свойств совершаемого преступления и обуславливает фактическую составляющую признаков субъективной стороны преступления, определяя субъективную сторону состава преступления как юридическую конструкцию. Итак, психическая деятельность лица в целом с самого начала преступления образует его субъективную сторону. Именно она показывает не только внутреннее состояние лица во время совершения преступления, но и действительность и взаимодействие интеллектуальной и волевой составляющих психики человека, которые одновременно образуют единое целое и имеют самостоятельное содержание, поскольку выполняют разные функции.

При анализе психологических аспектов субъективной стороны преступления нужно помнить, учитывая психологию человека, что любой акт его деятельности (проступок, преступление) – совокупность субъективных и объективных факторов. Высказывается мнение о том, что противопоставление таких категорий, как сознание и материя, важно

для криминологического исследования закономерностей фактического отражения субъективной стороны преступления, несмотря на то что такое противопоставление отсутствует в реальной действительности и деятельности субъекта преступления [1, л. 41].

Некоторые ученые к психологическим понятиям и категориям, которые составляют содержание психологических аспектов, относят: сознательное (бессознательное, подсознательное, полусознательное), интеллект, волю, разум, мышление, сознание [2, с. 33]. По нашему мнению, к категориям, которые определяют содержание психологических аспектов субъективной стороны преступления, т. е. ее состав, относятся: сознание, которое включает в себя такие признаки, как ощущение, восприятие, мышление, интеллект, память, переживания, эмоции, чувства, воображение, интуиция, потребности, самосознание, самооценка и самопознание, и воля. Раскрытие сущности каждой из указанных категорий необходимо для понимания их содержания и установления в конечном итоге субъективной стороны состава преступления как юридической конструкции внутреннего отношения лица к совершенному деянию.

Человек, участвующий в социальных и правовых отношениях, сознательно относится к поступкам, у него формируются деятельность и общение. Другими словами, развитие личности – ее социализация с помощью внутренних и внешних процессов, в результате которой является неповторимо-уникальная по душевному составу личность. Поэтому, для того чтобы быть социально адаптированным, человек должен постоянно проявлять продуктивную активность, корректируя свое поведение, действия, поступки.

Сознание лица – необходимый компонент его деятельности, который не противопоставляется предметной деятельности самого лица. Сознание абстрагируется от других сторон деятельности. Поэтому, с позиции философии, субъективная сторона преступления представляет собой осуществление процесса идеализации, т. е. конструирование понятий об объектах, имеющих прообразы в реальном мире. Как справедливо отмечают некоторые ученые, обычно не так просто определить, является ли истинным или ложным сформированное представление о чем-нибудь, поскольку, с философской точки зрения, можно подтвердить истинность с помощью чувственного восприятия лишь самых элементарных утверждений, которые не нуждаются в доказательстве [3, с. 40]. В самом деле, внутреннее отношение человека к определенному событию или собственному акту поведения определить не просто.

С точки зрения уголовного права, человек является наделенной сознанием и волей личностью, способной самостоятельно выбирать определенный вариант поведения, управляя своими действиями с активной помощью сознания и воли. Поэтому внешний мир воспринимается человеком сознательно, а следовательно, он способен критически относиться к собственным поступкам, усваивая определенные правила, установленные обществом, и ограничения, которые оно выдвигает.

Элемент структуры субъективной стороны преступления воля – психический процесс, который обусловлен потребностью воздействия на окружающую среду, возникающей у человека под влиянием сознания. Воля также определяет способ и характер действий, совершая которые лицо стремится достичь результата. В целом воля представляет собой такое желание, стремление, потребность, которые воплощаются в действие для их осуществления.

В психологической науке дано определение понятия воли многими учеными. Так, например, по мнению И.М. Сеченова, воля – деятельная сторона ума и нравственного чувства, которая руководит движениями во имя того или иного [4, с. 255]. Воля также определяется: как психический процесс сознательной целенаправленности регулирования человеком своей деятельности и поведения с целью достижения поставленных целей; как психические процессы человека, обеспечивающие его поведение и деятельность при возникновении трудностей на пути к достижению сознательно поставленной цели. Следовательно, воля является психическим процессом, который побуждает человека к практической реализации того, что является проявлением его осознанного интеллектуального (умственного) процесса.

Волевыми могут быть лишь сознательные деяния. Поэтому воля – сознательная регуляция субъектом своей деятельности и поведения. Таким образом, воля и сознание тесно взаимосвязаны, поскольку эти самостоятельные категории определяют психическое отношение лица к тому или иному деянию.

Воля характеризуется и специфическими функциями, которые она выполняет как элемент психического отношения лица к совершенному деянию. Выделяют две основные ее функции: побудительную (проявляется через направления активности человека на преодоление препятствий) и тормозную (сдерживание лицом нежелательных проявлений поведения с помощью личностных качеств). Итак, волевой является такая деятельность человека, которая направлена не только на сознательное совершение деяния и преодоление при этом препятствий, но и на сознательное воздержание от совершения определенного деяния.

Побудительная и тормозная функции воли могут проявляться в тех или иных преступлениях.

Основная единица волевой деятельности – волевое деяние. Характерными признаками такого деяния (акта деятельности) являются: проявление усилий для совершения волевого деяния; наличие четкого плана поведенческого деяния; усиленное внимание к такому деянию.

В психологии любые действия делят на рефлекторные, инстинктивные, волевые и импульсивные. Рефлекторные и инстинктивные действия не контролируются сознанием человека, потому что подчиняются биологическим импульсам, и, хотя не должны игнорироваться, все же не имеют существенного значения в общей характеристике поведения человека. Волевое действие – целенаправленный, сознательно регулируемый акт, совершаемый человеком. Импульсивное же действие, как правило, возникает тогда, когда лицо уже не руководствуется инстинктом, но еще не действует на основании волевого решения. Под импульсивностью следует понимать такое качество действия, при котором человек на определенное время теряет способность анализировать и контролировать то, что он делает, и в результате действует под влиянием побуждения. Следовательно, для уголовного права прежде всего имеет значение именно волевое действие, поскольку в нем проявляются сознательное отношение лица к совершаемому деянию и волевая направленность.

Таким образом, для уголовно-правового понимания сущности элементов структуры субъективной стороны преступления как фактической конструкции необходимо психологическое определение содержания сознания и воли, а также их основных характеристик. Основные элементы структуры субъективной стороны преступления – сознание и воля – являются содержанием психологических признаков субъективной стороны состава преступления как юридической конструкции.

1. Егоров С.Н. Теоретические основы криминалистического исследования закономерностей отражения субъективной стороны преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ижевск, 2004.

2. Коновалова В.О., Шепітько В.Ю. Юридична психологія : підручник. 2-ге вид., переробл. і допов. Х., 2008.

3. Векленко С.В. Проблемы доказывания вины лица, совершившего преступление // Вестн. Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2014. № 1. С. 38–43.

4. Сеченов И.М. Избр. произведения : в 2 т. / ред. и послесл. Х.С. Коштоянца. М., 1952. Т. 1.

УДК 343.98

Ю.П. Гармаев

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

К сожалению, криминалистика как наука и учебная дисциплина, несмотря на декларируемую прикладную направленность ее разработок, пока не соответствует параметрам информационного общества [1–3], в том числе в направлении разработки и внедрения ее как науки конечного продукта – криминалистических методик.

Общеизвестно, что большая часть продуктов науки издается в печатном виде (монографии, диссертации, пособия, учебники и т. п.). Между тем в настоящее время издание научной литературы в бумажном виде, как известно каждому ученому, иному публикующемуся автору, книгоиздателю, дело весьма затруднительное и часто неэффективное, тогда как современная молодежь, а также подавляющее большинство людей в возрасте от 25 до 45 лет ежедневно и подолгу используют сложную мобильную технику – смартфоны и планшеты на операционных системах (iOS, Android, Windowsmobile и др.), на которых установлено современное программное обеспечение, позволяющее читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент. Нам, криминалистам-разработчикам, необходимо самим двигаться навстречу ему – своему конечному потребителю, разрабатывая и внедряя свою продукцию в различных вариантах – в зависимости не от сложившихся научных традиций, а от тенденций потребления, характеристики типичного потребителя [4, с. 77].

Одновременно с наибольшей остротой встала проблема не формирования, а внедрения научной продукции как криминалистики в целом, так и криминалистической методики в частности. М.В. Субботина констатирует, что внедрение – самостоятельный этап криминалистического обеспечения практики, представляющий собой сложный технологический процесс реализации научных разработок. Все способы внедрения криминалистических знаний ученый разделила на три вида: обучение, издание научной литературы для самостоятельного изучения, компьютеризация расследования (внедрение специализированных программ) [5, л. 79]. Однако, во-первых, с сожалением следует отметить, что нам не известна ни одна криминалистическая методическая науч-

ная разработка, внедренная такими способами. Во-вторых, за истекшие с 2004 г. – года научной публикации М.В. Субботиной – шестнадцать лет изменилось очень и очень многое. Постиндустриальная эпоха, современное информационное общество диктуют новые правила. Соответственно, перечень видов способов внедрения может и должен быть расширен и уточнен.

Далее тезисно сформулируем предложения по проблеме внедрения криминалистических рекомендаций.

1. Масштабная критика диссертационных методик, а также резкий скачок общества в постиндустриальную эпоху предопределяют то, что в настоящее время мало сформировать научно ориентированную криминалистическую методику расследования преступлений в виде текста (как и любую другую). В задачи автора-разработчика диссертационной, иной научно-монографической, учебной (для студентов) методики входит реализация специальной процедуры адаптации текста и формы созданного им продукта под нужды разных типов потребителей. Такая процедура должна включать в себя: анализ потребностей целевой группы потребителей, упрощение и сокращение текста работы, включение в него большого количества примеров из практики, перевод его в цифровую форму, размещение на сайтах, в онлайн-магазинах и т. д.

2. Необходимо системное расширение традиционного для криминалистики круга адресатов. Нетипичными конечными потребителями рекомендаций криминалистической методики могут и должны стать прежде всего потерпевшие лица, а также представители широких слоев населения, рискующие стать таковыми. Результаты исследований в рамках научного криминалистического направления – криминалистической виктимологии [6, с. 4; 7, с. 27; 8] должны активно внедряться и взаимно адаптироваться с достижениями криминалистической науки.

3. Сейчас особенно востребованы краткие рекомендации в виде памяток, а также в виде специальных программных продуктов, в том числе электронных приложений для мобильных телефонов, коммуникаторов, планшетных и стационарных компьютеров, ноутбуков [9]. Автором и его коллегами разработаны несколько таких электронных приложений [10–12].

4. Учитывая как данность то, что следователи не покупают литературу по методике расследования, предлагаем расширять и упорядочивать опыт свободного внедрения практико-ориентированных (не теоретических) криминалистических методик в электронной форме путем рассылки их через интернет в правоохранительные и судебные органы, путем

распространения CD- и DVD-дисков с информацией о них, публикаций их на сайтах учреждений высшего образования, в соцсетях, YouTube, а также путем размещения для определенного круга адресатов (ученые, практические работники, студенты и т. п.) кратких объявлений с QR-кодом для скачивания контента и иными способами в электронном виде.

5. Необходима активизация разработки и внедрения рекомендаций в аудиовизуальном формате (видеолекции, интервью, подкасты [13] и т. п.).

Перечисленные предложения должны быть обеспечены уточнением парадигмы науки криминалистики, а также разработкой жизнеспособной эффективной методологии формирования и внедрения соответствующих научных продуктов.

1. Информационное общество [Электронный ресурс] // Википедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения 13.09.2017).

2. Кемеров В.Е. Современный философский словарь. М., 1998.

3. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 5 дек. 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гармаев Ю.П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2014. № 3. С. 71–80.

5. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград. 2004.

6. Бурданова В.С., Быков В.М. Виктимологические аспекты криминалистики. Ташкент, 1981.

7. Центров Е.Е. Виктимологические аспекты криминалистики // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики) : сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 27.

8. Шинкевич Н.А. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. Смоленск. 2004.

9. Гармаев Ю.П. Правовое просвещение и правовое информирование в оперативно-разыскной деятельности и в уголовном процессе // Оперативник (сыщик). 2015. № 3. С. 28–32.

10. Антикоррупционная памятка [Электронный ресурс]. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.wearestars.myapp.production> (дата обращения 13.09.2020).

11. Мошенничество в автостраховании ОСАГО, ДСАГО, КАСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.wearestars.avtostrah.production> (дата обращения 13.09.2020).

12. Присвоение и растрата в сфере страхования [Электронный ресурс]. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.wearestars.strahovanie.production> (дата обращения 13.09.2020).

13. Подкастинг [Электронный ресурс] // Википедия : сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения 13.09.2020).

УДК 343.98

Ю.П. Гармаев, А.С. Степаненко

ПОИСК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ИЗУЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Как верно отмечается в интернет-публикациях начиная с марта 2020 г., глобальный кризис, связанный с пандемией коронавируса, с невероятной скоростью заставляет государства и весь мир перестраивать ключевые общественные институты. «Университеты стремительно переходят на удаленное обучение... Но это не шаг в пропасть, а путь к новой реальности, которая опирается на технологическую революцию, на достижения индустрии 4.0... У нас на глазах практически за несколько дней полностью остановилось очное формальное образование, но вузы и школы в большинстве стран не остановились, а продолжили работу в удаленном режиме или готовятся это сделать» [1]. Может получиться, что будущих сотрудников правоохранительных органов, не подготовленных к выполнению профессиональных обязанностей, станет еще больше, чем ранее на практике.

Верно отмечается: «Неподготовленному к логическому мышлению криминалисту немало приходится вдумываться и размышлять, в особенности в тяжелых и запутанных случаях. Самые хитроумные его соображения оказываются часто ложными, и он ошибается нередко в оценке самых понятных предположений. Он не замечает нитей, которыми связаны кажущиеся случайностями обстоятельства, и, наоборот, в чем он усматривает последовательную связь, оказывается на деле сцеплением случайностей исключительного характера» [2, с. 6]. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что именно неудачи в мыслительной деятельности при поиске, анализе собранной доказательственной и иной криминалистически значимой информации, при оценке сложившихся следственных ситуаций для построения следственных версий являются основными неудачами расследования [3]. Как верно отмечено А.Р. Ратиновым, следователя необходимо не только вооружить положительными

знаниями, но и научить ими пользоваться (и в первую очередь оперировать ими в умственном смысле), т. е. научить думать [4, с. 137]. Представляется, что при формировании криминалистического мышления будущих сотрудников правоохранительных органов невозможно обойтись без изучения материалов следственной и судебной практики.

Исходя из ограничений объема публикации, изложим рекомендации по онлайн-поиску судебной практики для ее изучения лишь тезисно (с некоторыми сокращениями и уточнениями используется работа одного из соавторов настоящей статьи [5]). Рассмотрим кратко три способа такого поиска: на сайте конкретного суда, в Государственной автоматизированной системе (ГАС) «Правосудие» (www.sudrf.ru), на интернет-ресурсе «СудАкт» (<http://sudact.ru/>).

Поиск приговоров или иных судебных актов возможен при условии, если известны номер дела или фамилия подсудимого. На официальных сайтах судов субъектов РФ, районных судов тексты указанных судебных актов размещаются в разделе «Судебное делопроизводство». Открываем вкладку «Поиск информации по делам». Далее указываем вид соответствующего производства, заполняем предложенные поля: «Фамилия», «Номер дела (материала)», «Уникальный идентификатор дела». После активации поиска отображаются в таблице номер дела, ФИО подсудимого, движение дела, ссылка на текст судебного акта и т. д. Аналогично осуществляется поиск судебных актов на сайтах судебных участков мировых судей.

Преимущество поиска судебных решений на сайтах судов – возможность просмотра информации по делу (сроки рассмотрения, движение дела, круг участников). Однако на сайтах судов невозможен поиск большого количества судебных актов, например по видам преступлений, а также поиск без фамилии подсудимого или номера дела, что в рамках научного исследования не всегда удобно.

Для получения подборки множества судебных актов оптимально использовать портал ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru). Пользователю необходимо выбрать раздел «Федеральные суды общей юрисдикции», в котором активируется поисковая форма «Поиск текстов судебных актов», позволяющая скачать и изучить судебные акты по определенному виду преступлений, причем сразу нескольких судов.

Например, мы в строке поиска указали «ст. 303 УК РФ фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности»; в поле «Статья или категория» – «Статья 303 Часть 1», в поле «Инстанция» – «Первая инстанция», в поле «Дела с текстом судебного акта» – «Да».

Результаты столь быстрого поиска впечатляют – 482 судебных акта по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Указанная статья уголовного закона далеко не

самая активно применяемая. Найденные судебные акты можно группировать и сортировать, представлять в виде таблицы или списком.

Преимущества поиска в ГАС «Правосудие»: возможность использования слов (все слова, любое из слов, точная фраза, рядом стоящие слова), расширенный поиск; возможность сортировки и группировки найденного по заданным параметрам; наличие в правой части поисковика справочной информации (наименование суда, субъекта РФ); возможность получения объемного перечня актов при нажатии «Показать еще» (поиск продолжается).

Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт») (<http://sudact.ru/>) – крупнейшая в Рунете база судебных актов и нормативных документов. На указанном сайте представлена судебная практика Президиума и Пленума Верховного Суда РФ, арбитражных судов всех инстанций, областных и районных судов общей юрисдикции и приравненных к ним, мировых судов, а также в разделе «Законодательство» содержатся нормативно-правовые акты в действующих редакциях.

Для поиска в интернет-ресурсе «СудАкт» уголовных дел необходимо заполнить на главной странице раздел «Суды общей юрисдикции», «Текст документа», отметить «Первая инстанция». Остальные поля можно оставить незаполненными. На примере текста документа «ст. 303 УК РФ фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности» получены впечатляющие результаты – 1 085 судебных актов на ту же дату запроса, что и в ГАС «Правосудие».

Преимущества поиска судебных актов с помощью интернет-ресурса «СудАкт»: использование крупнейшей базы судебных актов в Рунете; возможность использования заданных слов.

Таким образом, следует констатировать, что современные возможности поиска судебной практики для ее изучения достаточно широки. Они позволяют эффективно обучаться, вести практическую, образовательную и научную деятельность с использованием интернет-ресурсов, в том числе в условиях глобального кризиса, связанного с известной сегодня пандемией. Исследование также показало, что юридической дидактикой, а также рядом юридических наук, включая криминалистику, уголовное право, все еще недостаточно разработана методология и методика изучения основного своего источника – правоприменительной практики. Соответствующие научные разработки должны активизироваться. И они не могут быть эффективными, если не учитываются тенденции цифровизации всех мировых процессов и переход всей системы образования на приоритетное удаленное обучение.

1. Кузьминов В. Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society> (дата обращения: 30.03.2020).

2. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2002.

3. Яблоков Н.П. Криминалистическое мышление и его роль в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений [Электронный ресурс]. URL: www.law/msu.ru/file/22808/download/22812 (дата обращения: 12.08.2020).

4. Рапинов А.П. Судебная психология для следователей. М., 2001.

5. Гармаев Ю.П. Руководство по поиску, обработке и использованию материалов следственно-судебной практики (уголовное судопроизводство) : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 2019.

УДК 343.985.7

А.И. Гигевич

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

Расследование фактов безвестного исчезновения людей традиционно является объектом пристального внимания как со стороны государства, так и общества, поскольку непосредственно отражает способность правоохранителей обеспечить реализацию основных конституционных прав граждан. Качество и своевременность расследования фактов исчезновения граждан и мероприятий по их розыску находят свое отражение в уровне доверия к правоохранительной системе.

На основе проведенного в 2015–2018 гг. исследования установлено, что 83,71 % следователей, расследующих факты безвестного исчезновения граждан, и 77,67 % сотрудников розыскных подразделений считают, что профилактика безвестного исчезновения граждан возможна и должна осуществляться. Наиболее продуктивны такие профилактические мероприятия при взаимодействии правоохранительных органов с общественностью, общественными объединениями и средствами массовой информации. В большей степени эффективными формами профилактики безвестного исчезновения граждан, по нашему мнению и мнению сотрудников правоохранительных органов, являются:

разъяснительная работа в летне-осенний период посредством СМИ и социальных сетей о правилах безопасного нахождения в лесу, о необходимости ношения одежды ярких и броских тонов, наличия при себе

максимально заряженного мобильного телефона, о поведении в случае потери ориентировки на местности;

агитационная работа по безопасному выезду за пределы республики и действиям при нахождении в трудных жизненных ситуациях;

размещение социальной рекламы (видеоролики, плакаты) в СМИ, на придорожных билбордах и в общественных местах;

обеспечение GPS-трекерами лиц с психическими расстройствами либо с особенностями психофизического развития, с расстройствами памяти, которые неоднократно самовольно уходили из дома.

Сегодня в республике действуют поисково-спасательные отряды (ПСО) регионального и республиканского значения, такие как «Ангел», «ЦентрСпас», «ЛизаАлерт», «Симуран», помощь в розыске оказывают представители Белорусского общества Красного Креста, молодежные волонтерские объединения. Волонтерские объединения используются правоохранительными органами в основном при необходимости обследовать большие участки местности, лесные массивы, безлюдные места, заброшенные здания, участки городской территории, реже – для распространения информации о пропавшем лице (информационные плакаты, листовки-ориентировки).

Вместе с тем не в полной мере учитываются возможности распространения в социальных сетях информации, направленной на предупреждение безвестного исчезновения граждан. Так, у ПСО «Ангел» в социальных сетях более 180 000 подписчиков, которыми в основном являются молодые и активные люди. Они могут оперативно получать информацию о лицах, пропавших без вести, через фотографии, сведения об обстоятельствах исчезновения, приметах и возможных районах нахождения. Кроме того, поскольку в популярных мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram) есть возможность подписываться на короткие сообщения, представляется необходимым правоохранительным органам обращаться к неравнодушным гражданам не только для розыска пропавших, но и для проведения деятельности, направленной на профилактику безвестного исчезновения людей.

Следует признать, что не на должном уровне находится просветительская работа, которая может быть организована по инициативе правоохранительных органов в детских и школьных учреждениях. Так, координаторы ПСО «Ангел» летом 2018 г. при посещении детских оздоровительных лагерей республики в игровой форме рассказывали детям, какие предметы необходимо с собой брать при посещении леса и как себя вести в случае потери ориентировки на местности.

Представляется возможным при согласовании с Министерством образования сотрудникам правоохранительных органов и наиболее под-

готовленным и положительно зарекомендовавшим себя при проведении поисковых мероприятий волонтерам добровольческих организаций проводить разъяснительную работу в школах, оздоровительных лагерях, разрабатывать и распространять соответствующие памятки, предназначенные не только для детей, но и для их родителей. Целесообразно привлекать к такой деятельности и спасателей МЧС, медицинских работников, представителей компаний, предоставляющих услуги сотовой связи.

Недостаточно часто проводятся конференции, круглые столы, экспертные встречи, телевизионные проекты, которые привлекают внимание к проблеме безвестного исчезновения граждан. Так, на базе Международного учебного центра Академии МВД Республики Беларусь только единожды, в сентябре 2012 г., был проведен круглый стол «Совершенствование межсекторного взаимодействия при проведении розыскных мероприятий по фактам безвестного исчезновения детей, а также по предупреждению их самовольных уходов из семей, интернатных и других учреждений». На форуме обсуждались проблемы межведомственного взаимодействия, осуществлялся обмен опытом с участием представителей общественных организаций Польши и России. В октябре 2017 г. на общенациональном телевидении (ОНТ) в ток-шоу «Наша жизнь» при обсуждении темы «Как и почему пропадают дети» была поднята проблема безвестного исчезновения детей, в разговоре о которой приняли участие представители СК, МВД, МЧС Республики Беларусь, руководители и волонтеры ПСО «Ангел», родители пропавших без вести детей, журналисты, освещающие в СМИ тематику безвестного исчезновения детей, представитель Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Республике Беларусь, разработчики мобильного приложения «Кнопка SOS». Во время вещания телевизионного проекта проводился социологический опрос телезрителей, 92 % которых ответили, что готовы принимать участие в поиске пропавших людей.

По данным Национального статистического комитета, в 2019 г. сетью Интернет в Республике Беларусь пользовались 82,8 % жителей в возрасте от 6 лет и старше, при этом 82,8 % из них в сеть Интернет входили ежедневно [1, с. 436]. Однако возможности интернета и информационных интернет-порталов не используются в полной мере. В частности, сообщений о безвестно исчезнувших гражданах, размещаемых на официальных сайтах правоохранительных органов, явно недостаточно. Необходимо прорабатывать вопрос о публикации сведений о пропавших гражданах на иных, наиболее посещаемых сайтах. Например, популярный новостной и информационный портал Onliner.by, который ежедневно посещают более 140 000 пользователей, активно освещает деятельность ПСО «Ангел» и размещает информацию о пропавших людях.

Не в полной мере используется для передачи общественности сведений о пропавших людях и профилактической информации радио. Так, в ходе исследования, проведенного А.И. Тамбовцевым, установлено, что до 85 % владельцев частных автомобилей, маршрутных такси и водителей общественного транспорта являются постоянными слушателями местных радиостанций. Информированные и отчасти активизированные таким образом к диалогу граждане являются средой для дальнейшей профилактической деятельности [2, с. 132].

Разъяснительная работа о безопасном выезде за пределы республики и действиях при нахождении в трудных жизненных ситуациях посредством видеороликов, размещенных на телевидении, в социальных сетях, плакатов на придорожных билбордах способна существенно снизить количество лиц, пропавших без вести.

Кроме того, отдельные вопросы, касающиеся распространения информации профилактической направленности, регламентированы Законом «О рекламе». В ст. 2 данного закона закреплено определение понятия социальной рекламы как рекламы социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламодателями которой являются государственные органы. В понятие «социальная реклама» входит также реклама прав, охраняемых законом, интересов или обязанностей организаций или граждан, здорового образа жизни, мер по охране здоровья, безопасности населения, социальной защите, профилактике правонарушений, охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, развитию белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества, программ по вопросам развития образования, государственных программ в сферах здравоохранения, культуры и спорта. Представляется уместным профилактику безвестного исчезновения граждан включить в указанный перечень оснований социальной рекламы.

Положительный профилактический характер имеет практика США и многих стран Европы, в которых действует система молниеносного оповещения о пропавших детях и престарелых. При получении сообщения об исчезновении ребенка в течение 30 минут приводятся в полную готовность соответствующие службы, поднимаются подразделения армии, береговая охрана, службы безопасности и волонтеры. Информация об исчезновении ребенка выводится на информационные табло на автотрассах, вокзалах, в аэропортах. С 2002 г. подобная система оповещения создана в Австралии, Великобритании, Греции, Канаде, Франции. Более того, в Великобритании и Германии функционируют специальные ка-

налы телевидения, работающие в круглосуточном режиме для информирования о как можно большем числе безвестно исчезнувших, для получения консультации в поиске пропавшего лица.

Подводя итог, следует признать, что не в полной мере сотрудники оперативных подразделений и следователи используют возможности волонтерских организаций, СМИ, социальных сетей в целях профилактики безвестного исчезновения граждан. Нуждаются в совершенствовании нормы законодательства, регулирующие соответствующие отношения. Так, следует дополнить соответствующее положение в ст. 2 Закона «О рекламе», включив в перечень профилактируемых событий безвестное исчезновение граждан.

Реализация комплекса профилактических мероприятий позволит привлечь внимание граждан к проблеме безвестного исчезновения, будет способствовать профилактике данного явления, снижению количества пропадающих лиц.

1. Республика Беларусь. Статистический ежегодник / Нац. статист. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск, 2020.

2. Тамбовцев А.И. Особенности взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в процессе предупреждения преступлений // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. 2013. № 4. С. 128–133.

УДК 343.985

В.Л. Григорович, Вэнь Чжу

О СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КИТАЕ

В Китайской Народной Республике под технико-криминалистическим обеспечением (ТКО) расследования преступлений понимают систему, элементами которой являются технические средства, способы, приемы, рекомендации, субъекты, обладающие специальными знаниями и полномочиями, необходимыми для обнаружения, фиксации, документирования и изъятия вещественных доказательств (следов преступлений) в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Мы солидарны с мнением китайского ученого-криминалиста Чжу Цзиньцзе, что технико-криминалистическое обеспечение, как система оптимизации расследования преступлений, должна строиться на эффективности методов как основе ее эффективности [1, с. 71].

Хуан Цзяньтунь метод познания уподоблял фонарю, дающему свет идущему в темноте. По его мнению, метод – совокупность манипуляций освоения действительности, система правил, принципов, подходов в изучении явлений и закономерностей природы, общества и мышления. Сам по себе метод является научным инструментом, поскольку дает знание, указывает, как и в какой последовательности и для решения каких задач необходимо совершать действия, а вместе с тем, как на основе полученного знания обретать умение, как его совершенствовать и как его применять. Каждая сфера деятельности использует различные методы, зависящие от характера решаемых в ней задач. Методы могут быть относительно независимы от типа решаемых проблем, но зависят от уровня и глубины исследования [2, с. 27].

По мнению китайских криминалистов Ду Цинцюань, Кун Чунсяо и Сяо Жун Цзоу, для ТКО расследования преступлений имеет значение знание и выбор метода исследования в соответствии с характером решаемых задач. Структурно метод состоит из трех частей: обосновывающей, операционной и технико-технологической. Обосновывающая часть, основанная на научных знаниях создания метода, содержит ряд указаний на его применение и получаемый результат. В операционную часть метода входят действия его осуществления. Технико-технологическая часть представлена средствами, которые позволяют метод реализовать.

Изучение основных закономерностей ТКО расследования преступлений как вида деятельности позволяет в рамках его структуры, логической организации методов и средств деятельности оптимизировать систему методов его осуществления [3, с. 114].

Методология общей теории ТКО состоит из методов (методик), предназначенных не только для решения, но и для оптимизации задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Непосредственно сама методология ТКО расследования преступлений представляет собой учение о структуре, логической организации, методах и средствах этой деятельности. Методами же ТКО следует считать систему логических и инструментальных действий (способы, приемы) для получения данных при разрешении вопросов, связанных с выполнением задач расследования и достижения его конечных целей при обеспечении оптимизации действий (быстрота, эффективность, снижение затратности и т. д.). Отдельные операции, составляющие собственно методы ТКО, являются практической основой использования закономерностей объективной действительности для оптимизации процесса расследования преступлений, получения новых знаний в процессе развития системы ТКО. Очень важно, что специфика методов ТКО расследования преступлений состоит в том, что они используются в деятельности субъектов ТКО не

для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, а для решения практических юридических задач по установлению истины по уголовным делам или для иных видов процессов [4–6].

Полагаем, что еще одной важной особенностью методов ТКО расследования преступлений, представляющих собой системы научно обоснованных действий и операций по решению практических задач, является и то, что их применение ситуационно обусловлено. Применение методов ТКО зависит от характера и свойств субъектов и объектов, вовлеченных в процесс расследования, а также в какой-то степени и от самих субъектов ТКО, участвующих в этом процессе, и от организации их деятельности в целом.

Дальнейшему повышению роли ТКО в оптимизации расследования преступлений будет способствовать использование методов алгоритмизации и методической типизации решений конкретных задач ТКО расследования преступлений, но обязательно при условии их соответствующей сертификации и стандартизации [7].

Также необходим учет принципов применения методов в практико-ориентированной системе ТКО расследования преступлений как вида криминалистической деятельности. Общим принципом оценки пригодности методов к применению в системе ТКО расследования преступлений является не только их научная состоятельность, но и соответствие требованиям законности и этическим нормам как главному принципу их допустимости. Вместе с тем в системе ТКО расследования преступлений его субъекты практически не ограничены в выборе методов и средств, соответствующих уровню самого ТКО. Субъектами расследования преступлений должны соблюдаться условия как законодательно закрепленных, так и общих правил использования технико-криминалистических средств и методов при работе с доказательствами и в процессе проведения следственных действий [8, с. 47].

Исходя из основного содержания ТКО, каковым является комплексная деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений, определяются два аспекта этого процесса: созидательный (создание условий) и деятельный (их реализация) [9, с. 55]. Соответственно, система методов ТКО расследования преступлений определяется, во-первых, уровнем разработки проблем ТКО и его научно-методическим обеспечением, во-вторых, этапами процесса расследования.

Следует выделить в ней три группы методов.

К первой группе относятся методы достижения главной цели ТКО – оптимизации процесса расследования преступлений путем создания

условий реализации ТКО (как общего через частное). К таким относятся методы научно-теоретического, научно-методического, материального, кадрового, организационного, технико-технологического, информационного обеспечения и ряд иных основополагающих методов, формирующих базовую основу ТКО как инновационного вида криминалистической деятельности, направленной на эффективное достижение целей расследования преступлений вне зависимости от степени сложности решаемых задач.

Вторая группа содержит как общие, так и частно-научные и специальные методы ТКО, связанные с операционными задачами ТКО расследования преступлений, соответствующими этапам расследования и характеру преступлений, поскольку используется непосредственно сама система технико-криминалистических средств и методов как комплексный инструмент реализации методологии ТКО. Эту группу методов ТКО расследования преступлений составляют методы, обеспечивающие использование технологического оборудования, приборов, инструментов, материалов, веществ, т. е. всего, что необходимо для обнаружения, сбора, фиксации, предварительного исследования, специального (экспертного) исследования, оценки и использования следов преступления и иных объектов (вещественных доказательств), относящихся к материальной структуре преступления в их ситуационно обусловленной системе применения.

К третьей группе мы относим методы ТКО проведения следственных действий в процессе расследования преступлений, как в целом, так и в ситуационно обусловленной системе их применения.

Так как эффективность расследования преступлений во многом зависит от уровня его ТКО, необходимо использовать высокоэффективные технико-криминалистические средства и методы, сочетающие в себе возможности нескольких методов, чтобы позволить существенно расширить круг выбора решений в ходе непосредственного проведения следственных действий, а также выбор тактики таких действий, направленных на выполнение задач [10, с. 28; 11, с. 74]. Вместе с тем в силу особенностей развития структуры современных преступлений, совершенствование ТКО их расследования, как мы считаем, должно происходить за счет технологически обеспеченной интеграции знаний из разных отраслей науки в единое целое, которая проявляется и в объединении методов отраслей науки. Именно комплексное развитие сил, методов и средств ТКО расследования преступлений определяет будущее данного вида криминалистической деятельности в целом [12, с. 11–17]. При этом приоритетным направлением такого развития должна стать система технологий, благодаря которой общие, частные и специальные технико-криминалистические методы в силу уровня развития современной науки должны обеспечивать:

сохранность объектов исследования, установление их природы, алгоритм выбора методов исследований исходя из сущности объектов, комплексный характер получаемой информации на основе типизации выявляемых признаков и свойств объектов исследования [13, с. 5].

1. Чжу Цзиньцзе. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в Республике Беларусь и в Китайской Народной Республике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Минск, 2014.
2. Хуан Цзяньтунь. Теория криминалистика : в 2 т. Пекин, 2003. Т. 2.
3. Ду Цинцюань, Кун Чунсяо, Сяо Жун Цзоу. Руководство по распознаванию следов. Пекин, 2004.
4. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учебник. 2-е изд. М., 2010.
5. Куриленко Ю.Л. Компьютерные технологии как средство повышения эффективности организации правоохранительной деятельности: применительно к деятельности ОВД по расследованию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2008.
6. Посков Я.А. Основы информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Люберцы, 2009.
7. Комаров И.М. К проблеме информационной безопасности досудебного производства по уголовному делу // Значение творческого наследия профессора А.И. Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения) : сб. материалов 49-х крим. чтений. М., 2008. С. 174–175.
8. Криминалистика: учеб. для вузов / А.Ф. Волынский [и др.] / под ред. А.Ф. Волынского. М., 1999.
9. Сун Ци. Сборник Си Юань: [Династия Южная Сун]. Пекин, 2006.
10. Эрекаев А.Я. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2003.
11. Династия Тан. Уголовные законы династии Тан: история права. Пекин, 2007.
12. Криминалистика и стратегия / авт.-сост. Сяо Ян. Пекин, 2010.
13. Ван Хуай Сюй. Раздаточные материалы расследования школы допроса. Пекин, 1994.

УДК 343.98

В.А. Гусева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Правильность, всесторонность и корректность понимания той или иной криминалистической категории зависят прежде всего от степени научного выяснения правовой природы явления, источников происхо-

ждения, а также от определения функционального назначения. По нашему мнению, криминалистическая методика, представляя собой объединение передовых достижений криминалистической тактики и техники, в полной мере соответствует вышеуказанной аксиоме, поэтому считаем необходимым проанализировать существующие на сегодняшний день определения данной криминалистической категории.

В научной литературе можно встретить такие названия криминалистической методики: методика расследования преступлений, методика расследования отдельных видов преступлений, криминалистическая методика, методика по расследованию преступлений. Данные названия в общем используются как синонимы, хотя имеют определенные различия в содержательной нагрузке.

Так, по мнению В.А. Журавля криминалистическая методика расследования преступлений представляет собой самостоятельный раздел криминалистики, а отдельная криминалистическая методика – комплекс научно-практических рекомендаций по организации и осуществлению расследования, раскрытия и предотвращения совершения правонарушения конкретного типа. В свою очередь, криминалистическая методическая рекомендация является отдельной обоснованной с точки зрения науки и практики рекомендацией по повышению эффективности расследования преступлений [1, с. 203].

Рассмотрим более подробно правовую природу криминалистической методики. Так, по мнению Р.С. Белкина, данное понятие включает в себя систему научных положений, а также разработанных на их основе рекомендаций по организации расследования и предупреждению правонарушений [2, с. 101]. Вышеуказанного мнения придерживаются и другие ученые, отмечая, что криминалистическая методика – система научно разработанных рекомендаций по оптимальной реализации расследования правонарушений на базе научных положений [3, с. 3].

По мнению И.Ф. Герасимова, криминалистическая методика – структурная часть криминалистики, которая специализируется на рассмотрении средств и методов, применяемых в ходе раскрытия и расследования правонарушений [4, с. 325].

Правильным является точка зрения, предложенная Н.П. Яблоковым и А.Ю. Головиным, которые отмечают, что методика расследования отдельных видов преступлений направлена на исследование уголовного и криминалистического опыта совершения правонарушений и практику их судебного (досудебного) разбирательства, на базе которых разрабатывается система эффективных методических рекомендаций по расследованию и предупреждению преступлений [1, с. 204; 5, с. 141].

В современной криминалистической литературе можно встретить оригинальные подходы к пониманию криминалистической методики. Так, например, Б.В. Щур в понятие частной криминалистической методики вкладывает комплекс рекомендаций методического характера, а также следственные технологии в форме информационных моделей, направленных на расследование, раскрытие и предотвращение конкретного вида правонарушений [6, с. 102]. По нашему мнению, особенность предложенного определения состоит в том, что к понятию криминалистической методики отнесены следственные технологии. Такой подход довольно перспективный, но необходимо дополнительное научное обоснование, в том числе из-за абсолютно противоположного мнения авторитетных криминалистов по этому поводу. Так, например, В.В. Тищенко полагает, что нельзя в рамках криминалистической методики применять технологический подход в контексте поглощения такой методики [7, с. 22]. Данный вопрос является дискуссионным, поскольку считается, что криминалистическая методика представляет собой комплекс советов относительно эффективных путей осуществления деятельности, но не саму деятельность.

Удобна позиция А.Ф. Волобуева, который определяет, что основой для формирования криминалистической методики расследования преступлений отдельной категории является обобщение практических рекомендаций по расследованию, раскрытию и предупреждению определенного вида правонарушения [8, с. 17].

С целью унификации существующих на сегодняшний день взглядов по определению частной криминалистической методики считаем необходимым установить основные признаки данной криминалистической категории. На основании анализа криминалистической литературы выделены признаки криминалистической методики:

является научно-абстрактной категорией – информационной моделью, которая содержит типичные сведения о правонарушениях, процесс расследования, а также судебное разбирательство. Специфика данной модели заключается в том, что она выступает своеобразным ориентиром для следователя, прокурора и суда в рациональной организации своей профессиональной деятельности;

представляет собой упорядоченный комплекс методов, приемов, средств и рекомендаций типизированного характера [1, с. 212]. Основаниями для составления такого комплекса являются: задачи, решаемые в процессе расследования, которые имеют комплексный характер; практическая необходимость в разработке рекомендаций по комплексу действий, направленных непосредственно на решение определенных задач; комплексное применение криминалистической методики (в пределах своей

компетенции) стороной защиты и стороной обвинения (на этапе раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений) [9, с. 302–303];

направлена на этапе досудебного расследования на выявление, сбор и оценку доказательств, а на этапе судебного разбирательства – на наиболее оптимальную организацию процедуры исследования доказательной базы, предоставленной стороной защиты и стороной обвинения;

реализуется на этапе досудебного расследования и на этапе судебного разбирательства.

Есть много нерешенных вопросов по формированию и построению криминалистических методик. Так, несмотря на большое количество научных работ по вопросам формирования криминалистических методик, на сегодняшний день можно выделить следующие дискуссионные вопросы о данном криминалистическом институте:

правовая природа криминалистических методик, а именно ее классификация и структура;

выделение этапов расследования правонарушений в соответствии с действующим законодательством;

необходимость включения в отдельные методики расследования особенностей тактики негласных следственных (разыскных) действий;

формирование методик судебного рассмотрения правонарушений [10, с. 240].

Правовая природа криминалистической методики заключается в комплексе сформированных рекомендаций по установлению определенного времени, места, лиц, способа совершения правонарушения, обстоятельств происшествия, способствовавших совершению преступления. Если рассматривать криминалистическую методику в общем смысле, она представляет собой комплексные рекомендации по выявлению и фиксации следов совершенного правонарушения, а также по их всестороннему анализу и экспертной оценке.

Таким образом, обобщенные результаты криминалистических исследований и определенные методолого-теоретические позиции в дальнейшем могут служить основой для формирования криминалистических методик.

1. Журавель В.А. Окрема криміналістична методика: поняття та сфера застосування // Вісн. Акад. правових наук України. 2011. № 2.

2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М., 2000.

3. Бахін В.П. Криміналістична методика : лекція. 2-ге вид., допов. К., 1999.

4. Криминалистика : учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994.

5. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М., 2005.

6. Щур Б.В. Теоретичні основи формування та застосування криміналістичних методик. Х., 2010.

7. Тищенко В.В. Криміналістичні технології в теорії та практиці розслідування // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. пр. О., 2008. Вип. 44. С. 18–24.

8. Волобуєв А.Ф. Проблеми методики розслідування розкрадань майна у сфері підприємств. Х., 2000.

9. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации.

10. Степанюк Р.Л. Проблеми розвитку криміналістичної методики в умовах реформування кримінальної юстиції України // Вісн. кримінол. асоц. України : зб. наук. пр. Х., 2016. Вип. 1. С. 236–245.

УДК 343.98

А.В. Дешук

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Производственная среда способствует совершению большинства преступлений экономической направленности, вызванных бесхозяйственностью, бесконтрольностью. По нашему мнению, хищения в сфере строительства нельзя рассматривать в отрыве от окружающей обстановки, в которой они совершаются. Специфика деятельности строительной организации главным образом определяет содержание, характер, способы и оформление строительных работ, поэтому, исходя из нее, преступники разрабатывают и применяют соответствующие способы действий. Без знания такой специфики затруднительно разобраться в особенностях строительного производства и противоправной деятельности виновных лиц. Также с учетом обстановки совершения преступления рассматриваются способы совершения хищений в строительстве, следы, иные элементы.

Структурные компоненты обстановки совершения преступления включают в себя особенности строительного производства, общее состояние контроля за обеспечением сохранности имущества и финансовой дисциплины, место (строительная площадка, участок производства строительных материалов, склад их хранения и т. д.) и время совершения хищений, действия преступных лиц, создающие определенные условия, и пр.

Особенности строительного производства обусловлены видами строительства (промышленное, жилищно-коммунальное, транспортное, энергетическое, сельскохозяйственное и т. д.), особым характером продукции, условиями вложения денежных средств, их освоения и возврата. Строительная продукция, измеряемая в стоимостной форме объемом подрядных или строительно-монтажных работ, создается на определенном земельном участке и в течение всего периода создания и эксплуатации остается нетранспортабельной. Продолжительность возведения любого объекта исчисляется не только месяцами, но и годами. Длительность технологического цикла предопределяет особую форму расчетов за строительную продукцию, которые ведутся за условно готовую продукцию по этапам работ, за выполнение конструктивных частей зданий или определенных видов работ. Таким образом, цена устанавливается не только за объект в целом, но и за отдельные виды и этапы работ [1, с. 330–331].

Одной из особенностей строительства является также его стадийность, которую следует учитывать при расследовании хищений в сфере строительства. Анализ специальной литературы [2, 3] позволяет выделить несколько основных взаимосвязанных стадий строительного производства, которые имеют криминалистическое значение для установления признаков хищений и способов их совершения. Такими являются стадии: предпроектная (обоснование инвестирования, подготовка и получение разрешительной документации на строительство объектов); проектирование двухстадийное (разработка архитектурного и строительного проекта) либо одностадийное (только строительное); подготовка и проведение подрядных торгов (тендеров) в строительстве; непосредственно строительство объекта; приемка строительного объекта в эксплуатацию.

На предпроектной стадии решаются вопросы: обоснования инвестиций в строительство (создание эскизного проекта, бизнес-плана, задания на проектирование), выбора инженерной и проектной организации, заключения договора с инженерной организацией на оказание услуг, определения способа предоставления земельного участка (на основании инвестиционного договора, через аукцион), получения разрешительной документации при его предоставлении и др.

Стадия проектирования включает в себя: заключение договора на выполнение проектных и изыскательских работ, разработку, согласование и утверждение архитектурного проекта, разработку строительного проекта в целом на объект или по очередям строительства, закупку тех-

нологического оборудования, определение способа производства строительных работ (подрядный либо хозяйственный способ) и др.

Подготовка и проведение подрядных торгов (тендеров) в строительстве заключается в принятии решения о закупке работ, услуг при строительстве, в определении органа по проведению подрядных торгов, источников финансирования, в разработке и утверждении конкурсной документации, в проведении конкурса (открытого или закрытого) или иного вида процедуры закупки, в оценке конкурсных предложений, выборе победителя подрядных торгов, проведении переговоров по снижению цены, заключении договора (контракта) строительного подряда.

Стадия непосредственно строительства объекта включает в себя получение разрешений на производство строительно-монтажных работ, их выполнение, оформление исполнительной документации.

Приемка строительного объекта в эксплуатацию предусматривает издание приказа о создании приемочной комиссии, работу комиссии по приемке объекта, получение заключений государственных надзорных органов о соответствии объекта утвержденной проектной документации требованиям эксплуатационной надежности и безопасности, подписание акта приемки объекта в эксплуатацию членами комиссии, передачу объекта заказчику.

На каждой из выделенных стадий строительства могут возникать коррупционные риски, связанные с возможностью совершать хищения и иные злоупотребления, которые могут быть выявлены методами экономического и документального анализа.

При анализе общего состояния контроля за сохранностью имущества и финансовой дисциплины можно выделить ряд наиболее характерных недостатков в работе строительных организаций, которые способствуют совершению хищений в сфере строительства. Такими недостатками являются: формальное проведение инвентаризаций остатков строительных материалов без их фактического сличения; нарушение правил ведения бухгалтерского учета при постановке товарно-материальных ценностей на учет (например, неоткрытие специальных субсчетов для раздельного ведения строительных материалов и оборудования); неправильное оформление первичных учетных документов (товарно-транспортные накладные, карточки складского учета, материальные отчеты и т. д.); списание строительных материалов, не подтвержденных фактическими данными; отсутствие разработанных комплексных мер по охране строительных объектов, особенно в ночное время; допуск материально ответственных лиц к работе с материальными ценностями

без заключения соответствующих договоров о полной материальной ответственности и т. д.

Выделенные компоненты в обстановке совершения преступления во многом определяют характер хищений в сфере строительства, способы их совершения субъектами преступлений, влияют на предмет преступного посягательства и оставляемые следы.

1. Национальная экономика Беларуси : учеб. для студентов вузов / В.Н. Шимов [и др.] ; под ред. В.Н. Шимова. 4-е изд., перераб. и доп. Минск, 2012.

2. Основы строительного дела : учеб. по специальности 120303 «Городской кадастр» / А.В. Шишин [и др.]. М., 2007.

3. Рыжевская М.П. Организация строительного производства : учеб. пособие. Минск, 2014.

УДК 343.985.2

О.Б. Дронова, А.А. Курин

ОБ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности правоохранительных органов существенно повышает возможности информационно-аналитического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также способствует формированию системы их предупреждения. В настоящее время значительно расширены сферы применения компьютерных диспетчерских систем, геоинформационных комплексов, средств тактического прогнозирования преступности, а также использование возможностей многочисленных интегрированных баз данных. Формирование и обработка комплекса объемной разнородной информации неизбежно сопровождаются существенными организационными и ресурсными сложностями, поэтому необходимо использовать аналитические алгоритмы работы с учетно-регистрационными данными.

Целью информационного обеспечения субъектов выявления и расследования преступлений необходимы сведениями, относящимися к выявленному противоправному деянию и лицам, причастным к его совершению, является формирование взаимосвязанной структуры достоверных, объективных, полных и актуальных криминалистически

значимых фактических данных [1, с. 319]. Процесс информационно-аналитического обеспечения реализуется посредством использования возможностей существующих информационных ресурсов, формируемых правоохранительными органами, государственными и негосударственными организациями, общественными объединениями.

Данные, используемые для проведения первоначального анализа, могут быть получены правоохранительными органами из гласных или негласных источников традиционными и современными инновационными средствами поиска и регистрации информации. Результативность формирования аналитического продукта находится в прямой зависимости от полноты и достоверности исходной (первичной) информации, а также от оперативности информационного взаимодействия субъектов расследования при использовании телекоммуникационных возможностей, способствующих обработке информации и генерированию новых сведений [2, с. 324].

Малая раскрываемость преступлений связана с низким уровнем обеспеченности субъектов расследования информационно-справочными ресурсами и информационно-аналитическими данными, которые должны сопровождать процесс раскрытия и расследования преступлений. К числу основных причин данного факта могут быть отнесены:

недостаточность разработки научно обоснованной концепции формирования, накопления и использования информационных массивов криминалистически значимой информации;

отсутствие единого (системного) подхода к формированию информационных ресурсов и их использованию в раскрытии и расследовании преступлений;

отсутствие должного уровня интеграции учетов органов внутренних дел; отсутствие системного подхода к процессу собирания, обработки (исследование, оценка, систематизация) и использования криминалистически значимой информации;

риски несанкционированного доступа к информации [3, с. 114].

Комплекс функционирующих в настоящее время информационных массивов позволяет осуществить типизацию первичных данных. Могут быть выделены следующие сведения:

об инцидентах, которые ранее фиксировались на обслуживаемой территории (обращения граждан в полицию, дорожно-транспортные происшествия и иные происшествия на объектах транспортных коммуникаций, зарегистрированные преступления, произведенные аресты и т. д.);

зарегистрированных противоправных деяниях, выявленных на территориях иных региональных (районных) подразделений правоохрани-

тельных органов, чтобы сопоставить и установить факт причастности одних и тех же лиц (объектов) к преступлениям, совершенным в разных местах одним способом;

зоне обслуживания для установления причин криминальных событий и прогнозирования их дальнейшего развития;

физических лицах и осуществляемых ими видах деятельности, чтобы получить информацию о характеристиках субъектов преступления, их взаимосвязях с иными участниками, характере и специфике их деятельности;

деятельности полиции, отраженные в электронных журналах первичного учета в системе единого учета преступлений, а также список дежурных патрульных групп и другие данные;

мобильных патрульных группах, местах совершения преступлений из геоинформационных систем.

Совокупность данных, содержащихся в информационных массивах, создает дополнительный резерв для информационного обеспечения, дифференцируемого по двум направлениям: информационно-справочному и информационно-аналитическому. Если информационно-справочное сопровождение направлено на сбор разнородных данных из собственных информационных массивов, их обобщение и предоставление полученных результатов в удобной для восприятия и использования форме (справка, отчет), то информационно-аналитическое обеспечение представляет собой распределенный сбор разнородных данных из внешних источников, проведение модельных расчетов с целью получения новых знаний и предоставление результатов в наглядной структурированной форме (графики, диаграммы, линейные модели).

Информационная модель противоправного деяния получается в результате криминалистического анализа: производится систематизация, аналитическая обработка данных, способствующих получению нового знания о событии преступления и лицах, причастных к их совершению. Следует отметить, что аналитическая работа позволяет осуществить сбор информации о структуре и иерархии преступных организаций, специфике организации внутренних и внешних взаимоотношений, товарно-денежных потоках, способах и механизмах реализации преступной деятельности и т. д. Кроме того, аналитическая деятельность направлена на получение персональных данных участников преступных групп в процессе формирования индивидуального профиля преступника или всей преступной группы с учетом сведений о событиях и обстоятельствах совершенных преступлений.

Повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений предусматривает необходимость комплексного подхода к решению как административных, так и организационно-методических задач, расширяющих возможности информационно-аналитического обеспечения. Строгая принадлежность существующих коммуникационных систем к ведомственным информационным структурам государственных органов, а также организационные ограничения полноформатного доступа к сведениям, необходимым для раскрытия и расследования преступлений, препятствуют выстраиванию эффективного информационного взаимодействия и совместному использованию информационных ресурсов субъектами выявления и расследования.

С точки зрения криминалистического анализа интерес может представлять объектная и пространственно-временная информация о сущности, состоянии, местоположении и деятельностном проявлении функционирования объектов, которые наиболее часто фигурируют в качестве субъектов преступления, субъектов и объектов преступного посягательства, мест, средств совершения преступлений.

Данные виды информации могут быть получены в процессе реализации комплексной системы разведывательных, поисковых, исследовательских мероприятий, осуществляемых в том числе с применением технических устройств, систем контроля, специализированных программно-аппаратных средств, позволяющих получать и формировать информационно-аналитические данные о лицах, документах, предметах преступного посягательства, орудиях совершения преступлений, способах и механизмах их совершения, а также от иных структурных составляющих информационной модели противоправного деяния.

Современный уровень технического развития общества свидетельствует о наличии всех условий для формирования единой системы информационно-аналитических данных на основе учета и контроля разнонаправленной информации, полученной в результате использования средств телекоммуникации, геоинформационных и навигационных систем, в том числе технологий защиты информации, искусственного интеллекта.

1. Дронова О.Б., Курин А.А., Современные возможности информационного обеспечения процесса выявления и расследования преступлений в сфере потребительского рынка // *Всерос. криминол. журн.* 2017. Т. 11, № 2. С. 318–326.

2. Gentili M., Mirchandani P. Locating Vehicle Identification Sensors for Travel Time Information // *Applications of Location Analysis*. 2015. Vol. 232. P. 307–327.

3. Соколов Ю.Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. Екатеринбург, 2006.

УГРОЗЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В центре любого значительного изменения общественной жизни находится та или иная технология. Развитие информационно-коммуникационных и цифровых технологий обусловило трансформацию направлений человеческой деятельности. Резкий технологический скачок определил формирование специфичной информационной среды, в которой отмечается экспоненциальный рост генерируемых человечеством данных. Именно в этой информационной среде современный человек создает и развивает новые идеи и направления, которые впоследствии задают тенденции эволюции общества.

Общество вступило в постиндустриальную стадию развития, в которой важнейшим ресурсом и движущей силой прогресса становится информация и знания. Человечество с каждым днем становится все более восприимчивым к быстро меняющимся технологиям. Технологическое мировосприятие задает образцы рациональной и целенаправленной деятельности, в соответствии с которыми организуются едва ли не все сферы жизнедеятельности. Возложенные надежды на дальнейшее совершенствование человеческой деятельности исследователи связывают с развитием нанотехнологий, генно-инженерных, аддитивных технологий, технологий искусственного интеллекта.

Наиболее перспективными и при этом предельно неоднозначными являются технологии, базирующиеся на принципах и методах искусственного интеллекта. В настоящее время идея создания разумных и мыслящих компьютеров, способных превзойти человека по своим интеллектуальным способностям для решения технологических, промышленных и иных задач, обрела новый виток развития. За последние несколько лет технологии, основанные на искусственном интеллекте, из числа сугубо технологических вопросов перешли в разряд наиболее обсуждаемых вопросов развития мирового сообщества. Это обстоятельство обусловлено целым рядом факторов, среди которых выделяются: широкое распространение вычислительной техники, рост вычислительных мощностей программно-аппаратных комплексов, общедоступность больших объемов информации, а также изменение взглядов к рассматриваемой технологии по причине стремительного роста ее капитализации.

Технологии с элементами искусственного интеллекта развиваются стремительно и интенсивно и уже активно применяются в экономике, про-

мышленности, медицине, образовании. Использование искусственного интеллекта оказывает положительное влияние на многие сферы деятельности, упрощая отдельные производственные процессы, однако одновременно возникают новые вызовы и угрозы его применения. В связи с этим актуальными становятся вопросы осмысления таких рисков и угроз.

Наиболее уязвимой в последние годы становится сфера получения достоверной информации в цифровом пространстве. Как известно, само по себе наличие информации и возможность доступа к ней – благо для современного человека. Вместе с тем не всегда получаемая информация может использоваться во благо. Возможность свободного доступа к информации порождает различного рода негативные воздействия на нее, которые реализуются новыми технологическими способами.

Так, в настоящее время в цифровом пространстве используется новая технология, размывающая границы между фактом и вымыслом. Она основана на применении алгоритмов искусственного интеллекта, в частности искусственных нейронных сетей. На основании этой технологии создаются дипфейки (от англ. deep learning – глубокое обучение и fake – фальшивый) – обработанные цифровые фото- и видеоизображения, которые человеком воспринимаются как оригинальные. Технология дипфейков обладает огромными потенциальными возможностями в модификации цифрового материала.

Процесс создания дипфейка предполагает работу по редактированию изображения, в котором части или элементы заменяются искусственным интеллектом на желаемые образы посредством алгоритмов генеративно-состязательной нейронной сети [1]. Генеративно-состязательные нейронные сети используют две нейронные сети: одну для создания поддельного цифрового образа, другую – для его оценки. Первая нейронная сеть обучается на реальных изображениях объекта, генерирует все более точные копии изображения этого объекта с изменениями и пытается обмануть вторую нейронную сеть, заставляя ее поверить, что копия изображения объекта с изменениями и есть оригинал. В результате такого состязания две нейронные сети совершенствуют свои навыки, и такая постоянно самообучающаяся и самосовершенствующаяся система непосредственно творит дипфейки.

Принимая во внимание то, что отдельные инструменты искусственного интеллекта имеют открытый код и доступны в цифровом пространстве широкому кругу лиц, а также учитывая широкое качественно-количественное разнообразие исходного цифрового материала (фото- и видеозаписей), хранящегося в сети Интернет, можно сделать вывод о том, что в настоящее время убедительный поддельный цифровой материал создать стало проще, чем когда-либо прежде, и, по

всей вероятности, станет более доступно в ближайшем будущем. Соответственно, дипфейки могут нести серьезную потенциальную угрозу для различных сфер жизнедеятельности.

Уже сегодня технология дипфейков активно используется в преступных целях. Так, по информации компании Deeptrace, занимающейся кибербезопасностью, в 2019 г. в сети Интернет насчитывалось свыше 14 600 единиц видеодипфейков, которые в подавляющем большинстве представляют собой порноролики с изображением известных актеров [2]. Кроме того, серьезные опасения вызывает использование технологии дипфейков в политических целях, поскольку создание политических дипфейков может быть направлено на подрыв авторитета, имиджа и доверия к определенному политику, политической партии или даже государству.

Таким образом, можно констатировать, что потенциал использования искусственного интеллекта в интересах человечества колоссален. Вместе с тем, если не предпринять соответствующие меры контроля в ближайшем будущем, преступники, прибегнув к технологическим разработкам, могут причинить значительный вред не только отдельному человеку, но и обществу в целом. Поэтому в целях минимизации криминальных факторов необходим тщательный анализ потенциальных рисков человеческой деятельности в условиях соответствующего технологического уклада развития, а также разработка надлежащих мер защиты человека, общества и государства от возникающих угроз.

1. Deepfake // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake> (дата обращения: 29.09.2020).

2. Как швейцарские ученые хотят помешать нейросетям копировать реальность // Swiswinfo.ch. URL: <https://www.swiswinfo.ch/rus/45605836> (дата обращения: 29.09.2020).

УДК 343.980

В.И. Елѣтнов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ ОТРАСЛЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

В настоящее время идет непрерывный поступательный процесс внедрения в сложившиеся отрасли криминалистической техники современных достижений естественных и технических наук, совершенствования собственных технико-криминалистических средств, создания новых

методик исследования криминалистических объектов. Дополнение этого раздела криминалистики новыми научными знаниями не может не сопровождаться возникновением теоретических пробелов, наличием спорных положений. Остановимся на них более детально в рамках отдельных отраслей криминалистической техники.

Криминалистическая фотография и видеозапись. В настоящее время в проблемном поле этой отрасли находятся такие вопросы, как доказательственное значение цифровых снимков и видеозаписи; конкретизация норм законодательства, регламентирующих использование цифровых камер в уголовном процессе; работа с графическими редакторами и др. Особенно остро стоят вопросы противодействия фальсификации фото- и видеофайлов и правомерности применения графических редакторов для обработки изображений и их последующего использования в деятельности правоохранительных органов. Учеными предлагаются различные решения обозначенных проблем, а именно: применение устройств, работающих по принципу «после съемки – сразу на печать» [1, с. 133], незамедлительный перенос файлов на непerezаписываемый CD-диск (иные аналогичные носители информации), использование правовых средств защиты и др. [2; 3, с. 292–293]. Однако единое мнение по этому вопросу до сих пор не выработано.

С положениями криминалистической фотографии и видеозаписи тесно связаны вопросы криминалистической фоноскопии. Современный уровень развития фоноскопии, научные основы которой находятся в процессе формирования, характеризуется наличием ряда проблем, прежде всего теоретического характера. Во-первых, все еще отсутствует четкое разграничение предмета ее исследования, содержание которого составляют такие разные направления, как идентификация личности по голосу, идентификация звукозаписывающих устройств, исследование признаков монтажа, копирования записи и др. Во-вторых, в криминалистической науке наблюдается некоторая терминологическая разобщенность относительно фоноскопии и фоноскопической экспертизы. Для их обозначения употребляются термины «криминалистическая акустика», «вокалографическая экспертиза», «криминалистическое исследование фонограмм», «криминалистическая видео- и звукозапись» и т. п. [4]. В криминалистической литературе также отсутствует единое мнение относительно места криминалистической фоноскопии в системе криминалистической техники: одни авторы рассматривают ее обособленно [5], другие – совместно с криминалистической фотографией и видеозаписью [6].

Трасология. Она на современном этапе развития криминалистической техники является ее базовой отраслью со сложившейся системой,

предметом, понятийным аппаратом, сформулированными целями и задачами. Вместе с тем в части установления закономерностей формирования материальных следов, технических способов их собирания, исследования, использования и другого развитие данной отрасли продолжается. Расширение задач и возможностей трасологии, в свою очередь, вызывает ряд проблем. Одна из них касается микроследов, в частности отсутствия методик их изучения. Определенные вопросы возникают и относительно развития в трасологии комплексного подхода. Некоторые ученые отмечают, что решение многих задач в рамках только одной трасологии уже не обеспечивает должного и качественного изучения следов, и предлагают выделять новый вид исследования – интеграционную экспертизу [7].

Появление в понятийном аппарате криминалистики новых видов исследований предопределяет необходимость переосмысления концептуальных основ криминалистического учения о следах, выработки их единого понимания с учетом проблем изучения идеальных отображений в расследовании преступлений. В этом контексте ряд ученых считают целесообразным рассматривать трасологию, изучающую материальные следы, как часть более общей системы криминалистического следоведения [6, 8].

Габитоскопия. В криминалистическом учении о внешнем облике человека в связи с новыми антропологическими и генетическими знаниями о человеке, с внедрением цифровых технологий в переосмыслении и переоценке нуждаются средства и методы исследования признаков внешности, закономерности формирования информации о внешнем облике разыскиваемого человека. Определенные дискуссии вызывает и наименование данной отрасли. Поскольку в рамках габитоскопии, помимо внешнего облика человека, изучаются еще и такие элементы, как голос, речь, запах, выходящие за пределы понятия внешности, отдельные ученые предлагают называть данную отрасль криминалистическим исследованием внешних признаков человека [5].

Криминалистическое оружиеведение. Одной из основных проблем развития криминалистического оружиеведения в целом является широкий разброс научных мнений относительно системы этой отрасли, содержания входящих в ее состав подотраслей, используемой при этом терминологии. На сегодняшний день преобладающей является точка зрения, согласно которой криминалистическое оружиеведение как интегрированная отрасль включает в себя криминалистическую баллистику, исследование холодного и метательного оружия, взрывотехнику, исследование других видов оружия. Вместе с тем существует мнение о необходимости создания нового криминалистического учения – криминалистического орудиеведения, частью которого, помимо системы знаний об орудиях совершения преступления, должно быть и криминалистическое оружиеведение.

Ряд ученых считают целесообразным раздельное изучение огнестрельного оружия и следов его применения, с одной стороны, и взрывчатых веществ, взрывных устройств и их следов, с другой, выделяя, соответственно, в качестве самостоятельных отраслей судебную баллистику [9] и криминалистическую взрывотехнику [10].

Криминалистическая регистрация. В настоящее время, помимо развития традиционных, происходит активное становление новых форм криминалистической регистрации, позволяющих в автоматизированном режиме осуществлять хранение, передачу и использование информации о разнообразных объектах [11, с. 164]. Вместе с тем в современной криминалистической регистрации не решено множество проблемных вопросов. Существенным пробелом, по мнению ряда исследователей, является отсутствие единого нормативного правового акта, регулирующего сферу учета криминалистической информации [11, с. 164]. Также остается дискуссионным вопрос о возможностях использования в уголовном процессе полученной с помощью криминалистических учетов информации. Остро стоит и проблема несовершенства теоретической базы криминалистических учетов, их стандартизации, поскольку многие из них дублируют друг друга [12].

Криминалистическое документоведение. Его система основана на тесной взаимосвязи криминалистического исследования письма (КИП) и технико-криминалистического исследования документов (ТКИД). Потребность в криминалистическом исследовании письма и документов в настоящее время не утратила силу, а, наоборот, только усилилась. Однако состояние развития данных подотраслей показывает, что много еще не изучено: некоторые их вопросы разработаны не в полной мере, а некоторые претерпели изменения в связи с научно-техническим прогрессом.

Одной из главных проблем как КИП, так и ТКИД является то, что сегодня без знания основ компьютерных технологий и принципов действия современных периферийных печатающих устройств всестороннее и полное исследование документов практически невозможно. Иными словами, существует очевидная потребность расширения знаний криминалистического документоведения, необходимость подготовки специалистов с комплексом компетенций [13, с. 129].

Отдельными проблемами сопровождается также развитие криминалистического исследования веществ, материалов и изделий. В первую очередь эти проблемы связаны с внедрением достижений естественных и технических наук, расширением перечня объектов исследований, разработкой теоретических и методических основ применения новых технических средств и методов и др.

Отдельно следует остановиться на ряде научных направлений, которые еще не получили признания самостоятельных отраслей криминалистической техники, однако рассматриваются в качестве таковых некоторыми учеными.

В первую очередь речь идет о разработке теории криминалистического исследования электронно-цифровой техники, программных средств и компьютерной информации. Значительный вклад в развитие данного направления криминалистики внесли труды В.Б. Вехова, В.В. Крылова, Н.С. Полевого, Е.Р. Россинской, А.И. Усова и других ученых. Вместе с тем, по нашему мнению, пока преждевременно говорить о том, что научные основы этого направления сформировались, поскольку не выработано его единое наименование (в качестве таковых предлагается «криминалистическое исследование компьютерной информации и техники» [6], «криминалистическое исследование электронных носителей информации» [14], «судебная дигитология» [15]), не определены предмет, объект и решаемые задачи.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время отрасли криминалистической техники, их теоретическое и практическое наполнение находятся в процессе переосмысления и дополнения. Этот процесс – объективная закономерность, обусловленная прямой зависимостью криминалистики от перманентного развития науки и техники в целом; закономерность, которую следует принять и учитывать, чтобы своевременно и оперативно реагировать на возникающие перед научным криминалистическим сообществом вызовы.

1. Проблемы использования цифровой фотографии в досудебном производстве / В.А. Газизов [и др.] // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика : сб. науч. тр. М., 2005. С. 131–134.

2. Ростовцев А.В. Технично-криминалистические методы контроля изменений цифровых изображений в судебной фотографии // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2010. Вып. 1, ч. 1. С. 358–361.

3. Глушков М.Р. Совершенствование правового и методического обеспечения видеозаписи при производстве следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2018.

4. Галяшина Е.И. Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2002.

5. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

6. Криминалистика : учебник / Н.П. Яблоков [и др.]; под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

7. Аминев Ф.Г. О современных возможностях криминалистического исследования трасологических объектов // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 28–29.

8. Лузгин И.И. Криминалистика : учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 «Правоведение» : в 5 ч. Новополюк, 2008–2009. Ч 2 : Криминалистическая техника и системная технология (Криминалистическое исследование материальной структуры преступления) : в 2 кн. Кн. 1. 2008.

9. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза : учебник / А.Г. Егоров [и др.]. – Саратов, 1998.

10. Беляков А.А. Взрывчатые вещества и взрывные устройства (криминалистическая взрывотехника). М., 2003.

11. Поваркова Е.А. Актуальные проблемы криминалистической регистрации // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 16–18 апр. 2015 г. : в 2 ч. Курск, 2015. Ч. 2. С. 163–167.

12. Мартынов Ю.Р. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 12 нояб. 2016 г. Хабаровск, 2016. С. 245–250.

13. Шведова Н.Н. Отдельные теоретические вопросы криминалистического исследования документов как раздела криминалистической техники // Актуал. проблемы рос. права. 2015. № 4. С. 125–130.

14. Демин К.Е. К вопросу о выделении криминалистического исследования электронных носителей информации как новой отрасли криминалистической техники // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 174–180.

15. Романенко М.А. Судебная дигитология – современный взгляд на содержание криминалистической техники // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». 2007. № 1. С. 147–155.

УДК 343.4

А.В. Ивановский, С.А. Черняк

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Развитие информационных технологий создало и условия для совершения в киберпространстве преступлений (Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2016.). Примером тому может служить развитие безналичных расчетов и интернет-торговли, которые в связи с низкой компьютерной и финансовой грамотностью населения республики несут значительные преступные риски в сфере высоких технологий. Поэтому на фоне стойкого снижения общего

уровня преступности в Республике Беларусь растет число преступлений в сфере высоких технологий, среди которых лидирует хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)). Так, за 2017 г. в республике зарегистрировано 2 318 таких преступлений; в 2018 г. – 3 585; в 2019 г. – 8 047. За 8 месяцев 2020 г. зарегистрировано 7 417 преступлений данного вида, и, исходя из динамики их развития, можно прогнозировать их значительный рост и в дальнейшем.

С момента создания и функционирования в республике подразделений по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (с 2002 г. в МВД и с 2004 г. в УВД облисполкомов) можно отчетливо проследить эволюцию развития и изменения способов хищений с использованием компьютерной техники.

На начальном этапе – в 2000-е гг. – преобладали хищения с помощью подлинных банковских платежных карточек (БПК), неправомерно вышедших из законного владения их держателей, а также с помощью банкоматов. Позже добавились хищения с использованием реквизитов БПК, т. е. через получение информации, записанной на магнитной полосе скиммеров (миниатюрных переносных считывающих устройств, устанавливаемых на банкоматах), и нанесение ее на поддельные карточки. На протяжении последних 5 лет стали преобладать хищения посредством получения обманным путем (используется вишинг, фишинг, социальная инженерия) в социальных сетях, мессенджерах или на торговых площадках в сети Интернет таких реквизитов БПК, как номер карты, фамилия и имя держателя, срок действия и проверочный код.

Проведенный анализ всех хищений с использованием компьютерной техники за 8 месяцев 2020 г. в Гродненской области показал, что около 70 % таких преступлений совершаются через завладение обманным путем реквизитов БПК в социальных сетях и на торговых площадках и только 30 % – с использованием подлинных БПК и банкоматов. Таким образом, отчетливо прослеживается зависимость эволюции хищений от развития информационных ресурсов и платежных инструментов.

Рассматривая уголовно-правовые нормы, регулирующие правоотношения, связанные с хищением путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК), необходимо констатировать, что они остались практически неизменными с момента принятия УК (изменения вносились только один раз – в 2016 г., когда был снижен возраст привлечения к уголовной ответственности с 16 до 14 лет).

В ходе практической деятельности по применению указанных норм права у правоохранителей возникает ряд проблемных (спорных) вопросов.

Диспозиция ст. 212 УК предусматривает уголовную ответственность за совершение двух фактически разных видов противоправных деяний, различающихся по своей сути, способу совершения и степени общественной опасности: хищения денежных средств с карт-счетов, связанного с использованием похищенных либо утраченных подлинных банковских платежных карточек, их реквизитов и банкоматов, и хищения денежных средств, сопряженного с копированием реквизитов банковских пластиковых карточек, изготовлением и использованием поддельных карточек.

Следует разделить данные два вида противоправных деяний, отразив их в различных статьях УК. Для хищений, сопряженных с использованием подлинных банковских платежных карточек и их реквизитов, возможно оставить ст. 212 УК, соответственно изменив ее диспозицию, для действий, связанных с кардингом (копированием реквизитов БПК, изготовлением и использованием поддельных карточек), – ввести новую статью в УК. При этом в новой статье следует предусмотреть уголовную ответственность за любые действия, направленные на хищения (завладение реквизитами БПК, изготовление и сбыт поддельных банковских карточек, использование поддельных карточек), а также разграничить ответственность в зависимости от суммы хищения и иных квалифицирующих признаков. Данная статья ввиду направленности противоправных деяний на завладение, копирование и использование компьютерной информации может быть отнесена к гл. 31 УК.

Еще одной давней проблемой правоприменительной практики является различный субъективный подход при возбуждении уголовных дел по ст. 212 УК, если сумма похищенного незначительна – до 1 базовой величины (БВ). Так, например, за 5 месяцев 2020 г. подразделениями Следственного комитета Гродненской области возбуждено 31 уголовное дело по ч. 2 ст. 212 УК, по которым ущерб составил менее 1 БВ (27 руб.). По 15 уголовным делам данной категории установлены подозреваемые лица. Необходимо отметить, что еще по 5 возбужденным уголовным делам приняты решения об отмене постановлений о возбуждении дела на основании п. 9 ст. 179 УПК и о прекращении на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК (суммы похищенного по указанным делам составили от 4,09 до 11,66 руб.).

При этом можно выявить следующую закономерность: с незначительными суммами похищенного уголовные дела безоговорочно возбуждаются в отношении неустановленного лица и с определенными трудностями – при наличии подозреваемого лица (как правило, такие материалы возвращаются в ОВД для проведения дополнительной проверки, либо подразделения СК принимают решения, не связанные с возбуждением уголовного дела, со ссылкой на малозначительность).

Для решения данной проблемы правоприменительной практики в случае хищений, совершенных с использованием подлинных БПК, если сумма похищенного незначительна, назрела необходимость применения ч. 4 примечаний к гл. 24 УК с введением минимальной суммы ущерба, например более одной базовой величины по аналогии с иными хищениями.

Отдельной проблемой правоприменительной практики рассматриваемых хищений является установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших такие преступления, если они находятся за пределами республики. Как показывает проведенный в 2020 г. анализ этих противоправных действий в Гродненской области около 62 % от всех учтенных преступлений данной категории совершаются в отношении жителей региона из-за пределов Беларуси (преимущественно с территории Российской Федерации и Украины). Практически аналогичная ситуация складывается и в других регионах республики. При этом имеющиеся международные правовые механизмы не позволяют своевременно и в полном объеме получать техническую информацию с использованием возможностей правоохранительных органов иных государств, т. е. существуют объективные трудности по установлению личности преступника и привлечению его к ответственности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Проблемной является профилактика рассматриваемого вида преступности, особенно из-за низкой компьютерной грамотности населения и несоблюдения элементарных правил «цифровой гигиены». Не секрет, что значительное число профилактических и разъяснительных мероприятий проводятся, как правило, правоохранительными органами, в первую очередь ОВД. К данной работе необходимо привлекать и учреждения образования, органы местной власти и управления, банковские и финансовые учреждения.

Так, по вопросам противодействия хищений путем использования компьютерной техники банковскими учреждениями при взаимодействии с МВД могут быть предприняты следующие меры:

запрет по выдаваемым БПК интернет-платежей с возможностью подключения такой функции по желанию пользователя;

обязательное подключение сервисов дополнительного подтверждения транзакций (3D-Secure, интернет-пароль и т. д.) при возможности интернет-платежей с БПК;

запрет функционирования на территории Республики Беларусь платежных сервисов, не поддерживающих дополнительное подтверждение транзакций;

периодическое информирование банками клиентов о возможных фактах мошенничества посредством размещения такой информации на

сайтах банков, в системах и приложениях интернет-банкинга, а также путем рассылки SMS и push-уведомлений.

Проблему отсутствия в республике единой правоприменительной практики по делам хищений путем использования компьютерной техники, а также других правонарушений, ответственность за которые предусмотрена гл. 31 УК, ввиду различной оценки действий правонарушителей со стороны оперативных сотрудников, следователей, прокуроров и судей возможно решить не только путем изменения законодательства, но и обобщением практики и подготовкой расширенных разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам квалификации преступлений, направленных против информационной безопасности.

УДК 343.985

А.В. Изотов

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ РАЗБОЯ, СОКРЫТИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Разработка проблемных вопросов, касающихся способов совершения преступлений, в силу научной и практической значимости являлась и является на современном этапе предметом исследований ученых в сфере криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Г.Г. Зуйков определяет способ совершения преступления как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, условиями места и времени и нередко связанных с избирательным использованием соответствующих орудий и средств.

В.Ф. Ермолович добавляет, что в содержание данного понятия целесообразно включать такие элементы, как последствия (наступившие, возможные, ожидаемые) совершения преступления; направленность действий, приемов, операций; образ действий преступника; орудия и средства, используемые для сокрытия преступления в целях достижения преступного результата.

В научной литературе имеются отдельные работы, посвященные описанию способов совершения разбоя: связанных как с незаконным проникновением в жилище, так и при нахождении непосредственно в нем

(В.В. Волченков, Е.И. Макаренко, П.В. Тепляшин, Э.И. Бордиловский, А.В. Кулешов); используемых на открытой местности (В.Н. Долинин, Н.В. Рачева, В.Ф. Васюков), в условиях крупного города (А.Я. Целищев), организованными преступными группами (Л.Я. Драпкин, О.П. Бердникова), группой лиц (О.В. Маслов, В.А. Кузнецов, В.И. Грачев), а также при совершении разбойных нападений на водителей и грабежей, связанных с завладением большегрузными автотранспортными средствами (Ю.Ф. Королев, О.П. Бердникова); преступлений, направленных на насильственное завладение государственными и общественными денежными средствами, со стороны организованной группы лиц (М.А. Шматов); посягательств на объекты кредитно-финансовой сферы (Р.С. Гасанов, Е.В. Сафронова, А.Г. Уланов); нападений на сотрудников предприятий розничной торговли (Б.С. Саргсян); разбоев в отношении перевозчиков денежных средств (А.А. Лабутин); серийных разбойных нападений на охраняемые помещения (И.И. Клименко). Кроме того, исследованием способов совершения разбоя с целью завладения имуществом граждан занимались Л.Д. Гаухман, С.С. Степичев, В.И. Куклин, А.К. Звирбуль, В.И. Смыслов, Н.С. Юмашев.

Преступниками могут использоваться упрощенные (неквалифицированные) способы совершения разбоя. В таких случаях преступление совершается импульсивно, под влиянием внезапно возникшего умысла, преступник стремится к скорейшему достижению поставленной цели. При таком способе совершения преступления его добычей являются в основном денежные средства, банковские платежные карточки, спиртное, продукты питания, мобильные телефоны, что может указывать на возникновение срочной необходимости удовлетворить свои потребности, вызванные алкогольной или наркотической зависимостью. Полноструктурные (квалифицированные) способы совершения преступлений охватывают сложную систему взаимосвязанных действий, состоящую из подсистем – операций по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступлений. Также преступления могут совершаться без подготовительных действий (по обозначению М.С. Уткина они являются менее квалифицированными или усеченными), предполагая совершение деяния и сокрытие его следов). При подготовке к совершению разбоя преступники осуществляют: разработку плана совершения преступления, подбор соучастников и распределение ролей между ними (9 % случаев); подготовку средств маскировки внешности и сокрытия преступления (31 % случаев); подыскание и изучение объекта посягательства, знакомство с потерпевшим и выбор места совершения преступления (19 % случаев); подготовку средств совершения преступ-

ления (5 % случаев); выбор времени, подходящего для совершения преступления (36 % случаев). Осуществляя подготовительные действия для совершения разбоя, преступник приспосабливается к объективной обстановке и условиям внешней среды, изучает пути подхода к месту нападения и ухода с него с целью исключить присутствие возможных очевидцев и свидетелей, наличие камер видеонаблюдения. Эти действия осуществляются путем личного наблюдения за особенностями поведения самого потерпевшего, изучения места расположения определенных объектов и участков местности.

В структуре способа совершения разбоя главное место занимают действия по непосредственному завладению имуществом потерпевшего. Эти действия взаимосвязаны с особенностями личности преступника и с обстановкой совершения преступления.

Способы завладения имуществом при совершении разбоя в современных условиях можно классифицировать следующим образом: связанные с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия; связанные с применением холодного или огнестрельного оружия или с угрозой его применения; связанные с применением предметов, используемых в качестве оружия, или с угрозой их применения в тех случаях, когда указанные предметы лишь демонстрируются потерпевшему, в результате чего ему могут быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья. При совершении разбойных нападений потерпевшего иногда приводят в бессознательное состояние посредством насильного введения в его организм сильнодействующих ядовитых или наркотических средств, опасных для жизни и здоровья, в целях завладения личным имуществом. Эта форма насилия применяется в отношении потерпевших, допускающих виктимное поведение, которые распивают с незнакомыми лицами спиртные напитки или употребляют наркотики, а также является приоритетной у женщин, совершающих преступление в отношении мужчин.

При совершении разбоя группой лиц соисполнители в основном распределяют между собой роли так, что один из них изымает имущество, а другой угрожает потерпевшему либо применяет насилие. Проникновение в жилище либо иное помещение может быть связано с преодолением препятствий и преград (вскрытие запирающих устройств, взлом, отжатие, пролом дверей и других элементов строительных конструкций, снятие и блокирование систем охранной сигнализации) и не связано с этим (обман потерпевшего, когда преступник выдает себя за представителя власти, работника социальных, коммунальных и иных организаций).

Действия по сокрытию следов преступления зависят от способа его совершения. Так, при упрощенном способе совершения разбоя преступник в основном не предпринимает действий по сокрытию следов. При полноструктурном способе совершения преступления в зависимости от времени применения мер по сокрытию следов различают действия, выполняемые до, во время и после совершения преступления. Первые представляют собой составление подготовительного плана с продумыванием деталей совершения преступления, позволяющих уйти от ответственности (приезд к месту преступления из другого города, целенаправленное оставление дома мобильного телефона либо пользование абонентским номером, зарегистрированным на иное лицо, как правило, не знакомое с преступником, подготовка алиби и т. п.). Вторая группа – совокупность действий объективного характера, непосредственно направленных на затруднение установления обстоятельств произошедшего и идентификации преступника (маскировка внешности (в последнее время весьма актуально ношение медицинской маски на лице), использование чужой одежды либо одежды, взятой на один раз, избегание секторов обзора камер видеонаблюдения, быстрое завладение имуществом и уход с места происшествия и т. п.). Действия по сокрытию следов преступления могут быть как объективного (укрытие похищенного в тайниках на длительное время или его быстрая реализация, выбрасывание предметов, добытых преступным путем, и орудий преступления при возникшей опасности задержания, утаивание или уничтожение орудий преступления), так и субъективного характера (оказание психического или физического воздействия на потерпевших, свидетелей и соучастников с целью помешать им сообщить о преступлении, склонить их к отказу от дачи показаний или даче заведомо ложных показаний, а также противодействие сотрудникам органа уголовного преследования путем избрания поведенческой тактики, позволяющей избежать уголовной ответственности за разбой или понести наказание за менее тяжкое преступление (кража, грабеж)).

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы.

При совершении разбоев в современных условиях имеют место как упрощенные (неквалифицированные) способы совершения преступления, т. е. действия, направленные только на совершение преступления, так и полноструктурные (квалифицированные).

Способ совершения разбоя напрямую зависит от возникшей ситуации, места происходящих событий, вида похищаемого имущества, лица, в отношении которого совершается преступление, самого преступника, а способ сокрытия следов преступления и уклонения от ответственности находятся в непосредственной зависимости от способа совершения преступления.

Знание способа совершения разбоя на основе имеющейся оперативно значимой информации оптимизирует разведывательно-поисковую деятельность по установлению лица, совершившего разбой, и нахождению похищенного имущества. Кроме того, знание способа, указывающего на совершение квалифицированного разбоя, влияет на качество оценки информации об обстоятельствах преступления, способствует установлению и разработке лиц, его совершивших, принятию оперативно-тактических решений по документированию их преступных действий с последующим задержанием, реализацией оперативно-розыскной информации, помогающей закрепить доказательственную базу в целях эффективного противодействия разбоям в современных условиях.

УДК 343.985

А.Н. Калюжный

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И СМЕЖНЫХ С НИМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ И ОТОБРАЖЕНИЯ

Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют о наметившейся в последнее время (с 2015 г.) тенденции роста числа похищений человека и преступлений со смежными составами (например, незаконное лишение свободы), которые все чаще совершаются преступниками в своих личных корыстных целях [1]. Похищение людей и незаконное лишение свободы стали одними из средств решения материальных затруднений, реализации мотивов мести, возвращения долга, организации бизнеса и разграничения направлений его осуществления [2, с. 153].

Составы похищения человека и незаконное лишение свободы входят в группу преступных деяний, направленных на свободу личности. Ответственность за эти преступления предусмотрена гл. 17 УК Российской Федерации. Механизм их слеодообразования основан на отображении следовой картины преступной деятельности, предполагающей вербовку и последующую эксплуатацию потерпевших или не предполагающей их. По данному основанию из совокупности составов преступных деяний, направленных на свободу личности (гл. 17 УК РФ), были выделены похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, ока-

зывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), механизм совершения и механизм слеодообразования которых основаны на деятельности, не предполагающей вербовки и последующей эксплуатации потерпевших. Следовая картина данных преступлений и явилась предметом исследования данной статьи.

Особенности механизма слеодообразования рассматриваемой группы преступлений предопределены корыстной мотивацией и необходимостью взаимодействия преступников с потерпевшими, их родственниками или близкими людьми для реализации цели преступлений – получения денежных средств, имущества, режее права на имущество.

Анализ механизма слеодообразования преступлений указанной группы позволяет выделить следы:

морального воздействия. В большинстве своем выражаются в форме идеальных следов, отразившихся в сознании похищенной жертвы, воспринимавшей угрозы жизни и здоровью со стороны преступников. Имеют и материальную форму, представляя собой огнестрельное и холодное оружие, веревки, наручники, дубинки и другие средства, иные предметы, используемые в качестве оружия, документы, используемые с целью шантажа (реже), с помощью которых осуществлялись угрозы воздействия при захвате, перемещении и удержании жертвы, высказывались требования передачи имущества, денежных средств и т. п. Следы морального воздействия в различных проявлениях отмечены в каждом из изученных нами уголовных дел, т. е. представлены в 100 % дел;

физического воздействия. Также имеют высокую степень фиксации: учтены в 87,9 % изученных нами дел данной категории. Поскольку преступления исследуемой группы совершаются достаточно редко без причинения физического воздействия к потерпевшему, есть возможность в местах захвата потерпевшего обнаружить: вещи или оторванные части одежды (пуговицы, ключи, иные предметы), принадлежащие как жертве, так и преступникам; следы волочения, сопротивления жертвы; следы транспортных средств, на которых перемещались жертвы к местам удержания. Кроме того, отображается совокупность следов, оставленных в ходе завладения, перемещения, удержания и вымогательства материальных ценностей у жертвы: телесные повреждения, различной формы тяжести, причиненные потерпевшим; материальные ценности и предметы, отобранные (похищенные) преступниками у жертв; следы крови, слюны; следы пальцев рук, обуви и другие следы. Так, М., вооруженный огнестрельным оружием, совместно с Ф. и Я. на автомобиле ВАЗ-21099 под управлением Д. прибыл в пос. Васильево Зеленодольского района Республики Татарстан. Там указанные лица обманным путем вызвали из дома Л., посадили его в машину и причинили телесные повреждения

различной степени тяжести. Затем с целью похищения перевезли Л. в д. Ореховка Зеленодольского района, где удерживали его в гараже [3];

коммуникации преступников (реже жертвы) с близкими и родственниками похищенного с целью вымогательства выкупа или совершения сделки с потерпевшим. Большинство из таких следов являются идеальными и остаются в сознании потерпевшего или их родственников и близких. При обращении родственников или близких жертвы в правоохранительные органы эти следы трансформируются в цифровую форму, материализуясь в записи телефонных переговоров, сообщения (смс, ммс), требования и угрозы, высказанные посредством мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.).

В случае передачи выкупа в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» появляется масса следов, представленных идеальными отображениями (в сознании субъекта оперативного эксперимента, понятых, свидетелей и т. п.), материальными отражениями (документационное оформление материалов оперативно-розыскной деятельности, предмет выкупа и др.) [4, с. 143–144] и цифровыми отражениями (записи телефонных и иных переговоров, зафиксированных в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия).

В 13 % изученных нами уголовных дел потерпевший отпускался преступниками после заключения сделки, договоренностью которой являлось последующее предоставление материальных ценностей. Далее для механизма слеодообразования характерен комплекс следов, указанных выше и образуемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и оперативного эксперимента по задержанию виновных с поличным.

Освобождение жертвы при выполнении ей требований преступников без обращения за помощью к близким и родственникам отмечено в 21 % изученных уголовных дел. В таких случаях, как правило, образовывались материальные следы, представленные в виде имущества, материальных ценностей, документов на право владения, пользования, распоряжения имуществом, отобранных (похищенных) у потерпевшего виновными. Кроме того, образовывались цифровые следы, отражающие данные: перевода денежных средств на счета виновных; снятия и передачи наличных денежных средств виновным; записей камер наблюдения об указанных фактах и передвижениях преступников и жертвы. Значительный объем следовой информации предоставляют данные мобильных телефонов: детализация телефонных переговоров преступников и жертвы, геолокация абонентских номеров потерпевших и преступников, смс-оповещение о проведенных банковских операциях и др. [5, с. 152].

Следы коммуникации нашли отражение в 96 % изученных нами уголовных дел и, как правило, слабо проявлялись в преступлениях, которые были совершены до 2005 г.

Одним из преступлений, механизм совершения которых не предполагает вербовки и последующей эксплуатации потерпевших, является незаконное помещение в психиатрический стационар. Особенность следообразования данного преступления – необходимость материального отражения состояния мнимого психического расстройства потерпевшего в медицинской документации. В силу этого в медицинской карте психиатрического диспансера, карте амбулаторного (стационарного) больного психиатрической больницы, заключении комиссионного психиатрического исследования (экспертизы) зафиксированы противоречивые данные о наличии психиатрического заболевания у психически здорового потерпевшего [6, с. 185]. Именно эти данные и являются основанием для принятия судебного решения о принудительном помещении человека в психиатрический стационар. Кроме того, в механизме следообразования будут отмечены идеальные следы [7, с. 75], выраженные в сознании медицинских работников и иных лиц, принимавших лицо, помещаемое в медицинский стационар, его перевозивших, общавшихся с ним, и т. п.

Анализируя механизм следообразования рассматриваемых преступлений, следует отметить маскировку виновными своей противоправной деятельности под правомерные действия, которая затрудняет отображение идеальных следов преступной деятельности в сознании очевидцев преступления, не позволяя адекватно оценивать производящие преступниками действия. Так, Ш., имея умысел на похищение П., представился сотрудником органов внутренних дел и предъявил поддельное удостоверение. Под предлогом поездки в райотдел Ш. обманул П., вывел потерпевшую из гостиницы и на автомобиле отвез к месту удержания [8].

Подводя итоги изложенному, отметим, что механизм следообразования исследуемых преступлений обусловлен спецификой механизма их совершения и находит отражение в объектах материальной действительности. Предложенная классификация следов преступлений рассматриваемой группы исходит из корыстной мотивации виновных, которые должны взаимодействовать с потерпевшими, их родственниками или близкими людьми для реализации целей преступлений.

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. : стат. сб. / Генерал. прокуратура Рос. Федерации. М., 2020.

2. Астрахан В.И. Обеспечение национальной безопасности как политическая функция современного российского государства // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2013. № 3. С. 153–157.

3. Архив Верховного Суда Республики Татарстан. Дело № 2-2/2015.

4. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.

5. Ситдикова Г.З., Чаплыгина В.Н. Использование интернет-ресурсов при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: проблемы обнаружения следов преступления и доказывания // Актуал. проблемы государства и о-ва в обл. обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 5. С. 151–154.

6. Венев Д.А. Алгоритмизация доследственной проверки незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Актуал. проблемы рос. права. 2016. № 2. С. 183–189.

7. Кустов А.М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // Криминалист. 2010. № 1. С. 72–77.

8. Архив суда Центрального района г. Кемерово. Уголовное дело № 1-44/2014.

УДК 343.98

Т.А. Кетия

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений находится в прямой зависимости от технологического обеспечения поисковой, аналитической, исследовательской и иных видов деятельности. Современные технологии обеспечивают доступ к автоматизации множества процессов с помощью компьютерной техники. Наиболее эффективным способом автоматизации многих программных и компьютерных процессов на сегодняшний день является использование нейронных сетей, позволяющих осуществить поиск, обработку полученных данных, привести их систематизацию и предложить итоговый результат.

Наиболее известными вариантами применения нейронных сетей являются:

систематизация – распределение данных по заданным параметрам;

прогнозирование – получение информации о возможном развитии событий. Используется в системе «Прогнозирование вероятности арестов и обысков», которая позволяет полиции Сизтла предсказы-

вать вероятность ареста или обыска во время остановок сотрудников силовых структур;

распознавание – выделение заданных признаков. Самый популярный вариант применения нейронных сетей. Используется в системах видеонаблюдения, чтобы определять положение лица, выделять его, опознавать предметы заданной категории и т. д. Наиболее известный пример применения – система «Безопасный город».

В сентябре 2018 г. городская сеть видеонаблюдения Москвы, состоящая из 170 тыс. камер, была оснащена нейронной сетью от компании NtechLab [1], которая распознает и фиксирует лица прохожих, а затем сравнивает их с данными базы МВД России. За два месяца действия данного проекта с помощью нейросети были пойманы шесть преступников.

Управление МВД России по Рязанской области в марте 2018 г. представило первый в России мобильный биометрический комплекс (МБК), оснащенный технологией распознавания лиц, который был внедрен в работу правоохранительных органов [2]. Сервер, поддерживающий работу данного оборудования, а также рабочее место оператора размещаются в транспортном средстве полиции. Во время массовых мероприятий систему подключают к 10 камерам, установленным на рамках металлодетекторов, и одновременно анализируют видеозапись с каждой из них. Кроме того, МБК оснащен собственной обзорной камерой с оптическим зумом. Система может идентифицировать правонарушителей в режиме реального времени и отправлять на мобильные устройства сотрудников полиции уведомления с фотографией человека и краткой информацией о совершенном им правонарушении. Так, обработка нейронной сетью фотовидеоизображений помогает идентифицировать скрывающихся от правосудия лиц и облегчает поисковые задачи.

Считается, что технологии искусственного интеллекта используются в науке и повседневной жизни недостаточно широко. Однако Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Таким образом, работа по данному направлению ведется не только в частном порядке (создаются самостоятельные проекты, участвуют крупные частные компании), но и активно продвигается на государственном уровне [3].

Зарубежные правоохранительные органы имеют положительный опыт использования нейросетей. Изучая их опыт, можно выделить США. В стране используется нейронная сеть COMPAS компании Northpointe, которая предназначена для прогнозирования возможности совершения

правонарушителем аналогичного правонарушения в будущем. В мае 2016 г. издательство ProPublica опубликовало результаты исследования, в ходе которого тестировалась данная нейросеть на предмет своей эффективности. Было выявлено, что афроамериканцы, проживающие на территории США, больше на 77 % совершают насильственные преступления и на 45 % других видов преступлений, чем представители иных рас [4]. Основной принцип работы нейросети COMPAS заключается в сборе наибольшего количества доступных материалов (местоположение, работа в соцсетях, сведения о судимостях), чтобы на их основе прогнозировать вероятность совершения преступления определенным лицом. По такому же принципу работает нейросеть Palantir, которой в 2013 г. администрацией Нового Орлеана был предоставлен доступ к базе данных Accurant компании LexisNexis, содержащей миллионы архивных и судебных записей, данных водительских удостоверений, адресов, телефонных номеров и данных из социальных сетей. После ввода запроса, например фрагмента номерного знака, адреса, номера телефона, имени или записи в социальных сетях, сотрудник полиции получает информацию, собранную Palantir, и после ее изучения на основании выявленных корреляций устанавливает возможность совершения новых преступлений лицами, ранее привлекавшимися по данному виду преступлений.

В настоящее время лидером в отрасли использования нейросетевых технологий считается Китай. Если в России наиболее совершенные разработки применяются только в столице и ближайших регионах, то в Китае на территории всей страны осуществляют распознавание лиц и взаимодействуют с обширной базой данных около 20 млн камер слежения [5]. Эти камеры также осуществляют контроль за пребыванием лиц в каком-либо месте, за поведением, в том числе противоправным, и состоянием человека. Поэтому правоохранительные органы получают очень быстро различную информацию об обстановке на территории государства и своевременно осуществляют меры по противодействию преступности. Достичь таких результатов раньше других государств Китаю помогли различные факторы. Самый явный из них – китайский менталитет. Большинство жителей Китая стремятся работать на благо общества и подчиняются традициям, поскольку их основным принципом в жизни является строгая дисциплина. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что коллективный результат гораздо прогрессивнее, чем индивидуальный.

Таким образом, в мире наблюдается тенденция развития и расширения зоны использования нейросетевых технологий, чтобы облегчить работу человека, освободив его от решения рутинных задач. Каждое государство осуществляет финансирование для поддержки этих технологий. Уже сегодня можно наблюдать, как они активно используются

практически во всех сферах деятельности человека – начиная со сферы экономики и заканчивая сферами безопасности и правоохранительной деятельности. Например, нейросетевые технологии используются в системах видеонаблюдения для последующей обработки фото- и видеоматериала и сравнения с базами данных правоохранительных органов с целью поиска информации о преступниках. Такие системы наблюдения используются в целях поиска нарушителей в реальном времени и своевременного оповещения сотрудников полиции об этом. Нейросетевые технологии позволяют составлять прогнозы о совершающихся преступлениях. Более активное использование нейросетевых технологий дает возможность правоохранительным органам не только гораздо быстрее и эффективнее реагировать на совершение преступлений, но и прогнозировать, осуществлять профилактику и предотвращать их.

1. NtechLab: сайт. URL: <https://ntechlab.ru> (дата обращения: 11.03.2020).
2. Рязанская полиция и NtechLab представили мобильный биометрический комплекс // Новостной портал Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/06/ntechlab> (дата обращения: 11.03.2020).
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта // TAdviser : портал. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Национальная_стратегия_развития_искусственного_интеллекта (дата обращения: 14.03.2020).
4. «Сотрудничество» АУ и человеческого интеллекта: преимущества и ограничения // Информационно-аналитический портал GAAP. URL: https://gaap.ru/articles/Sotrudnichestvo_AI_i_chelovecheskogo_intellekta_preimushchestva_i_ogranicheniya/ (дата обращения: 10.03.2020).
5. Ковачич Л. Система распознавания лиц. Как в Китае готовятся арестовывать за будущие преступления // Московский центр Карнеги : сайт. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73279> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 004.056.53

А.Н. Ковалевич, И.И. Сахончик

О ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО ОТПЕЧАТКА БРАУЗЕРА

Увеличение количества совершенных преступлений в сфере высоких технологий обусловлено развитием анонимных информационных ресурсов, направленных на противодействие идентификации пользователей в сети Интернет. Технические возможности обеспечения анонимности используются злоумышленниками для противодействия иденти-

фикации компьютерного оборудования путем подмены MAC, IP-адреса сетевого интерфейса. Каждому интерфейсу сетевого оборудования присваивается уникальный идентификатор – буквенно-числовой код.

Национальный центр обмена трафиком ведет учет сведений о посещенных пользователями интернет-ресурсах, сетевых IP-адресах, используемых операторами электросвязи. В реестр принадлежности сетевых IP-адресов входят: данные, позволяющие определить лиц, в пользовании которых находится сетевой адрес; время начала и завершения предоставления сетевого IP-адреса; идентификационные данные, физическое расположение, тип и назначение сетевого оборудования. Вышеуказанные сведения передаются органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в пределах компетенции.

Для дополнительной идентификации компьютерной техники возможно применение сетевого отпечатка браузера – информации, собранной об удаленном устройстве на основе специальных параметров работы компьютера, прорисовки шрифтов, отклика дисплея, аппаратного ускорения, часового пояса (приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 12 июля 2016 г. № 55 «О системе противодействия нарушениям порядка пропуска трафика на сетях электросвязи»).

Идентичная информация на разных компьютерах преобразовывается в разный байтовый массив данных из-за уникальных параметров работы процессора, сетевых драйверов, использованных системных библиотек.

Получение сетевого отпечатка браузера происходит на основе canvas – элемента HTML-шаблона, предназначенного для создания растрового двухмерного изображения при помощи скриптов. При посещении пользователем интернет-ресурса веб-страница попиксельно отрисовывает элементы графики с отображением параметров частоты обновления и отклика дисплея, разрешения экрана монитора, используемых шрифтов. При использовании HTML-шаблона происходит полное совпадение графических элементов, изображений и текста. Фрагмент графики может быть скрытым, что не требует от пользователя дополнительных разрешений.

Полученную информацию можно учитывать в процессе доказывания при идентификации компьютерной техники, если на жестком диске используются алгоритмы шифрования данных, существенно усложняющие производство компьютерно-технической экспертизы. Загружаемое изображение сериализуется в байтовый массив данных, делая его уникальным для определенного компьютера. Внешне идентичные изображения, отображаемые в браузере, на разных компьютерах имеют разный байтовый массив.

Контроль в сетях электросвязи при отсутствии сведений о персональных данных гражданина, в отношении которого предполагается проведение оперативно-розыскного мероприятия, до их установления проводится при наличии сведений об используемых гражданином абонентском номере, уникальном коде идентификации, абонентском устройстве либо об адресе места жительства или места пребывания абонента (Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»).

С целью совершенствования действующего законодательства в сфере информатизации и защиты информации целесообразно дополнить единый реестр принадлежности сетевых IP-адресов информацией о сетевом отпечатке браузера. Данная мера будет направлена на дополнительную идентификацию пользователей в сети Интернет.

УДК 343.98.06

И.М. Комаров

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКЕ

Дидактика представляет собой раздел педагогики и теории образования, который изучает проблемы обучения, раскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования. Основным вопросом дидактики связывают с содержанием обучения и воспитания, развития мышления учащегося в процессе изучения определенного предмета.

Криминалистика, как частная дидактика, имеющая свою систему с обособленной структурой и содержанием, формируется в России уже на протяжении более 100 лет.

Существенное значение для криминалистической дидактики имеют тенденции развития знания, его интеграция и дифференциация, формирование общетеоретических положений. Вторая половина XX столетия как раз и была ознаменована окончанием дискуссии о предмете криминалистики и обосновании основных положений ее общей теории, которая после определения ее в качестве самостоятельного элемента системы науки стала представлять собой постоянно пополняющиеся и развивающиеся фундаментальные положения.

Поэтому закономерно возникла объективная необходимость научно-практических объяснений от криминалистов основных положений криминалистической дидактики и методики преподавания криминалистики в вузах, так как, несмотря на примерную программу преподавания

криминалистики, одобренную профильным союзным министерством, соответствующие единообразно детализированные рекомендации подготовки отдельных категорий обучающихся в разных типах учебных заведений и формах образования отсутствовали. В связи с этим полезной следует считать работу В.Г. Коломацкого (Курс криминалистики (дидактика и методика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992), который дал необходимые научно-практические обоснования этой проблеме.

Главной задачей криминалистического обучения, по его мнению, являлось не только снабжение обучающегося стандартным набором криминалистических знаний, навыков и умений, но и формирование у него в первую очередь основ криминалистического мышления (этот криминалист, вероятно, первым ввел в оборот данное понятие и определил его), способности к осознанной реализации криминалистических знаний для решения практических задач, дальнейшего повышения квалификации посредством самостоятельного обучения и послевузовского образования. Цель криминалистического образования В.Г. Коломацкий связывал с выработкой у обучающегося устойчивой системы криминалистических знаний, навыков и умений, чтобы использовать научно-практические рекомендации, приемы, методы и средства криминалистики в практической правоприменительной деятельности в соответствии с криминалистическим мышлением. Важным элементом криминалистической дидактики он считал формирование у обучающихся умения самостоятельно пополнять и совершенствовать свои криминалистические знания, навыки и умения, осваивать основы методики самостоятельного обучения.

Современные же реалии таковы, что за четверть века разработан третий Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), и уже не по специальности, а по направлению подготовки (бакалавриату) «Юриспруденция». В этом стандарте количество часов на изучение криминалистики, хотя и представленной в базовой (общепрофессиональной) части, никак не отражает значимость предмета для подготовки криминалистически грамотного правоприменителя. Кроме того, не утихают споры относительно необходимости изучения криминалистики в базовой части ФГОС ВПО по причине якобы ее исключительной уголовно-правовой направленности.

Криминалистика – наука прикладная, и, конечно же, в большей степени она соотносится с уголовным судопроизводством. Однако в современных жизненных реалиях мало кто из юристов представляет свою профессиональную деятельность без работы с документами, без взаимодействия с органами государственной власти, правоохранительными

и судебными органами. Поэтому криминалистические знания и мышление для юристов в зависимости от того, насколько они ими грамотно владеют, – важные факторы успеха или неуспеха в достижении искомого и желаемого результата. Эти знания должны опираться на практическую основу, представлять собой рекомендации, основанные на анализе реальных ситуаций, чтобы посредством криминалистического мышления быть эффективно реализованными субъектом в практике принятия решений в конкретных обстоятельствах повседневной профессиональной юридической деятельности.

К сожалению, современная криминалистика грешит теоретизированием. Такая тенденция сложилась в последние десятилетия и отчасти мешает ее успешному развитию по причине того, что результаты научных исследований, не имеющих надлежащего эмпирического подтверждения, не находят эффективного применения на практике. Страдает от этого и современная криминалистическая дидактика, так как фундаментальные и наукообразные криминалистические знания не способствуют формированию у обучающихся необходимых навыков и умений, а также, что самое важное, не развивают криминалистического мышления при изучении различных областей юридической практики.

Однако вернемся к тем изменениям во многоуровневом высшем профессиональном образовании, которые, по нашему мнению, в настоящее время негативно влияют на обучение криминалистике. На наш взгляд, с большой натяжкой можно назвать криминалистическим образованием обучение криминалистике в высшей школе, которое фактически заменено криминалистической подготовкой. В подавляющем большинстве случаев эта подготовка основана на переписывании учебников, ориентированных на криминалистические данные, отражающие предварительное расследование преступлений, большинство из которых было характерно для прошлого века, и на освоении отдельных простых технических криминалистических действий, описанных в этих же учебниках.

Крен в сторону уголовного права и процесса лишил криминалистику возможностей многовекторного развития и использования правоприменителем криминалистического знания и мышления в других отраслях права и юридической деятельности.

Исходная криминалистическая парадигма, определенная еще Г. Гроссом, относительно главной задачи криминалистики – развивать способность «по-настоящему судить о прошедшем, зная прошедшее, – судить о настоящем» – до конца, по сути, так и не реализована. Криминалистика еще до конца не стала источником знаний для формирования у обучаю-

щихся основ системного мышления и деятельностного подхода в реализации целей их будущей профессиональной юридической деятельности.

На наш взгляд, одной из главных задач современной криминалистики следует считать обучение студентов криминалистическому мышлению. Соответственно, к этому должна быть обращена и криминалистическая дидактика.

Сущность криминалистического мышления, на наш взгляд, влияет на развитие криминалистической дидактики, поскольку заключается в познавательной деятельности субъекта на основе использования опосредованного и обобщенного способа отражения действительности, связанного с моделированием закономерностей окружающего мира на аксиоматических положениях, базой которого является юридическое образование и непрерывное пополнение запаса соответствующих ему понятий и представлений, в том числе введение в оборот новых суждений (в результате умозаключений) для осуществления указанным субъектом профессиональной деятельности.

Мы полагаем, криминалистическое мышление является одним из главных принципов криминалистической дидактики и, может быть, юридической подготовки бакалавров.

В преподавании криминалистики есть негативная тенденция – постоянное сокращение количества часов в вузовских учебных планах, крайне отрицательно влияющее на качество юридической подготовки, особенно вне специализированных юридических учреждений высшего образования и на факультетах.

Проблемой является и материально-техническое обеспечение практических и семинарских занятий по криминалистике, которые уже давно преподаются без использования современных технико-криминалистических и компьютерных средств. Отсутствие у студентов соответствующих криминалистических навыков и умений впоследствии негативно отражается на их обученности и, следовательно, профессиональной деятельности.

Мы уже неоднократно обращали внимание научно-педагогической общественности на острую необходимость изучения в рамках криминалистики курса (раздела) базовых принципов цифровой криминалистики по причине того, что в практике своей профессиональной деятельности будущие специалисты все реже будут сталкиваться с так называемыми традиционными криминалистическими объектами и все чаще с цифровыми, которые необходимо распознавать посредством криминалистического мышления.

Резюмируя тезисы, можно сделать вывод о назревшей необходимости изменения (корректировки) натуралистической парадигмы криминалистики. Эту сложную проблему рано или поздно придется решать, либо за нас это сделают другие люди, которым криминалистика не кажется важной для российского юридического образования.

УДК 343.98

В.П. Корж

РАССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ УКРАИНЫ

Негативное влияние на экономику, политику, управление, социальную и правовую сферы, международные отношения и гражданское правосознание оказывает в Украине коррупция. К сожалению, антикоррупционная политика и законодательство Украины не соответствуют размерам и темпам роста коррупции в стране. Организаторы теневого бизнеса (миллионеры), лидеры организованной экономической преступной деятельности (олигархи) посредством коррупции, политического лоббизма незаконно присвоили значительную часть государственной собственности, проникли в политические, государственные институты, средства массовой информации, оказывают влияние на формирование законодательной, исполнительной и судебной власти. Они владеют огромным криминальным капиталом, многие из них и депутатским мандатом, лоббируют в своих корыстных интересах принятие законов, в частности о декриминализации 26 составов экономических преступлений в Уголовном кодексе Украины (в том числе контрабанды) от 15 ноября 2011 г., о декриминализации взяточничества от 18 апреля 2013 г., о декриминализации фиктивного предпринимательства от 21 сентября 2019 г., об упразднении контрольно-ревизионной службы, надзорных функций прокурора, спецподразделений по борьбе с организованной преступностью, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и др.

Декриминализация взяточничества является серьезной ошибкой законодателя, которая негативно влияет на реальное противодействие коррупции, практику расследования коррупционных преступлений, противоречит международным конвенциям и договорам по борьбе с взяточничеством и коррупцией, ратифицированным Украиной. В то же время законодательным органом Украины в 2014 г. был принят Закон

«О Национальном антикоррупционном бюро Украины», предусматривающий создание специализированной антикоррупционной прокуратуры, антикоррупционного суда. Вследствие правового невежества депутатского корпуса и авторов этого закона органы досудебного расследования, прокуратуры, суды условно делятся на коррупционные и антикоррупционные. Следует отметить, что антикоррупционным является законодательство, а не государственные органы, которые призваны выявлять, раскрывать и расследовать коррупционные преступления, противодействовать им. Поэтому депутатскому корпусу необходимо принять закон, в котором должны быть предусмотрены компетенции: Национального бюро расследования коррупционных преступлений, специализированной прокуратуры по надзору за расследованием коррупционных преступлений, Судебной палаты Верховного суда Украины по рассмотрению коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами высших государственных органов власти и управления.

В юридической литературе изложены разные научные подходы к определению уголовно-правового понятия коррупционных преступлений. Следует согласиться с точкой зрения большинства исследователей, которые отмечают, что взяточничество – распространенный и опасный вид коррупции [1, с. 81; 2, с. 28; 3, с. 4]. Большинство украинских исследователей в своих работах правильно указывают на то, что получение взятки, дача взятки относятся к коррупционным преступлениям, которые необходимо криминализировать.

В уголовном законодательстве Украины отсутствует понятие коррупционного преступления. Однако в примечании к ст. 45 УК представлен перечень некоторых видов преступлений в сфере служебной деятельности, которые законодатель считает коррупционными. Вызывает сомнение то, что коррупционным преступлением является подкуп работника государственного предприятия, организации, учреждения (ст. 354 УК) или незаконное обогащение (ст. 368-2 УК). Полагаем, что не все служебные преступления являются коррупционными. Следует считать коррупционным преступлением умышленное, незаконное корыстное деяние, которое совершается за определенное вознаграждение в какой-либо форме в интересах третьих лиц должностным лицом при исполнении функций представителя власти, использовании служебного положения, осуществлении организационных, распорядительных, административных, хозяйственных полномочий в органах государственной власти, управления, местного самоуправления, сферы предоставления публичных услуг.

В криминалистической литературе отмечается, что коррупция является обязательным признаком организованной преступности. Под коррупцией А.И. Гуров понимает не только дачу и получение взятки за предоставление любой услуги, но и постоянную связь должностных лиц с организованными преступниками [4, с. 205].

Системный анализ материалов оперативно-розыскной деятельности и следственной практики позволяет сделать вывод о том, что организаторы теневого бизнеса, лидеры организованных групп используют коррупционные связи с должностными лицами разных уровней государственной власти, управления, местного самоуправления, финансовых, контрольных, правоохранительных органов для получения платных коррупционных услуг. Такими услугами являются: коррупционное содействие, покровительство, обеспечение, протекционизм, вмешательство, противодействие, лоббирование.

Коррупционные технологии дают возможность организаторам преступного бизнеса успешно разрабатывать и реализовывать коррупционные схемы, преступные планы для достижения своих целей. Так, коррумпированные чиновники в интересах теневого производства, фиктивной предпринимательской деятельности содействуют инвестированию бюджетных средств в коммерческие структуры; лоббируют криминальное банкротство государственных предприятий с целью их последующей незаконной приватизации и незаконные внешнеэкономические операции, получение за них из бюджетных средств налога на добавленную стоимость; покровительствуют незаконным финансово-хозяйственным операциям, легализации преступных доходов, введению их в законную экономику, политические институты, средства массовой информации и предоставляют другие коррупционные услуги. Расследование указанных и других видов коррупционных преступлений весьма проблематично ввиду несовершенства уголовного и уголовно-процессуального законодательства Украины.

Нормы УПК Украины 2012 г. не предусматривают стадию возбуждения уголовного дела. Так, о начале расследования свидетельствует факт регистрации информации об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебного расследования без проведения предварительной проверки этой информации. Следователь без принятия процессуального решения в письменной форме сообщает прокурору о начале расследования (ч. 6 ст. 214 УПК). Полагаем, что сообщение следователя о начале расследования не создает правовых оснований для уголовного преследования. Следует отметить, что нормы УПК предусматривают проведение оперативно-розыскной деятельности только после начала расследования и по письменному указанию следователя, прокурора или

следственного судьи (ст. 246 УПК). Эти процессуальные новации негативно влияют на практику раскрытия и расследования преступлений, в том числе и коррупционных. По данным правовой статистики, только 40 % заявлений и сообщений из числа зарегистрированных в базе единого учета имели признаки преступлений, тогда как 60 % из них составляли заявления, по которым было начато расследование и прекращено за отсутствием события или состава преступления. Практика автоматического начала расследования после регистрации информации об уголовном правонарушении ухудшила правовую защиту лиц, в отношении которых проводилось расследование, так как они фактически лишены возможности обжаловать необоснованное уголовное преследование.

Псевдонаучные новации изложены в гл. 22 УПК о направлении следователем письменного сообщения лицу о подозрении в совершении уголовного правонарушения, которое автоматически переносится в качестве обвинения в обвинительный акт, направляемый прокурором в суд (ст. 291 УПК). При этом процедура допроса подозреваемого нормами УПК не предусмотрена (следователи используют процессуальную процедуру допроса подозреваемого по аналогии со ст. 107 УПК Украины 1960 г.). Следует отметить, что нормы УПК не регламентируют процессуальную процедуру выдвижения обвинения на досудебном следствии, допроса обвиняемого. Отсутствие процессуальной регламентации уголовно-процессуального института обвинения на досудебном следствии лишают обвиняемого права на защиту в суде. Данная новация деформирует полномочия государственного обвинителя в судебном заседании, который вынужден вместо обвинения поддерживать сообщение о подозрении.

Эти и другие новации УПК разрушают отечественные процессуальные традиции, положительный опыт работы органов расследования, прокуратуры и суда, приводят к ущемлению прав и законных интересов участников процесса, создают коллизии и беспорядок в правоприменительной практике. Полагаем, что совершенствование уголовного процессуального законодательства Украины должно соответствовать как социальным потребностям, так и потребностям практики.

1. Аслаханов А.А. Проблемы уголовно-правовой борьбы со взяточничеством // Государство и право. 1993. № 4. С. 81–88.
2. Комиссаров В.С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. 1993. №1. С. 28.
3. Лукомський В.С. Кримінальна відповідальність за дачу хабара та посередництво в хабарництві : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.08. К., 1996.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ РОЗЫСКЕ ОБВИНЯЕМОГО

Неотвратимость ответственности за содеянное является одним из принципов уголовной ответственности, закрепленным ст. 3 УК Республики Беларусь, и заключается в том, чтобы ни одно лицо, изобличенное в преступлении, не оставалось безнаказанным. На реализацию данного принципа направлена деятельность Следственного комитета, задачи которого состоят во всестороннем, полном, объективном и оперативном расследовании преступлений. Задачи органов внутренних дел заключаются в выявлении и пресечении преступлений, а также в розыске обвиняемых и иных лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс.

Эффективность розыска обвиняемых напрямую зависит от организации совместной работы следователей с подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел и является одним из видов процессуальной формы такого взаимодействия, закрепленным ст. 248 УПК Республики Беларусь. Данная норма наделяет следователя правом при отсутствии сведений о местонахождении обвиняемого поручать проведение розыска органу дознания.

Особенности взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска при розыске обвиняемого заключаются в следующем:

взаимодействие осуществляется только по уголовным делам, по которым местонахождение обвиняемого не установлено;

в материалах уголовного дела должны содержаться достаточные данные, дающие основания для привлечения лица в качестве обвиняемого и избрания в отношении него меры пресечения;

совместная деятельность следователя и подразделений уголовного розыска направлена не на собирание каких-либо доказательств, а на установление местонахождения обвиняемого с целью его задержания и последующего доставления в орган уголовного преследования;

данный вид взаимодействия процессуально оформляется следователем в виде мотивированного постановления об объявлении розыска обвиняемого.

До принятия решения об объявлении розыска обвиняемого следователь должен выполнить все следственные действия, возможные в отсутствие обвиняемого, и собрать достаточную доказательственную базу, не-

обходимую для предъявления обвинения, если оно не было предъявлено ранее. Если доказательств недостаточно для предъявления обвинения, то розыск не объявляется, а предварительное следствие приостанавливается по иному из оснований, кроме отсутствия обвиняемого, указанных в ст. 246 УПК Республики Беларусь.

Согласно ст. 248 УПК Республики Беларусь розыск обвиняемого может быть объявлен как во время проведения предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением. Возникает вопрос: с какого именно момента следователь вправе объявить розыск обвиняемого? На данный вопрос нет однозначного ответа ввиду того, что обвиняемый может как целенаправленно скрываться от органа уголовного преследования, так и в силу объективных причин, не зависящих от его воли, не явиться к месту проведения следственного действия либо не сообщить о своем местонахождении. Поэтому следует согласиться с А.Г. Филипповым, который считает, что факт отсутствия обвиняемого должен быть подкреплён проверочными действиями (Криминалистика. Полный курс : учебник / А.Г. Филиппов [и др.] ; под общ. ред. А.Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 219).

Законом не предусмотрено, в каком виде следователю может поступать информация о том, что обвиняемый скрылся от органов уголовного преследования и какие именно проверочные мероприятия могут проводиться по установлению местонахождения обвиняемого до объявления его розыска. Однако, на наш взгляд, при принятии уголовного дела к своему производству следователю необходимо выяснить местонахождение обвиняемого и причины, в связи с которыми лицо могло скрыться от органа уголовного преследования. При установлении данных причин следователь должен незамедлительно избрать или изменить меру пресечения в целях превенции дальнейшего розыска обвиняемого.

При получении информации о том, что обвиняемый скрылся от органов уголовного преследования, следует провести комплекс следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление местонахождения обвиняемого, а при невозможности установления его местонахождения – получить достоверные сведения, указывающие на желание обвиняемого скрыться от органов уголовного преследования. Об этом могут свидетельствовать систематическая неоднократная неявка по вызову органа уголовного преследования, смена места жительства без уведомления органа уголовного преследования, выезд за границу и др.

При отсутствии сведений о местонахождении обвиняемого следователь предпринимает следующие меры по его розыску: звонит по телефонам, указанным обвиняемым в качестве контактных либо зарегистри-

рованным на имя обвиняемого; при получении возможности связаться с обвиняемым посредством телефонной связи вызывает его в орган уголовного преследования, а при невозможности – направляет повестку по месту, указанному в качестве места жительства или регистрации обвиняемого в одном из протоколов следственных действий. Если лицо ранее не принимало участия в проведении следственных действий, повестка направляется по месту, указанному в качестве места регистрации в документах, удостоверяющих личность. При неявке обвиняемого в орган уголовного преследования к назначенному времени следователь составляет протокол неявки обвиняемого без уважительной причины и в соответствии со ст. 130 УПК Республики Беларусь выносит мотивированное постановление о приводе обвиняемого в орган уголовного преследования, которое направляется в органы внутренних дел для исполнения. При невозможности исполнения органами внутренних дел постановления о приводе обвиняемого в связи с неустановлением его местонахождения следователю направляется рапорт с изложением указанных обстоятельств, который в обязательном порядке приобщается к материалам уголовного дела. В дальнейшем следователь направляет поручение органу дознания (в частности, подразделениям уголовного розыска) об установлении местонахождения обвиняемого и (при необходимости) доставлении его в орган уголовного преследования. После направления данного поручения следователь в рамках расследуемого уголовного дела приступает к проведению следующего комплекса поисковых мероприятий, а именно: проводит обыск по месту жительства, регистрации и работы обвиняемого; допрашивает как совместно проживающих, так и иных его родственников, соседей, друзей, коллег по работе; в ходе данных допросов устанавливает приметы, места возможного появления обвиняемого, его образ жизни, привычки, круг общения, контактные данные в социальных сетях и мессенджерах, возможные причины, по которым скрылся обвиняемый.

В рамках поисковых мероприятий по установлению скрывшегося обвиняемого следователь также проводит ряд следственных и иных процессуальных действий, к которым относятся:

выемка телефонных соединений у операторов сотовой связи и стационарной телефонной сети (с целью анализа разговоров и определения абонентов, с которыми наиболее часто общался обвиняемый, для их последующего допроса, а также установления возможных мест нахождения разыскиваемого лица);

наложение ареста на почтово-телеграфные отправления обвиняемого, их осмотр и выемка;

прослушивание и запись переговоров обвиняемого (в случае совершения им тяжких и особо тяжких преступлений);

проверка разыскиваемого лица по учетам информационного центра МВД Республики Беларусь;

направление уведомления военному комиссару и начальнику отдела по гражданству и миграции органа внутренних дел по месту регистрации обвиняемого о необходимости срочного уведомления органа уголовного преследования при обращении разыскиваемого лица и др.

В отдельных случаях при проведении данного комплекса следственных и иных процессуальных действий удается установить местонахождение разыскиваемого лица без объявления его розыска. Однако в случае неустановления местонахождения обвиняемого выносятся постановления об объявлении его розыска, который поручается органу дознания. В постановлении об объявлении розыска излагаются обстоятельства совершенного преступления, а также дается указание на то, что принятыми следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями не удалось установить местонахождение обвиняемого. Следователь предоставляет органу дознания, которому поручен розыск обвиняемого, в частности в отдел розыскной работы подразделения уголовного розыска, постановление об объявлении розыска обвиняемого; копию постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и применении меры пресечения; справку по уголовному делу, в которой перечисляются основные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, проведенные с целью установления местонахождения обвиняемого; справку о личности разыскиваемого, содержащую основные установочные данные обвиняемого, его родственников, иных лиц, с которыми он ранее проживал совместно, приметы и др. К указанным документам могут приобщаться и копии иных материалов уголовного дела, представляющих интерес для установления местонахождения разыскиваемого лица.

Вынесение постановления об объявлении розыска не освобождает следователя от дальнейшей работы по установлению местонахождения обвиняемого. Совместная работа следователя с сотрудниками подразделения уголовного розыска заключается в координации усилий в целях установления местонахождения обвиняемого в рамках компетенции каждого из взаимодействующих субъектов. При этом если производство по уголовному делу не приостановлено, то следователь после объявления розыска обвиняемого путем проведения следственных и иных процессуальных действий продолжает работу по установлению местонахождения обвиняемого, осуществляя непрерывный обмен информацией с подразделениями уголовного розыска.

После приостановления производства по уголовному делу в связи с розыском скрывшегося обвиняемого работа следователя носит непроцессуальный характер и осуществляется в виде направления отдельных запросов в организации и учреждения для установления местонахождения обвиняемого, проверки места жительства и регистрации обвиняемого, его соседей, близких родственников, иных лиц, с которыми обвиняемый поддерживает близкие отношения, а также проведения бесед с ними в целях установления возможных мест нахождения, маршрутов движения разыскиваемого, его связей, получения иной информации; проведения иных мероприятий, направленных на установление местонахождения разыскиваемого. В рамках данной работы следователь аккумулирует и организует обмен информацией с подразделениями уголовного розыска, проводит совместный анализ полученной информации, выдвигает версии о возможном местонахождении обвиняемого и дает указания подразделениям уголовного розыска об их проверке, при необходимости составляет дополнительный план действий по розыску обвиняемого и организует проведение тактических операций.

Таким образом, организация совместной деятельности следователя с подразделениями уголовного розыска по розыску обвиняемого является одним из видов процессуальной формы взаимодействия и заключается в осуществлении комплекса следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения обвиняемого как до приостановления предварительного следствия, так и после. При этом после приостановления предварительного следствия совместная деятельность следователя с подразделениями уголовного розыска носит исключительно непроцессуальный характер и заключается в организации работы по установлению местонахождения обвиняемого.

УДК 343.98

И.В. Кубарев, С.С. Барган

ТАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОЦЕДУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Современное досудебное расследование выдвигает повышенные требования к интеллектуальной деятельности следователя, которые заключаются в необходимости решать непростые мыслительные задачи и принимать взвешенные тактические решения.

На важной роли тактических решений, в частности при планировании расследования преступлений, акцентируют внимание А.В. Дулов и Ю.И. Новик: по их мнению, тактическое решение предполагает формирование в сознании следователя конкретной модели тактики проведения последующих следственных действий, построенной при помощи словесно-логических и образных представлений, понятий и суждений [1, л. 42]. Сходной мысли придерживается С.И. Цветков, понимая под тактическим решением умозаключение следователя, основанное на анализе следственной ситуации, об использовании при проведении следственных действий тактических приемов и технико-криминалистических средств в определенной последовательности, что в результате обеспечивает наиболее эффективное осуществление собирания, исследования и оценки доказательств [2, с. 116].

Выбор эффективной тактики следственных действий, на которой делается упор указанными учеными, безусловно, является важной целью тактического решения, хотя, на наш взгляд, ее следует рассматривать несколько шире – как повышение эффективности процесса доказывания в целом. Исходя из этого, следует считать справедливым замечание И.В. Александрова, что цели тактического решения шире целей решения проведения следственного действия, даже при их одинаковой направленности на получение новой информации о случившемся правонарушении [3, с. 214].

В свою очередь, Р.С. Белкин, А.Ф. Волынский и В.П. Лавров считают, что отождествление тактического решения с умозаключением не позволяет отличить его от других видов решений. Рассматривая тактическое решение с позиции психологии следственной деятельности, они заостряют внимание на процессе выбора следователем целей тактического воздействия на следственную ситуацию целиком либо на ее отдельно взятые элементы, а также на ход и результаты расследования вследствие грамотного выбора методов, приемов и средств достижения поставленных целей [4, с. 372; 5, с. 72]. Исходя из этого, для понимания исследуемой категории, с нашей точки зрения, необходимо обозначить процедурные аспекты мышления следователя, влияющие на принятие того или иного тактического решения.

Прежде всего на принятие тактического решения влияет ситуационный характер расследования преступлений, нередко связанный с необходимостью решать задачи, сложно поддающиеся алгоритмизации. Также принятию тактического решения предшествует психологический процесс познания, состоящий из стадий: осмысления следственной ситуации, анализа полученной информации и формирования целей воздействия.

Первая стадия – осмысление – предполагает первичный сбор информации, формулирование возникших проблем, обдумывание критериев их успешного решения, выяснение актуальности полученных данных, определение круга объектов тактического воздействия. На второй стадии интеллектуальная активность направлена на анализ собранной информации, итогом которого является выдвижение следственных версий. Вместе с тем следователь производит мысленное моделирование различных вариантов решения и сопоставляет их с имеющимися ресурсами, прорабатывает альтернативные варианты по преодолению потенциальных конфликтных ситуаций, а в результате – составляет детальный план решения обозначенного круга задач. В конечном счете на основе проведенного анализа формируется цель непосредственного воздействия, производится выбор средств и методов воздействия и прогнозируются результаты реализации принятого тактического решения [6, с. 84–87].

Следует отметить, что указанные аспекты познания направлены не только на получение объективных по своему содержанию знаний. В значительной степени они служат выяснению сущности гносеологических проблем конкретной следственной ситуации, позволяя выявить взаимосвязь имеющейся информации и действительности, определить условия истинности данных и закономерности их существования с целью принятия наиболее оптимального решения в сложившейся ситуации.

Следующим процедурным аспектом принятия тактических решений, особенно в случаях недостаточности исходной информации, является наличие принципов обработки информации. Среди них принято выделять: принцип подобия, согласно которому каждое событие имеет набор общих закономерностей; принцип временной связи, гласящий, что каждое последующее событие является следствием первичного; принцип сопричастности, указывающий на связанность всех предметов и явлений между собой. С позиций психологии принятия решений, перечисленные принципы позволяют следователю выбирать в различных следственных ситуациях наиболее целесообразные криминалистические приемы для эффективного расследования уголовных правонарушений [7, с. 4].

Определяющая роль в принятии тактического решения, как справедливо замечает И.А. Копылов, отводится опыту следователя, его знаниям, умениям и способностям к аналитической деятельности. Он собственными действиями формирует содержание следственной ситуации, воспринимает ее изменения и обеспечивает непрерывность всего хода расследования и раскрытия преступления. Психологический процесс анализа следственной ситуации происходит сквозь призму личного опыта следователя и обязательно базируется на этапах: возникновения

потребности в принятии и реализации тактического решения; разработки решения и выбора средств тактического воздействия; реализации решения и осознания динамичности следственной ситуации, чтобы корректировать намеченную программу действий независимо от хода событий. Несмотря на то что тактическое решение формируется исходя из поставленных перед следователем задач, этапы мыслительного анализа остаются постоянными, требующими интенсивного умственного напряжения и повышенной концентрации [8, с. 14].

Подбирая наилучший вариант решения поставленных задач, следователь должен учитывать свои личностные ресурсы (образование, способности, опыт работы), поведение объектов воздействия (зависит от привычек, психологических особенностей, склонностей, сферы деятельности), среду принятия решения (информационные ограничения, наличие конфликтов, различные риски), прогнозировать результаты реализации тактического решения и возможность корректировать составленный план действий в случае изменения следственной ситуации. В результате разработки различных вариантов в мышлении следователя формируется уверенность в целесообразности применения конкретных криминалистических способов и приемов расследования, достаточных и необходимых для достижения ожидаемых результатов.

Таким образом, процедурные аспекты тактического решения по своему содержанию наполнены как логическими процессами мышления, характерными для любого вида решения, так и эвристическими, в определенном роде интуитивными, информационно-поисковыми операциями, которые являются отличительной чертой категории тактического решения. Поэтому принятие взвешенного тактического решения во многом зависит от уровня интеллектуальных способностей следователя, профессиональной подготовки, опыта профессиональной деятельности, умения выявлять взаимосвязь между событиями, анализировать и сопоставлять их, а также от выбора оптимальных средств и методов влияния.

1. Дулов А.В., Новик Ю.И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия. Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 39–47.
2. Цветков С.И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
3. Александров И.В. Криминалистика : учеб. для бакалавриата и магистратуры. М., 2017.
4. Вольнский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика : учеб. для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988.

6. Кравченко В.О. Менеджмент : навч. посіб. О., 2013.
7. Михайлов С.В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
8. Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988.

УДК 343.985

Д.С. Кудрявцев, М.В. Говрова

ДАЧА ПИСЬМЕННЫХ ПОРУЧЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРИЧИНЫ И КРИТЕРИИ ОБОСНОВАННОСТИ

Эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от интенсивности и своевременности обмена между органами предварительного следствия и дознания криминалистически значимой информацией, ее качества и полноты, что в целом характеризует состояние взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений. Необходимость формирования надлежащих взаимоотношений при расследовании уголовных дел в первую очередь вытекает из самой сути осуществляемой в указанных целях деятельности. Вопросы взаимодействия связаны и с необходимостью соблюдения основных принципов уголовного процесса, в числе которых всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, обязанность осуществления уголовного преследования специально уполномоченными государственными органами и др.

Дача письменных поручений о проведении следственных действий и ОРМ, на наш взгляд, является основным и достаточно распространенным в следственной практике способом обмена между органами предварительного следствия и дознания криминалистически значимой информацией [об этом подробнее см.: 1, л. 41–43, 49–52]. Как показывает практика, направление следователем в орган дознания письменных поручений чаще всего связано с необходимостью установления лиц, причастных к совершению преступления и располагающих информацией об обстоятельствах произошедшего, получения сведений о местах хранения или сбыта похищенного имущества, проведения ряда процессуальных действий.

Наличие в УПК Республики Беларусь права следователя давать сотрудникам иных правоохранительных органов поручения об осуществлении процессуальных действий вполне оправданно, тем более что такой способ обмена информацией в процессе расследования научно

обоснован и опробован на практике. При этом широта спектра поручаемых, например, сотрудникам ОВД действий во многом обуславливается необходимостью использования имеющихся в их распоряжении средств, приемов и методов.

Вместе с тем подходы к оценке эффективности такого правового института в современных условиях борьбы с преступностью, характеризующихся, с одной стороны, организованностью, технической оснащенностью, трансграничностью преступности, а с другой – омоложением следственных и оперативных кадров, оттоком высококвалифицированных сотрудников, требуют пересмотра. Органу дознания нередко поручается выполнение сложных, трудоемких и продолжительных процессуальных действий, имеющих существенное значение для уголовного дела. Сотрудники оперативных подразделений ОВД, чаще всего исполняющие поручения следователей, сориентированные, в том числе в процессе профессиональной подготовки, на осуществление ОРД, порой не обладают необходимыми знаниями уголовно-процессуального законодательства, допускают его нарушения, что в итоге приводит к невозможности использования полученных ими доказательств в уголовном процессе.

Особого внимания заслуживает вопрос о соблюдении сроков исполнения поручений. Согласно ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь поручение подлежит исполнению не позднее чем через 10 суток, если иной срок не согласован со следователем. При этом законодатель отдельно не определяет сроки для исполнения поручений о проведении ОРМ, несмотря на то что осуществление отдельных из них требует продолжительного времени. Достаточно абстрактная формулировка о возможности исполнения поручения в срок свыше 10 суток по согласованию со следователем ставит перед органом дознания ряд дополнительных вопросов о том, каким образом должно происходить согласование (устно или в письменной форме); на каком этапе его следует осуществлять – при поступлении поручения исполнителю или по истечении 10 суток; на какой период может быть пролонгировано исполнение поручения и др.

Анализ литературных источников показывает, что проблема сроков исполнения поручений не осталась без научного осмысления и исследования. По мнению одних исследователей, десятидневный срок их исполнения является оптимальным. Другие полагают, что его необходимо увеличить, однако не указывают, на сколько. Третьи придерживаются позиции, что срок должен определяться следователем индивидуально с учетом конкретных обстоятельств дела [2, 3].

Разделяя в целом последнюю из приведенных точек зрения, считаем, что в УПК Республики Беларусь все же должен быть указан минимальный срок исполнения поручения. Для следственных и иных процессуальных

действий его предлагается определить в 10 суток, для ОРМ – в 30 суток. Такой подход основывается на том, что, во-первых, осуществление процессуальных действий, как правило, не требует больших временных затрат, а в случаях, не терпящих отлагательства, они вообще должны проводиться незамедлительно. Во-вторых, специфика ОРД заключается в ее комплексности. Часто решение поставленных перед органом дознания задач может быть обеспечено лишь при одновременном проведении нескольких мероприятий, требующих тщательной подготовки. В-третьих, месячный срок исполнения поручений о проведении ОРМ представляется достаточным с учетом потери времени на их организацию (заведение ДОУ, вынесение постановлений, санкционирование ОРМ и т. п.).

Оценка эффективности дачи следователем поручений по уголовным делам показывает, что небесперспективной с точки зрения оптимальности использования имеющихся в распоряжении субъектов раскрытия и расследования преступлений сил, средств и методов, а также оперативности и качества расследования представляется позиция о необходимости сужения круга поручаемых действий. Отдельными учеными отмечается, что, например, орган дознания должен выполнять только те из них, которые связаны с неотложностью, крайней необходимостью или объективной невозможностью их выполнения самим следователем [4, л. 91; 5, с. 148].

В этой связи П.В. Седельниковым очерчены критерии, при наличии которых можно вести речь о законности и обоснованности дачи следователем поручений о проведении процессуальных действий и ОРМ сотрудникам иных органов, участвующим в раскрытии и расследовании преступлений:

1. Отсутствие у следователя объективной возможности получить желаемый результат собственными силами и средствами. В первую очередь это касается поручений о проведении ОРМ. В Республике Беларусь следователь не наделен правом осуществлять ОРД, поэтому только сотрудники оперативных подразделений органа дознания могут использовать негласные методы работы и проводить ОРМ, результаты которых при определенных условиях являются доказательствами по уголовным делам.

2. Необходимость проведения следственных действий одновременно в нескольких местах. Безусловно, при расследовании трудоемких и сложных уголовных дел, в условиях активного противодействия правоохранительным органам, когда получение доказательственной информации возможно только с использованием широкого перечня тактических приемов и комбинаций, привлечение сотрудников органа дознания и поручение им проведения определенных процессуальных действий обоснованно и оправданно.

Рационально в таких случаях создание межведомственных СОГ, проведение которыми тех или иных мероприятий в рамках поручения будет

предварительно согласовано органом дознания со следователем при совместной выработке наиболее рационального алгоритма действий по его исполнению. Безусловно, это потребует соответствующей корректировки отдельных положений УПК, в первую очередь путем закрепления в нем самого понятия СОГ, определения оснований и порядка ее создания.

3. Невозможность совершения следователем определенных действий. В данном случае речь идет не столько о действиях, которые связаны, например, с задержанием лица, его приводом в орган уголовного преследования, требующих необходимой физической, специальной и иной подготовки, сколько о действиях, на совершение которых следователь не правомочен по закону, в частности на осуществление розыска преступников и иных лиц.

4. Соразмерность понесенных затрат и полученных результатов. Эта идея нашла отражение в ст. 184 УПК Республики Беларусь, касающейся ранее указанного принципа территориальности как условия для дачи поручения должностным лицам иных правоохранительных органов. В отличие от УПК БССР 1923 г., по которому при необходимости проведения процессуальных действий в границах населенного пункта субъект расследования обязан был их осуществить самостоятельно, в действующем УПК Республики Беларусь такое требование не является императивным. Следователь может допросить лицо, провести осмотр или обыск самостоятельно, а может это поручить сделать, например, ОВД [6].

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что цель следственных поручений заключается в обеспечении возможности не только сбора доказательств по уголовным делам путем использования возможностей органов, наделенных правом осуществлять ОРД, но и оперативности расследования. Вместе с тем допускаемая в отдельных случаях формальность при подготовке поручений приводит к такой же формальности при их исполнении. Рапорты, справки и иные служебные документы, составленные сотрудниками ОВД, часто не содержат значимой для расследования информации, а лишь необоснованно увеличивают объем уголовного дела.

Круг поручаемых органу дознания процессуальных действий и ОРМ, а также срок исполнения поручений должны определяться следователем самостоятельно, исходя из особенностей складывающейся следственной ситуации, объективной оценки возможности их осуществления, в первую очередь с точки зрения важности полученной информации.

1. Бекетов М.Ю. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с милицией при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

2. Ендольцева А.В. Поручение следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2020. № 1. С. 91–96.

3. Есина А.С. К вопросу об исполнении поручений следователя на производство следственных действий // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2011. № 3. С. 128–130.

4. Паутова Т.А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

5. Равинский В.В. Поручение следователя органу дознания как процессуальная форма взаимодействия в свете принятия нового УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. С. 147–150.

6. Седельников П.В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 24–28.

УДК 343.534

В.В. Кузнецов

О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

С каждым годом компьютеры и телекоммуникационные системы используются все чаще и шире во всех сферах жизнедеятельности человека и государства – от решения проблем национальной безопасности, здравоохранения и управления транспортом до торговли, финансов и простого межличностного общения.

Доступность технических средств связи и возможность неограниченного допуска к сети Интернет создают устойчивые предпосылки для роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, огромное количество которых остается латентным. В настоящее время достижения технического прогресса все чаще используются для совершения таких преступлений, как кибермошенничество, экономический шпионаж, хищения результатов интеллектуальной деятельности, находящихся под правовой охраной, которые приводят к негативным последствиям и потерям ресурсов общества.

Термин «киберпреступность» впервые появился в американской и западноевропейской литературе в начале 60-х гг. прошлого столетия, когда стали выявляться первые случаи совершения подобных преступлений. Согласно данным энциклопедии Britannica, первый зарегистрированный случай злоупотребления использованием компьютера относится к 1958 г.

На территории бывшего СССР первое подобное преступление зарегистрировано в 1979 г. в Вильнюсе. Оператор почтовой связи Н. путем мошенничества с использованием автоматизированного программно-технического комплекса «Онега» в течение двух лет совершала хищения денежных средств, направляемых соответствующими государственными органами гражданам в качестве пенсий и пособий по старости. Одновременно с компьютерным велся обычный (ручной) учет и обработка бумажных (дублирующих) бухгалтерских документов. Несовершенство программного обеспечения «Онеги» и наличие двойной бухгалтерии, которая велась на различных (по форме представления информации) материальных носителях, позволили преступнице длительное время создавать излишки подотчетных денежных средств, изымать их из кассы и присваивать, а также уходить от ответственности. Общий ущерб, по оценке суда, составил 78 584 р.

Еще одним громким для того времени преступлением в сфере высоких технологий стало умышленное повреждение программным способом оборудования известного государственного промышленного предприятия в 1983 г. «Системный программист Волжского автозавода, занимаясь с коллегами автоматической системой для подачи механических узлов на конвейер, произвел модификацию программного обеспечения АСУ ТП главного конвейера, в результате чего произошла его остановка на трое суток. Двести автомобилей не сошли с конвейера ВАЗа, пока программисты искали источник сбоев. Ущерб исчислялся миллионами рублей в ценах 1983 г. Виновное лицо привлечено к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 98 УК РСФСР», – написали в «Известиях» по поводу происшедшего.

В современном мире существуют различные виды киберпреступлений: экономические, против личных прав и неприкосновенности частной сферы, против общественных и государственных интересов. Все большую актуальность приобретают вопросы кибермошенничества и шантажа, информационных блокад и других методов компьютерного давления, шпионажа и передачи компьютерной информации лицам, не имеющим к ней доступа. Эти правонарушения приводят к тяжелым последствиям и потерям ресурсов общества, негативным воздействиям на информационно-вычислительные системы и линии телекоммуникаций, вызывающим их повреждения.

Киберпреступления, хотя и имеют незначительный удельный вес в общей структуре преступности, однако проявляют стойкую тенденцию к ежегодному росту. Так, количество таких преступлений в России увеличилось с 10 698 в 2014 г. до 174 674 в 2018 г. (более чем в 16 раз). По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2018 г.

предварительно расследовано 43 362 уголовных дел, направлено в суд – 36 767, при этом до 72 % дел прекращаются либо приостанавливаются производством. Уровень раскрываемости таких киберпреступлений ниже в сравнении с общей раскрываемостью почти в два раза (21 % против 39,5 %).

Ущерб российской экономике от киберпреступлений превышает триллионы рублей и продолжает увеличиваться. Как правило, эти преступления совершаются в финансовой сфере. В то же время наблюдается значительное расширение использования информационно-коммуникационных технологий при совершении ряда иных уголовно наказуемых деяний, в том числе террористического и экстремистского характера, коррупционной направленности, преступлений против личности, половой неприкосновенности, иных охраняемых законом прав и законных интересов.

В основном органами Следственного комитета Российской Федерации осуществляется уголовное преследование по фактам совершения преступлений с использованием информационных технологий: против установленного порядка проведения азартных игр; в сфере незаконного оборота наркотических средств; связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов; против половой неприкосновенности и половой свободы личности; экстремистской направленности.

Как показывает практика, киберпреступления часто носят трансграничный и транснациональный характер. Жертва и злоумышленник могут находиться на территории разных государств или даже континентов, а технологии позволяют им условно быть рядом.

Независимо от вида преступлений в качестве инструментов для их совершения используются ресурсы, размещенные на серверах в странах со сложным правовым порядком обмена информацией между правоохранительными органами. При этом для российских органов правоохраны по-прежнему основными инструментами получения данных из иных стран являются международная правовая взаимопомощь и каналы обмена информацией Национального центрального бюро Интерпола. Сроки получения ответов на запросы составляют от 6 до 24 месяцев, тогда как сроки хранения информации у большинства компаний, предоставляющих ресурсы для ее размещения на сервере, постоянно находящемся в сети (услуги хостинга), не превышают 6 месяцев. Таким образом, большинство запросов изначально не результативны.

К основным проблемам, связанным с оперативностью и качественными показателями расследования киберпреступлений, относятся:

разработка законодательства с учетом бумажного документооборота, а не высокоскоростного и трансграничного обмена данными;

различный подход государств к вопросам обмена данными, отсутствие единых стандартов, протоколов и т. д.;

монопольное владение основными ресурсами сети Интернет (социальные сети, корневые узлы сети, хостинг серверов) крупными корпорациями, находящимися в иной юрисдикции;

высокая латентность выявления и регистрации киберпреступлений; низкие объемы и скорость обмена данными между правоохранительными органами и недостаточная их цифровизация;

отсутствие достаточного количества компетентных образовательных учреждений в сфере противодействия кибератакам и борьбе с киберпреступностью;

катастрофическая нехватка компетентных в раскрытии и расследовании киберпреступлений сотрудников правоохранительных органов;

высокая по скорости и существенная по содержанию мутация моделей угроз, способов использования технологий в противоправных целях;

рост количества квалифицированных высокоорганизованных преступных кибергрупп и сообществ, в том числе кибердиверсионных и террористических (занимаются телефонными минированиями, ложными новостями, направленными на подрыв доверия к власти и свержение государственного строя, и др.).

Неоспоримым фактором в решении этих проблем является формирование единого правового поля, которое будет содержать единый понятийный аппарат и подходы к сбору, фиксации, анализу и представлению цифровых доказательств, чтобы эффективно и максимально быстро взаимодействовать правоохранительным органам различных государств.

УДК 343.98

С.В. Кузьмина

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В условиях цифровизации практически любые виды преступлений, в том числе мошенничества, могут совершаться с помощью телекоммуникационных средств и систем. В связи с широким использованием информационно-телекоммуникационных технологий при совершении мошенничеств существенно изменились способы осуществления указанной преступной деятельности, а также следы, образующиеся в результате подготовки, совершения и сокрытия преступления. Указанные

изменения, безусловно, повлияли на методику расследования, вызвав необходимость совершенствования и разработки практических рекомендаций по осуществлению отдельных процессуальных действий, в частности назначения и производства судебных экспертиз по делам об интернет-мошенничествах.

По делам о мошенничествах, совершенных с использованием сети Интернет, назначаются и производятся различные виды экспертиз.

Наиболее часто по этим делам проводится компьютерная экспертиза для установления принадлежности исследуемого объекта к техническим средствам, а также для получения информации с технических средств в целях дальнейшего изучения.

Следует отметить, что в научной литературе и правовых актах указанная экспертиза также обозначается как компьютерно-техническая. Сторонники данного подхода в криминалистической науке предлагают выделять виды компьютерно-технической экспертизы в зависимости от объекта исследований: аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную, компьютерно-сетевую [1, с. 110].

В ведомственных правовых актах МВД России, регулирующих деятельность экспертных подразделений органов внутренних дел, в частности в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД РФ, утвержденном приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», рассматриваемая экспертиза обозначена как компьютерная судебная экспертиза, а в правовых актах Министерства юстиции РФ, регламентирующих вопросы проведения экспертиз, – как компьютерно-техническая судебная экспертиза (приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 237 (в ред. от 13 сентября 2018 г.) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»). В связи с этим следователю при назначении экспертизы в части указания ее наименования в соответствующем постановлении необходимо руководствоваться нормативными актами того ведомства, которому будет поручено производство экспертизы.

С теоретической точки зрения считаем возможным согласиться с тем, что использование термина компьютерно-техническая экспертиза значительно сужает предмет данного исследования и не в полной мере отражает сущность экспертизы применительно к изучению компьютерной информации [2, с. 8]. Поэтому наиболее целесообразно использовать, на наш взгляд, термин «компьютерная экспертиза».

Объектами компьютерной экспертизы являются персональные компьютеры, периферийные, сетевые, запоминающие устройства и электронные носители данных.

В ходе компьютерной экспертизы по делам об интернет-мошенничествах подлежат разрешению вопросы, связанные с установлением: марки, модели, технических характеристик компьютерного или мобильного устройства; информации, содержащейся в памяти компьютерного устройства или носителя данных, в том числе информации о пользователе устройства (имена, пароли, права доступа); сведений о подключении к сети Интернет и конкретным сетевым ресурсам, об осуществлении электронной почтовой переписки; электронных платежей с использованием представленного на исследование устройства и др.

Производство компьютерной экспертизы предусматривает внешний осмотр представленных объектов, анализ их пригодности для исследования с помощью специализированного программного обеспечения (например, программы HDDScan для тестирования накопителей данных), принятие мер для блокирования возможности изменения данных носителя информации посредством специальных технических средств (блокираторов записи).

При производстве компьютерной экспертизы целесообразно осуществлять исследование копий цифровых объектов (образов) на тестовом компьютере эксперта, чтобы не нарушать целостность данных носителя оригинала. Исследование информации непосредственно на носителе данных проводится только в случаях, если создание пригодной для экспертизы копии невозможно либо вид исследований физически не позволяет внести какие-либо изменения в информацию на оригинальном носителе.

Помимо компьютерной экспертизы актуальным направлением исследований, проводимых в ходе расследования интернет-мошенничеств, является судебная автороведческая экспертиза текстов электронных сообщений, методика производства которой на сегодняшний день разработана в недостаточной степени. Специфика жанров интернет-коммуникации вызывает ряд методологических проблем при установлении авторства в ходе производства экспертизы.

Проблемными являются вопросы, связанные со сбором и представлением образцов для сравнительного исследования и с оценкой

идентификационных признаков применительно к сообщениям в сети Интернет [3, с. 60]. Полагаем, что при назначении и производстве автороведческой экспертизы текстов веб-коммуникации нецелесообразно использовать экспериментальные образцы и свободные образцы письменной речи в связи с их жанровыми и стилевыми отличиями от текста интернет-сообщений. Представляется возможным использовать в качестве образцов для сравнительного исследования тексты личной электронной переписки, однозначно принадлежащей подозреваемому, что может быть подтверждено в результате компьютерной экспертизы, установления IP-адресов или кода IMEI для мобильных телефонов, а также в ходе допроса подозреваемого. Образцы переписки в сети Интернет предоставляются для исследования на материальном носителе в формате электронной страницы либо в виде скриншотов электронных страниц в целях сохранения своеобразия визуального (графического) оформления текста сообщения.

Еще одним проблемным при назначении и производстве автороведческой экспертизы текстов веб-коммуникации является вопрос о достаточном и необходимом объеме интернет-сообщения для проведения идентификационных исследований. Полагаем, что такой объем должен определяться в каждом конкретном случае совместно с экспертом-автороведом, исходя из специфики веб-коммуникации.

Значение автороведческой экспертизы текстов веб-коммуникаций при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, заключается в возможности установления пола и возраста автора текста, его социально-психологических особенностей, а также в решении идентификационных задач, связанных с установлением автора конкретных сообщений.

При расследовании указанных преступлений могут проводиться и традиционные виды экспертиз, такие как почерковедческая, судебно-бухгалтерская, судебная экономическая (например, для анализа проводимых финансовых операций и отчетности при мошенничестве посредством создания интернет-магазина с регистрацией фиктивного юридического лица).

В некоторых случаях при расследовании интернет-мошенничеств возможно проведение психологической, комплексной психолого-психиатрической, психолингвистической экспертиз. При этом подобные экспертизы целесообразно проводить в отношении как обвиняемого, так и потерпевшего либо в рамках двустороннего исследования, поскольку процесс совершения киберпреступлений предполагает преднамеренные действия преступника, а также готовность потерпевшего откликнуться на оказываемое воздействие в ходе реализации различных способов мошенничества.

Таким образом, при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, назначаются и производятся как традиционные виды экспертиз, так и специфические, недостаточно изученные в криминалистической науке.

При назначении экспертиз по делам о расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, и при постановке вопросов экспертам целесообразно проводить предварительные консультации с экспертами, а также изучать внутренние нормативные акты, регулирующие деятельность экспертных подразделений ведомства, которому будет поручено производство экспертизы, что особенно актуально для компьютерной экспертизы в связи с использованием различных наименований данного исследования в правовых актах.

1. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2016. Вып. 3, ч. 2. С. 109–117.

2. Аверьянова Т.В. Вопросы интеграции и дифференциации научных знаний в криминалистике и судебной экспертизе // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы междунар. конф., посвящ. памяти проф. Л.Л. Каневского, 23–24 янв. 2003 г. : в 2 ч. Уфа, 2003. Ч.1. С. 3–9.

3. Мирошниченко М.Р. Проблемы производства судебной автороведческой экспертизы текстов Интернет-коммуникации // Вектор науки Тольят. гос. ун-та, Серия «Юрид. науки». 2016. № 1. С. 59–62.

УДК 343.9

А.И. Лавникович

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В научной литературе причины дорожно-транспортных происшествий (ДТП) принято делить на две основные группы: объективные (конструктивные параметры и состояние дороги, техническое состояние транспорта, интенсивность движения транспортных средств и пешеходов, обустройство дорог сооружениями и средствами регулирования, погодные условия, время года и т. д.) и субъективные (состояние участников дорожного движения, нарушение установленных правил водителями и пешеходами, недостаточная профессиональная подготовка водителя) [1, с. 7].

Ученые, исследующие вопросы ДТП, подробно анализируют и описывают названные причины с учетом прежде всего их фактологической стороны и реально наступивших последствий [2, 3]. Однако по одной и той же дороге в одно и то же время проезжает множество водителей, и одни из них будут пренебрегать правилами дорожного движения, а другие четко придерживаться действующего законодательства. Из-за своего поведения на дороге водитель не только может получить увечья, погибнуть, но и ставит под угрозу жизнь и здоровье других участников дорожного движения. Преступное поведение обусловлено личными качествами водителя (эгоизм, пристрастие к алкоголю, неуважительные отношения к другим участникам дорожного движения, личные мотивы). Поэтому мы бы хотели более подробно остановиться на субъективных причинах совершения ДТП, а именно на преступных нарушениях правил дорожного движения, по отношению к которым изначально присутствует психологический настрой на их пренебрежение и неуважение.

На дороге у водителей с таким поведением формируется установка, что главное – не попасть в руки сотруднику милиции, а исполнение правил – вещь необязательная. Некоторых автомобилистов не пугают даже штрафы, и они прозревают только тогда, когда дело доходит до лишения водительских прав.

Остановимся на одной из самых острых проблем на дороге, которая возникает по тем же мотивам («авось не остановят»), – управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. В Республике Беларусь предусмотрено достаточно суровое наказание для нетрезвых водителей. Так, первое превышение разрешенной степени опьянения в 0,3 ‰ обойдется автомобилисту очень серьезным штрафом, верхняя граница которого составляет 100 базовых величин, и лишением права управления транспортными средствами на три года. Если такие меры не вразумят правонарушителя, за второе в течение года управление транспортным средством в нетрезвом виде он подлежит уголовной ответственности и может отправиться в места лишения свободы на срок, устанавливаемый судом, возможно, с изъятием автомобиля.

Однако человек, позволивший сесть за руль транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения, вряд ли задумывается, какая сумма штрафа за данное деяние будет ему назначена. Даже при незначительной степени алкогольного (наркотического) опьянения появляется преувеличенное чувство собственной значимости, человеку кажется, что он ловок и сосредоточен. Вместе с тем повышение концентрации алкоголя в крови всего на 0,02 ‰ увеличивает риск аварий в два раза. А если она достигает 0,1 ‰ – риск возрастает в 52 раза [4].

Алкоголь и наркотики калечат людские судьбы, губят человеческие жизни. И если муж или отец, пристрастившийся к горячительным на-

питкам, – беда семьи, то человек, севший после употребления спиртных напитков за руль или идущий пьяным по дороге, – беда всего общества.

Доступность алкоголя в любом месте в любое время суток, а тем более на автозаправочных станциях, в придорожных кафе приводит к соблазну его употребления, создает предпосылки для совершения рассматриваемых видов преступлений.

Таким образом, необходимо применение комплекса профилактических мер воздействия на водителей, управлявших либо склонных к управлению транспортными средствами в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения. Немаловажную роль в проведении профилактики играет деятельность отделов агитации и пропаганды Госавтоинспекции, сотрудники которых постоянно призывают к неукоснительному соблюдению правил дорожного движения, доводят средства массовой информации сведения об имевших место дорожно-транспортных происшествиях, их причинах и последствиях.

В предупреждении нарушений на дороге большое значение имеет инициатива самих участников дорожного движения.

К сожалению, часто близкие, друзья или просто прохожие не принимают мер, чтобы остановить употребившего спиртные напитки от необдуманного поступка, и становятся свидетелями правонарушений. Близкие могут отговорить нетрезвых участников дорожного движения от незапланированной прогулки или поездки, спрятать ключи от автомобиля или своевременно позвонить по номеру 102 и сообщить о предполагаемом передвижении правонарушителя. Один подобный звонок может спасти чью-то жизнь.

А вычислить пьяного водителя не составит труда не только сотруднику ГАИ, но и прохожим: стиль вождения такого водителя отличается от стиля вождения других. Так, автомобиль пьяного водителя явно выделяется из потока транспортных средств, поскольку он не объезжает выбоины, не снижает скорость у перекрестка, проезжает на красный свет светофора или резко тормозит перед ним. При перестроениях пьяный водитель практически не пользуется сигналами поворота и не реагирует на сигналы других водителей. Посмотрев на него, можно отметить, что лицо у него застывшее, без какой-либо мимики, все реакции заторможены.

В Партизанском районе Минска был не один случай, когда в поимке нетрезвого водителя помогали сознательные и неравнодушные люди. Однажды даже ребенок вычислил нетрезвого водителя и сотрудникам Госавтоинспекции удалось задержать нарушителя. Инцидент произошел в Минске на ул. Пулихова. Второклассник катался во дворе на велосипеде. В какой-то момент внимание мальчика привлек автомобиль-такси

«Ниссан», который ехал по тротуару. Ребенок рассказал об этом отцу, и тот позвонил в милицию. Тем временем «Ниссан» съехал с тротуара на проезжую часть дороги, едва не сбив пешеходов, и продолжил движение, виляя из стороны в сторону и задевая бордюры. В конце концов автомобиль заскочил на бордюрный камень и остановился. По словам очевидцев, когда они подошли к машине, водитель уже спал, а на переднем пассажирском сиденье находилась бутылка от водки емкостью 0,7 л.

Успешное выяснение причины совершения ДТП зависит от своевременного выезда следственно-оперативной группы на место происшествия, тщательного и квалифицированного его осмотра, правильного фиксирования результатов в соответствующих документах.

На основе обследования дорожных условий и наблюдения за движением дорожные организации разрабатывают мероприятия профилактического характера по повышению безопасности движения на автомобильных дорогах с учетом имеющихся финансовых и материальных ресурсов, а также исходя из производственных возможностей.

Таким образом, причины совершения преступных нарушений правил дорожного движения носят разносторонний и разнообразный характер. Существенную долю их составляют причины субъективной природы, обусловленные уровнем правосознания, воспитанием и профессиональной подготовкой конкретного участника дорожного движения. В связи с этим полагаем, что в профилактике рассматриваемого вида преступлений помимо мероприятий технического характера, улучшающих дорожные условия (обеспечение видимости, установка видеокамер и сигнальных столбиков, спрямление участков дороги, строительство обходов населенных пунктов и др.), важная роль должна отводиться персональной работе с человеком для повышения его правовой культуры, формирования у него нетерпимости к нарушению правил дорожного движения.

1. Домке Э.Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий : учеб. пособие. Пенза, 2005.

2. Лапшин В.Е. Выдвижение и разработка версий. Планирование расследования ДТП. Н. Новгород, 2006.

3. Ачмиз Р.Ю. Расследование дорожно-транспортных преступлений (теоретические и тактико-методические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 1999.

4. Грудницкий С. В Минске за полугодие по вине нетрезвых водителей совершено шесть ДТП, с 24 по 28 июля ГАИ усилит контроль на дороге [Электронный ресурс] // Интернет-портал «SB BY Беларусь сегодня». URL: <https://www.sb.by/articles/v-minske-za-polugodie-po-vine-netrezvykh-voditeley-soversheno-shest-dtp-s-24-po-28-iyulya-gai-usilit.html> (дата обращения: 26.09.2020).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема защиты добросовестных предпринимателей от необоснованного уголовного преследования является весьма актуальной и широко обсуждаемой на различных уровнях. Решение отмеченной проблемы, а также исключение фактов давления на бизнес, в том числе со стороны коррумпированных должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, является одной из приоритетных для МВД России задач.

Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым в рамках расширенной коллегии дополнительно поставлена задача «обеспечить неукоснительное соблюдение законных прав и интересов хозяйствующих субъектов при проведении проверочных мероприятий. Категорически неприемлемо... вмешательство в какие-либо гражданско-правовые споры между коммерческими организациями» [1].

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с 2017 по 2019 г. и первое полугодие 2020 г. зарегистрировано 54 579 преступлений рассматриваемой категории, совершенных субъектами предпринимательской деятельности. За этот период количество предварительно расследованных преступлений увеличилось с 67,7 % до 77,2 % от общего количества выявленных преступлений, а количество преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, уменьшилось с 72,2 % до 70,1 % от общего количества предварительно расследованных преступлений. Существенно увеличился (в 5 раз) размер причиненного материального ущерба – с 45,2 млрд р. в 2017 г. до 246,5 млрд р. в 2019 г. [2].

С криминалистической точки зрения преступления в сфере предпринимательской деятельности являются самостоятельным объектом исследования, учитывающего сферу деятельности, в которой совершается преступление (сферу предпринимательской деятельности), особенности личности преступника (субъекта предпринимательской деятельности), а также непосредственную связь преступления с осуществлением им профессиональных обязанностей [3].

Преступления в сфере предпринимательской деятельности носят замаскированный характер (прикрыты законной предпринимательской деятельностью), совершаются лицами, обладающими профессиональными знаниями и навыками в соответствующих сферах экономики и

имеющими необходимый статус руководителя организации, с применением знаний различных отраслей права, а также современных информационных технологий.

Вопросы выявления и расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности находятся в центре внимания ученых-криминалистов. Проблемы организации расследования преступлений рассматриваемой категории исследуются в работах Е.А. Ефремовой [4] и А.В. Шмониной [5], А.Ф. Волынского [6], П.Г. Сычева [7], которые носят комплексный характер и раскрывают особенности расследования преступлений, совершенных субъектами предпринимательства.

Проанализируем отдельные проблемные вопросы, возникающие при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Так, в связи с большим количеством обращений предпринимателей, жалующихся на административное давление на их бизнес, по поручению Президента Российской Федерации создана и внедрена в пилотном режиме цифровая платформа для приема обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов. Указанная платформа создает возможность оперативно получать сигналы о нарушениях, допущенных в ходе осуществления уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Анализ результатов рассмотрения в органах внутренних дел указанных обращений свидетельствует о снижении остроты проблемы в обеспечении соблюдения законности. Однако нередко подобные обращения предпринимателей не связаны с необоснованным давлением на них правоохранительных органов, а наоборот, используются в качестве способа противодействия расследованию и оказанию негативного воздействия на субъекта, ведущего расследование, его отвлечения от процесса расследования.

Особое внимание обратим на проблему межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, связанной с неоднозначным толкованием правоприменителями положений ст. 90 (преюдиция) УПК РФ. Проблема правоприменения указанной статьи УПК РФ связана, как правило, с оценкой решений арбитражных судов при рассмотрении вопроса о виновности обвиняемых – субъектов предпринимательской деятельности.

Сложившаяся в органах внутренних дел практика реализации на стадии досудебного производства института преюдиции указывает на то, что после проведения проверочных мероприятий по сообщениям о преступлениях и после расследования уголовных дел выводы в обязательном порядке тщательно исследуются и анализируются судом, однако не предрешают конкретного процессуального решения, которое принимается на основе оценки всех добытых доказательств.

Еще одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются органы предварительного следствия при организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности, является противодействие расследованию преступлений со стороны подозреваемого (обвиняемого) и связанных с ними лицами. Несмотря на то что указанная проблема достаточно хорошо изучена в криминалистической литературе [8, с. 182–191; 9, с. 104–138; 6, с. 139–177; 10, с. 150–166], еще остаются вопросы, требующие выработки действенных средств преодоления противодействия расследованию.

По данным исследований ученых-криминалистов [11, 12], противодействие раскрытию и расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности встречается в 70–90 % уголовных дел такой категории. Таким образом, противодействие стало неотъемлемой частью преступной деятельности в сфере предпринимательства, поскольку представляет собой систему обеспечения безопасности преступного бизнеса.

К числу наиболее распространенных способов противодействия расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности следует отнести: сокрытие или уничтожение следов преступления; маскировка под законную деятельность; оказание психологического давления на лиц, осуществляющих выявление и расследование по делу, либо их подкуп; сокрытие преступно нажитых средств, а также маршрутов их движения и обналичивания либо легализации; оказание психологического и иного давления на соучастников преступления в целях склонения к отказу от дачи показаний либо к их изменению в пользу злоумышленников; организация заказных публикаций в СМИ о предвзятости расследования, коррумпированности лиц, ведущих следствие; обвинение в недопустимых методах ведения следствия.

Одним из приоритетных направлений своевременного выявления и нейтрализации противодействия расследованию является полноценное оперативное сопровождение расследования, без которого невозможно установить скрытые коррупционные связи подозреваемого (обвиняемого), его властных покровителей, спрогнозировать возможные угрозы процессу расследования, разглашению информации, содержащей следственную тайну, оказание негативного воздействия на свидетелей, должностных лиц, в том числе руководителей правоохранительных органов. Такое сопровождение должно осуществляться вплоть до направления уголовного дела в суд, а в особых случаях – до завершения его рассмотрения в суде.

В целях совершенствования организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности предлагаем реализовать комплекс мероприятий. Необходимо:

выявлять в обязательном порядке при рассмотрении обращений предпринимателей о совершенном в отношении них преступлении непосредственный мотив обращения, а также наличие гражданско-правового спора между хозяйствующими субъектами и его нахождение на рассмотрении в арбитражном суде либо уже имеющееся, но неисполненное решение суда в пользу одной из сторон конфликта;

разработать перечень типовых ситуаций противодействия расследованию по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, а также алгоритм действий следователя в целях пресечения и нейтрализации противодействия расследованию. Особое внимание обратить на возможности применения института государственной защиты потерпевших, свидетелей, а в отдельных ситуациях подозреваемых (обвиняемых), субъектов расследования;

повышать качество оперативного сопровождения расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности на протяжении всего процесса расследования, обеспечивая следователя не только информацией по конкретному факту преступления, но и упреждающей информацией, помогающей правильно выбрать как тактику расследования и преодоления противодействия, так и стратегию расследования в целом.

Полагаем, что реализация предложенных рекомендаций и мер позволит обеспечить снижение административной нагрузки на бизнес-сообщество при реализации процессуальных полномочий, а также законность при возбуждении и расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

1. Заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/62860> (дата обращения: 21.09.2020).

2. Сводный отчет по России о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших (за период с 2017 года по 2019 год). Форма № 1-Э (010). Книга 13. М., 2020.

3. Лапин В.О. Преступления в сфере предпринимательской деятельности как объект криминалистического исследования // Тр. Акад. упр. МВД России. 2020. № 2. С. 93–102.

4. Ефремова Е.А. Организация расследования преступлений экономической направленности / под ред. А.В. Шмониной. М., 2014.

5. Шмониной А.В., Ефремова Е.А. Основы управления органами предварительного следствия по делам о преступлениях экономической направленности : учеб. пособие. М., 2014.

6. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений : учеб.-метод. пособие / И.С. Акимова [и др.] ; под ред. А.И. Баstryкина, А.Ф. Волынского. М., 2016.

7. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М., 2020.

8. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования экономических преступлений // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2016.

9. Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией : учеб.-практ. пособие / под ред. А.Ф. Лубина и С.Ю. Журавлева. Н. Новгород, 2012.

10. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учеб. для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М., 2017.

11. Бурлин С.А. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

12. Черкесова А.А. Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

УДК 343.98

С.Н. Лозовая, Е.В. Матарыкина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЛЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА МЕСТЕ ВЗРЫВА

В настоящее время в Украине сложилась достаточно сложная криминальная ситуация, что обусловлено рядом факторов. Наиболее важными являются ухудшение благосостояния многих слоев населения, что приводит часто к их криминализации, так и наличие большого количества относительно доступного нелегального оружия (огнестрельного, холодного), взрывчатых веществ и устройств, появившихся в незаконном обороте в результате боевых действий на востоке страны, которые продолжают до настоящего времени. Отметим, что на всей территории Украины, в том числе и в Харьковской области, наблюдается рост случаев обнаружения взрывоопасных веществ и устройств, а также совершение различных преступлений с их использованием.

Следует заметить, что обнаружение данных предметов возможно при расследовании практически любых преступлений: от незаконного изготовления взрывчатых веществ и устройств, использования взрывчатки для совершения преступлений насильственной и корыстно-насильственной направленности (убийства, разбои, умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное путем взрыва) до

совершения преступлений против общественной безопасности (например террористический акт путем взрыва). При расследовании преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ и устройств, предметы данной категории могут обнаруживаться не только входе проведения осмотра места происшествия, а также при проведении иных следственных (розыскных) действий (например, обысков).

При обнаружении взрывных устройств, их частей, взрывоопасных материалов необходимо иметь в виду, что они могут быть источником различных следов (запаховые следы, следы пальцев рук, микрообъекты (волокна), биологические следы: кровь, контактные потожировые следы, которые являются объектами различных судебных экспертиз (одорологической, дактилоскопической, экспертизы волокнистых материалов, иммунологической, в том числе молекулярно-генетической). Таким образом, взвешенный подход к осмотру данной категории предметов, а также правильная фиксация и изъятие данных следов является залогом получения максимально полной и значимой информации для раскрытия и расследования преступлений. На практике одними из самых распространенных следов, изымаемых при осмотре места происшествия по взрывам, являются следы биологического происхождения, которые в дальнейшем будут направлены на судебную молекулярно-генетическую экспертизу с целью установления ДНК-профилей и дальнейшей идентификации.

Судебная молекулярно-генетическая экспертиза есть исследование на основе специальных знаний в области молекулярной генетики следов (образцов) биологического происхождения человека с целью установления или исключения происхождения биологического следа от определенного лица, установления или исключения биологического родства, идентификации неопознанных трупов, что является или будет в последующем предметом судебного разбирательства.

Молекулярно-генетическая экспертиза как вид экспертной специальности по биологическим видам экспертиз закреплена в Перечне видов судебной экспертизы и экспертных специальностей, по которым присваивается квалификация судебного эксперта работникам Экспертной службы МВД Украины.

Судебная молекулярно-генетическая экспертиза проводится в Украине специалистами Государственного научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины, Научно-исследовательских экспертно-криминалистических центров МВД Украины в Киевской, Харьковской, Винницкой, Запорожской, Львовской, Николаевской, Ивано-Франковской, Волынской областях и Главном бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава Украины, Одесском, Днепрпетровском областном и Киевском городском бюро СМЭ.

Методика проведения молекулярно-генетических исследований была разработана специалистами Государственного научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины в 2017 г., государственную регистрацию получила 18 января 2019 г. [1, с. 71].

Основными задачами, которые могут быть поставлены перед судебной молекулярно-генетической экспертизой являются: определение наличия следов человека (кровь, слюна, сперма, клетки с ядрами) на представленном на исследование объекте; установление их генетических признаков (ДНК-профиля) и проведение сравнительного анализа на предмет установления возможности или исключения происхождения данных следов от лиц, проходящих по делу.

Для проведения судебной молекулярно-генетической экспертизы поступают вещественные доказательства со следами биологического происхождения, изъятые при проведении следственных действий, а также в случае их наличия, сравнительные образцы лиц, имеющих отношение к данному уголовному производству. От качества работы со следами биологического происхождения при проведении следственных действий (их выявления, изъятия, упаковки, транспортировки и т. п.) в дальнейшем может зависеть качество проведенного исследования.

Рассмотрим особенности работы со следами биологического происхождения на примере осмотра места происшествия по факту взрыва (подрыв банкомата)¹, так как количество таких происшествий неуклонно растет [2, 3].

Для повышения эффективности проведения следственных действий следственно-оперативными группами в составе следователей, оперативных работников, инспекторов-криминалистов и иных специалистов (по необходимости) отработан соответствующий алгоритм действий. Не будем подробно останавливаться на нем в данной публикации, лишь перечислим, что он включает в себя определение путей подхода и отхода преступников, обзор основных узловых участков, определение направлений поиска следов, их правильного последующего выявления, обнаружения, фиксации и изъятия. Данный этап рассмотрим более подробно, акцентируя внимание на обнаружении и изъятии следов биологического происхождения:

следует обращать внимание не только на следы на месте взрыва, но и на следы и предметы, находящиеся на путях подхода / отхода преступников. Например, с тыльной стороны здания преступниками была повреждена видеокамера наружного наблюдения. Одной из версий, вы-

¹ Собственный опыт автора участия в следственно-оперативной группе в качестве эксперта-биолога при проведении осмотра места происшествия.

двинутых следователем, было ее повреждение с помощью фрагмента древесины большого размера. Участниками СОГ было принято решение не изымать фрагмент древесины, с целью дальнейшего молекулярно-генетического исследования в целом виде (большие габариты предмета, необходимость упаковки объекта большого размера и т. п.), а определить участки вероятного контакта, провести с них смывы и упаковать каждый из них отдельно;

особое значение имеют все следы (например, как пригодные, так и непригодные для идентификации следы пальцев рук). При осмотре корпуса поврежденного банкомата инспектором-криминалистом были обнаружены один пригодный и один непригодный следы пальцев рук (выявлены на экране и на внешний накладке передней поверхности банкомата, соответственно). Пригодный был изъят с помощью дактопленки и направлен на дактилоскопическую экспертизу. С непригодного следа был сделан смыв для последующего молекулярно-генетического исследования;

должны быть проверены все места, где предположительно могут остаться следы преступника. Важным с этой точки зрения является место проникновения в помещение. В данном случае проникновение происходило путем разбивания оконного стекла, расположенного рядом со входом. На стекле обнаружены и изъяты пригодные для идентификации следы пальцев рук, из непригодных следов были сделаны смывы. Также были сделаны смывы с поверхности банкомата, а именно, с поврежденной шторки купюровыдавателя, которая вероятно была деформирована преступником во время помещения взрывчатки внутрь;

осмотру подлежат все обнаруженные предметы на наличие возможных следов. На корпусе поврежденного банкомата обнаружены обломки взрывчатки. Эпицентр взрыва имел высокую температуру действия, поэтому элементы взрывчатки не могут нести на себе пригодные биологические следы, но в данном случае был обнаружен фрагмент рычага взрывателя без следов копоти. Было вынесено предположение о наличии биологической информации на нем, поэтому на месте было решено провести смывы для дальнейшего молекулярно-генетического исследования. Смывы упакованы отдельно от взрывателя с целью дальнейшего проведения различных экспертиз.

Таким образом, корректный подход к каждому предмету, обнаруженному на месте осмотра, взвешенный анализ при изъятии позволит выделить только ту следовую информацию, которая даст положительный результат при исследовании. Нецелесообразно изъятие с места происшествия большого количества предметов в целом виде, особенно крупногабаритных, имеет смысл привлечь инспекторов-криминалистов для получения разнообразной следовой информации с них (волокна, кровь,

волосы, следы пальцев рук и пр.). Также стоит ограничить изъятие предметов, которые несут на себе информацию большого количества людей (дверные ручки помещений, клавиатуры), так как они не дадут возможность получить положительный результат при дальнейшей идентификации, а приведут к бесполезному расходованию времени экспертов, государственных средств и затягиванию сроков расследования.

1. Криминалистическое исследование ДНК: технологии и возможности : учеб. пособие / Р.Л. Степанюк [и др.]. Харьков, 2019.

2. В Харькове подорвали банкомат ПриватБанка [Электронный ресурс] // Финансовый клуб : сайт. URL: <https://finclub.net/ua/news/u-kharkovi-pidirvaly-bankomat-pryvatbanku-202005141507.html>.

3. В Харькове злоумышленники подорвали банкомат и выкрали почти 2 млн. гривен [Электронный ресурс]. Західна інформація корпорація : сайт. URL: https://zik.ua/news/crime/u_kharkovi_zlovmysnyky_pidirvaly_bankomat_i_vykraly_maizhe_2 mln_hryven_965046.

УДК 343.98

Д.Н. Лозовский

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

В настоящее время серьезную угрозу для безопасного функционирования железнодорожного транспорта представляют преступления, связанные с посягательством на объекты транспорта, а также совершаемые в сфере грузовых и пассажирских перевозок.

Последствия совершения преступлений на объектах транспорта особенно опасны. Разукomплектование подвижного состава, повреждение устройств сигнализации, централизации, автоблокировки, электроснабжения приводят к значительным задержкам времени следования поездов, которые, в свою очередь, влекут потери в других хозяйственных отраслях России [1, с. 6].

Имеют место случаи хищений с объектов железнодорожного и водного транспорта изделий, содержащих цветные металлы, разукomплектования систем автоматики, демонтажа контактных проводов и кабелей, совершаемые несовершеннолетними.

Результативность раскрытия преступлений на объектах транспорта может быть достигнута на основе комплексного подхода к решению задачи использования в борьбе преступностью всех сил и средств ОВД.

Планируя ОРМ по проверке версий, сотрудник уголовного розыска должен предусмотреть, какие мероприятия необходимо провести в первую очередь и в какие сроки. Практика показывает, что после неотложных мер (преследование преступника по горячим следам, перекрытие возможных путей его отступления, а также мест вероятного сбыта похищенного имущества) целесообразно предусмотреть мероприятия и другие действия, проведение которых требует длительного времени. Предпочтение следует отдавать тем ОРМ, результаты которых могут иметь существенное значение одновременно для проверки всех или нескольких версий либо указывают на необходимость сосредоточения усилий или большего внимания на одной из них.

Осуществляя ОРМ по раскрытию краж цветных металлов, грузов и других преступлений на транспорте, совершенных подростками, сотрудник оперативного подразделения, закрепленный по линии несовершеннолетних, работает личным сыском, имеющим четко выраженный разведывательно-поисковый характер, который заключается в применении приемов и способов распознавания лиц, представляющих оперативный интерес для ОВД, по приметам и признакам поведения, а также похищенного имущества.

Применяя личный сыск, сотрудник должен руководствоваться прежде всего положением ст. 73 УПК РФ, согласно которой при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности.

Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Следующим требованием, предъявляемым к сведениям, полученным в процессе личного сыска, является достоверность.

Изучение практики показывает, что большую часть сведений сотрудник ОВД получает в ходе непосредственного наблюдения, и они в силу этого не нуждаются в дополнительной проверке.

Однако в ряде случаев достоверность информации, полученной от других лиц, требует тщательной проверки. Поступившие от них данные могут не соответствовать действительности по субъективным причинам, например в результате добросовестного заблуждения.

В процессе раскрытия преступления эффективен метод отождествления личности. Суть его заключается в выявлении лиц на основе установления их тождества по заранее известным свойствам и признакам. При этом важно учитывать, что первичная информация часто искажается ошибками в показаниях очевидцев преступления. Поэтому должны тщательно обрабатываться поступившие сведения, сопоставляться показания различных лиц и выясняться возможные ошибки в оценке тех или иных признаков преступления [2, с. 151].

На основе анализа информации должны выделяться наиболее существенные данные, обладающие «поисковым эффектом», к числу которых относятся, например, индивидуальные признаки внешности преступника. Одним из условий, обеспечивающих результативность отождествления личности, является правильное определение места и времени проведения оперативного поиска.

Проводя опрос, сотрудник полиции должен помнить, что полученные данные не являются судебными доказательствами, хотя имеют важное значение для расследования, обеспечения его быстроты, полноты и объективности. Для того чтобы они стали доказательствами по делу, эти данные должны быть закреплены путем проведения процессуальных действий [3, с. 440].

Повседневная деятельность сотрудников органов внутренних дел на транспорте всегда отличалась спецификой, неразрывно связанной с особенностями функционирования транспортного комплекса. Объекты железнодорожного, воздушного и водного транспорта очень динамичны, в круглосуточном режиме обеспечивают перевозку значительного количества пассажиров и грузов. Эти обстоятельства создают скоротечность изменения ситуации и влекут за собой особый подход к подготовке и организации работы следственно-оперативных групп (СОГ).

В любом территориальном органе МВД России первоначальная роль отводится оперативному дежурному ОВД, который при получении информации о правонарушении принимает меры по ее проверке всеми доступными способами с докладом ответственному из руководства.

От характера и обстоятельств совершенного правонарушения зависит принимаемое руководителем (ответственным из руководства) решение о виде и составе СОГ, порядке выезда на место происшествия для установления причин и сбора первоначального материала [4, с. 239].

Профессиональные действия каждого сотрудника определяют полноту проверки и возможность установления виновных лиц в кратчайший срок. Из-за необходимости использовать транспорт возникают различного рода трудности в процессе комплектования и организации работы СОГ, например при одновременном совершении преступлений

в разных местах, при значительной удаленности места преступления от линподразделения и при отсутствии штатных экспертов.

В случаях отсутствия в штатном расписании линподразделений сотрудников экспертно-криминалистических подразделений полиции при необходимости для усиления состава СОГ данная категория сотрудников направляется из головного подразделения в подчиненные линорганы либо с этой целью временно привлекаются сотрудники территориальных органов.

Опыт профессионально грамотных сотрудников полиции свидетельствует о том, что успеха в раскрытии преступлений, совершенных на объектах транспорта, они во многом добиваются благодаря опросу граждан, который представляет собой сбор оперативно-профилактической информации в процессе непосредственного общения сотрудника полиции с гражданами. Проведением опроса решаются следующие задачи по раскрытию преступлений: выявление признаков преступления и лиц, причастных к его совершению, а также граждан, владеющих какой-либо информацией о совершенном преступлении; выявление мест хранения орудий преступления и предметов, добытых преступным путем, и т. п.

1. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершенных на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2017.

2. Смирнов И.А., Королёв Ю.Ф. Проблемы и перспективы института содействия граждан оперативным подразделениям // Закон и право. 2016. № 7. С. 150–156.

3. Шахматов А.В. Организационные аспекты выявления преступлений оперативными подразделениями ОВД // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2019 : сб. науч. тр. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Гатчина, 2019. С. 439–443.

4. Князьков А.С. Тактико-криминалистические задачи расследования следственно-оперативной группой многоэпизодной преступной деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 238–242.

УДК 343.985

О.И. Локтевич

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ

Современные технологии внесли существенные изменения во все сферы жизнедеятельности общества. Уголовный процесс в данном случае не является исключением. Так, например, в январе 2016 г.

в УПК Республики Беларусь введена ст. 224¹ «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи»¹. В тоже время, несмотря на предоставленную законодателем возможность обеспечения оперативного дистанционного общения участников уголовного процесса, в практической деятельности данная норма применяется достаточно редко. Объясняется это рядом следующих обстоятельств: несовершенством правового регулирования данного вопроса; отсутствием должной технической оснащенности практических подразделений; недостаточной теоретической подготовкой сотрудников по данному вопросу; трудоемкостью процесса подготовки к проведению следственного действия; боязнью сотрудников допустить нарушения порядка его проведения, которые будут зафиксированы на видеозаписи, и др.

Изложенное позволяет утверждать, что максимальное использование достижений научно-технического прогресса возможно в том случае, если следователь в полной мере владеет теоретическими и правовыми основами проведения следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС).

Согласно классическому подходу тактика любого следственного действия включает в себя подготовительный этап, рабочий этап и заключительный этап.

На этапе подготовки к проведению следственного действия следователь принимает решение об использовании ВКС, определяет для себя цели и задачи, выстраивает мысленную модель предстоящего действия. Именно на данном этапе следователь оценивает целесообразность проведения следственного действия с использованием ВКС, а также преимущества, которые ему может предоставить их использование (в зависимости от обстоятельств уголовного дела это может быть оперативность получения информации, получение информации в принципе, обеспечение безопасности участников, высокая точность запечатления происходящего и др.).

Далее осуществляется непосредственное планирование проведения следственного действия с использованием ВКС, в ходе которого необходимо обратить внимание на процессуальный, информационный, тактический, организационный, материально-технический и психологический аспекты.

¹ Применение данных систем в уголовном процессе предусмотрено также рядом международных договоров, участником которых является Республика Беларусь (Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.; Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и др.).

Процессуальный аспект связан с тем, что проведение следственных действий с использованием ВКС регламентировано законом, т. е. при планировании должны быть учтены все требования УПК. Особенностью является необходимость направления поручения об оказании содействия в проведении следственного действия в порядке ч. 4 ст. 184 УПК или ч. 7 ст. 36 УПК (ч. 2 ст. 224¹ УПК). В поручении кроме прочего должны быть обоснованы причины, по которым применяется ВКС, а также решены вопросы о порядке уведомления участников о проведении следственных действий с ВКС¹; обеспечении их явки к месту проведения следственного действия с использованием ВКС; обеспечении участия иных лиц в соответствии с требованиями УПК (педагога, психолога и т. д.). Должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, обязано фиксировать ход и результаты следственного действия используемыми техническими средствами с его одновременной видеозаписью, а также отражать их в протоколе следственного действия (ч. 5 ст. 224¹ УПК).

Информационный аспект включает в себя анализ информации ориентирующего характера об участниках следственного действия. Немаловажное значение приобретает учет психологических особенностей как участников следственного действия, так и указанного должностного лица и самого следователя².

Тактический аспект подразумевает, что результаты следственного действия должны объективно отражать обстоятельства совершенного преступления и в дальнейшем быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

План должен включать в себя указания на необходимые тактические приемы проведения следственного действия с использованием ВКС и фиксации его хода и результатов, последовательность их применения с учетом прогнозирования линии поведения участников следственного действия.

Организационный аспект связан в первую очередь с определением места и времени предстоящего следственного действия. Он включает в себя предварительное решение вопроса о возможности обеспечения надлежащего качества аудио- и видеосвязи (при необходимости предварительно согласовываются время, место и условия проведения следственного действия с подразделением (органом, организацией), имеющим возможность предоставить услуги ВКС), а также решение вопроса

¹ Например, в случае применения мер безопасности вызов участников осуществляется через орган, которому поручалось применение таких мер (ч. 5 ст. 192 УПК).

² В этой связи в настоящее время в криминалистике широко используются данные общей и судебной психологии.

о необходимости привлечения специалиста, который отвечает за техническое сопровождение сеанса связи.

Необходимые подготовительные мероприятия, носящие обеспечивающий характер, включают в себя предварительную оценку места проведения следственного действия, определение точек для обеспечения сеанса ВКС и осуществления видеозаписи, предоставление всем участникам возможности наблюдать за ходом следственного действия, задавать вопросы, реализовывать свои права и др. Для этого целесообразно произвести запуск системы ВКС и осуществить пробную запись сеанса. Также следует провести инструктаж с участниками следственного действия, в ходе которого установить психологический контакт, в доступной форме разъяснить порядок проведения следственного действия и правила поведения при его проведении с ВКС, разъяснить права и обязанности и др.

Материально-технический аспект включает в себя определение технических средств, которые будут использоваться, оценку их состояния, их подготовку (в том числе подготовку съемных носителей информации и средств для осуществления непрерывной видеозаписи). Обязательно следует осуществлять предварительную проверку комплектности, исправности, наличия источников питания, свободной памяти на носителях и т. д.

Психологический аспект планирования связан с тем, что дисциплинирует самого следователя, активизирует его внимание и память, способствует принятию взвешенных решений и контролю своих действий.

На рабочем этапе происходят непосредственная реализация заранее намеченного плана и решение поставленных задач, т. е. осуществляется фактическое проведение следственного действия с использованием ВКС по общим правилам, предусмотренным нормами УПК (с учетом особенностей положений ст. 224¹ УПК).

Так, при проведении следственного действия с использованием ВКС после запуска системы следователю необходимо назвать себя, представить должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, а также обозначить статус участников следственного действия и их местонахождение, после чего попросить их представиться¹. Далее следователь сообщает о том, какое следственное действие по какому уголовному делу проводится, называет дату и время проведения следственного действия, разъясняет участникам их права и обязанности в соответствии с нормами УПК². После этого следователь проводит следственное действие. Далее он сообщает, что по его окончании будет составлен про-

¹ Должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, обязано непосредственно удостовериться в личности участников следственного действия.

² О том, что права и обязанности участникам понятны, в протоколе učinяется подпись.

токол, продемонстрирована видеозапись, которую затем копируют на носитель информации и приобщают к материалам уголовного дела.

Заключительный этап включает в себя стадию фиксации результатов следственного действия и стадию их оценки.

Протокол следственного действия составляет должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия. В нем обязательно указываются данные о следователе, который провел следственное действие, и о должностном лице, составившем протокол; сведения о применении технических средств и об уведомлении об этом участников следственного действия; время начала и окончания сеанса ВКС; сведения о полном воспроизведении видеозаписи по окончании следственного действия, о поступивших вопросах, замечаниях и дополнениях. Указываются также сведения об электронном носителе информации, способе его упаковки и опечатывания. Протокол и электронный носитель направляются следователю для приобщения к уголовному делу.

На стадии оценки полученных результатов проводится анализ проделанной работы, основная цель которого – решение вопроса о значимости полученной информации для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также о направлениях дальнейшего использования полученной информации. Оценке подвергается и протокол как итоговый документ, составленный по результатам проведения данного действия.

Таким образом, нами рассмотрены подготовительный, рабочий и заключительный этапы проведения следственных действий с использованием ВКС. Полагаем, что данные рекомендации, адресованные следователям, будут способствовать активному применению ВКС в практической деятельности, что, в свою очередь, поспособствует оптимизации досудебного производства в части сокращения сроков и снижения затрат на его проведение.

УДК 343.985

Д.Е. Любишкин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Следователи-криминалисты принимают непосредственное участие в следственных действиях, планировании и организации, координации работы с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность; анализируют работу по рассмотрению сообщений и расследо-

ванию уголовных дел коррупционной направленности; разрабатывают меры по ее совершенствованию.

Умелое применение сотрудниками современной криминалистической (специальной) техники при проведении следственных действий по уголовным делам указанной категории позволило получить неопровержимые доказательства, которые в последующем послужили основаниями для привлечения виновных лиц к ответственности.

В рамках межведомственного взаимодействия налажено оперативное получение сведений (о физических и юридических лицах, транспортных средствах и т. д.) из официальных информационных ресурсов государственных органов исполнительной власти и иных организаций, значимых при расследовании уголовных дел.

Высокую эффективность при расследовании уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности имеют результаты осмотров цифровых носителей информации с использованием передовых методов (Jtag, Chip-off, ISP) извлечения информации из электронных устройств путем прямого считывания данных из микросхем памяти. Нередко для достижения необходимых результатов производилась полная разборка электронных устройств, а также восстановление их работоспособности.

Например, по уголовному делу, возбужденному по фактам получения взяток, проведен осмотр ноутбука обвиняемого, и обнаружены процессуальные документы, послужившие доказательствами его причастности к получению взятки. Кроме того, в ходе осмотров детализаций телефонных соединений обвиняемых получены сведения, позволившие отыскать новые доказательства по делу. В рамках межведомственного взаимодействия по данному делу произведена проверка обвиняемых по банку данных «Следопыт-М», в результате получены сведения о наличии у обвиняемых транспортных средств, на которые впоследствии был наложен арест.

Так, для участия в производстве следственных действий с использованием аппаратно-программного комплекса «Сегмент-С» привлекаются криминалисты. Указанный программный комплекс помогает установить сведения о базовых станциях сотовой связи, обслуживающих участки местности в момент совершения преступления, и позволяет провести анализ детализации соединений абонентов.

Использование возможностей цианакрилатной камеры позволяет выявить, на каких-либо предметах (невидимых человеческому глазу) оставлены потожировые следы рук человека, пригодные для идентификации личности (например, на листе бумаги, в который были упакованы денежные средства, предназначавшиеся в качестве взятки).

Распространена также практика использования следователями-криминалистами мобильного аппаратно-программного комплекса UFED (в частности, для осмотра мобильных телефонов). Данная работа позволяет выявлять новые, ранее неизвестные следствию эпизоды преступной деятельности (например, получение взяток).

Кроме аппаратно-программного комплекса UFED следователями-криминалистами используется специализированное программное обеспечение «R-Studio» для восстановления уничтоженных объектов с электронных носителей.

Так, по уголовному делу о получении взятки проведен осмотр предмета – флеш-карты видеорегистратора. Проведение осмотра с использованием указанного программного комплекса позволяет установить ранее удаленные видеозаписи, фиксирующие факт получения взятки.

По делам рассматриваемой категории следователи-криминалисты применяют и другие криминалистические средства, находящиеся в их распоряжении.

Так, в ходе осмотра предметов с применением источника экспертного света на денежных купюрах, полученных в виде взятки, обнаружены следы специальных химических веществ, идентичные ранее представленным оперативными сотрудниками, что было подтверждено в результате проведенной по уголовному делу судебно-химической экспертизы.

В практике криминалистического сопровождения расследования преступлений коррупционной направленности возникает необходимость комплексного использования криминалистической техники в ходе следственных действий.

Для этого оказывается практическая и методическая помощь в выполнении ряда неотложных следственных действий. Например, при осмотре места происшествия использование источника криминалистического света, средств фотофиксации, обнаружителя скрытых видеокamer «Оптик-2» позволило зафиксировать и изъять денежные средства, полученные в качестве взятки.

Кроме того, криминалистическое сопровождение расследования уголовных дел коррупционной направленности заключается в оказании соответствующей методической помощи.

В указанных целях в следственные органы Следственного комитета направлены методические рекомендации, посвященные вопросам защиты имущественных прав граждан, организаций и государства при расследовании коррупционных преступлений; взаимодействия следственных органов с органами Росфинмониторинга и Росреестра (в том числе при установлении имущества граждан и организаций, подлежащего аресту для обеспечения заявленных гражданских исков); проверки

результатов ОРД на предмет законности их получения, в том числе на предмет возможных фальсификаций материалов ОРД и провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов; расследования преступлений против интересов службы в органах местного самоуправления, а также совершенных должностными лицами, уполномоченными на осуществление государственного и муниципального контроля и др.

В рамках изучаемого вопроса следует сказать об экспертном сопровождении. В частности, экспертное сопровождение расследования уголовных дел коррупционной направленности выражалось в проведении необходимых психофизиологических исследований на полиграфе, компьютерно-технических экспертиз и иных исследований.

Например, по уголовному делу при оказании практической помощи по материалу доследственной проверки в отношении сотрудника ГИБДД, по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, было проведено исследование на полиграфе. Его результаты позволили сделать вывод о том, что подозреваемый неоднократно получал денежные средства в виде взятки за беспрепятственный проезд грузовых автомобилей с крупногабаритными грузами. По итогам полиграфического исследования, после установления психологического контакта с обследуемым подозреваемый склонился к даче признательных показаний по уголовному делу.

Благодаря компьютерно-техническому исследованию, проведенному по уголовному делу также о получении взяток, в результате анализа большого количества транзакций обнаружены денежные переводы между интересующими следствием лицами, установлена их общая сумма.

Важным элементом криминалистического сопровождения расследования должностных и коррупционных преступлений является надлежащее взаимодействие следователя с органами, осуществляющими ОРД, особенно на первоначальном этапе выявления взяточничества. С учетом этого представляется актуальным совершенствование правовой основы такого взаимодействия (в частности, предоставление следователю возможности контролировать исполнение данных им поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), законодательное закрепление полномочий следователя по ознакомлению с материалами ОРД). В этом отношении может быть полезен зарубежный опыт государств – бывших союзных республик. Например, право следователя на ознакомление с материалами ОРД.

Итак, в повышении качества расследования уголовных дел коррупционной направленности особое значение имеет профессиональная подготовка следователей и сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, тщательное изучение и объективная оценка следственными

работниками поступивших результатов ОРД, разработка алгоритмов их взаимодействия в типовых ситуациях выявления и расследования коррупционных преступлений, при необходимости их закрепление в межведомственных организационно-распорядительных документах.

УДК 343.985

Н.И. Малыгина

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Установление лица, совершившего преступление, является первоочередной задачей в деятельности правоохранительных органов. В криминалистической науке данные вопросы в зависимости от объекта исследования рассматриваются прямо или опосредованно практически в каждой работе.

Например, разработка теоретико-прикладных положений о работе со следами на месте происшествия непосредственно связана с исследованием вопросов моделирования поведения преступника, выявления оставленных им следов, прогнозирования его дальнейших возможных действий и т. д. Рассмотрение проблем тактики назначения судебных экспертиз позволяет в том числе определить возможности экспертных исследований в установлении личностных особенностей искомого лица. В более полном объеме вопросы установления лица, совершившего преступление, исследуются в работах, посвященных проблемам методик расследования преступлений, что, соответственно, нашло свое отражение в определении этапов деятельности по установлению преступника.

Традиционно в криминалистике установление лица, совершившего преступление, рассматривается как процесс выявления и изобличения преступника в ходе предварительного расследования без учета стадии судебного разбирательства дела. В частности, В.А. Образцов, отразив общепринятое понимание данного вопроса, под установлением преступника определил «осуществляемую в процессуальном и непроцессуальном режимах путем производства следственных, оперативно-розыскных и организационных действий поисково-познавательную деятельность (ППД) уполномоченных на то законом должностных лиц правоохранительных органов, позволяющую получить на доказательственной основе ответ на вопрос, кем совершено расследуемое преступление, и обеспечить уголовное преследование виновного лица» [1, с. 8].

Такое представление сущности процесса установления лица, совершившего преступление, является дискуссионным, и, полагаем, обусловлено в первую очередь неоднозначным толкованием в криминалистике самого термина «лицо, совершившее преступление».

В контексте криминалистических исследований данный термин широко используется при разработке вопросов установления качеств неизвестного преступника, а также изучения конкретных процессуальных фигур – подозреваемого, обвиняемого и др., что и порождает терминологическую несогласованность и двусмысленность понимания процесса установления лица, совершившего преступление.

Представляется, что термин «лицо, совершившее преступление» не следует отождествлять с конкретным человеком, который выступает в качестве вышеуказанной определенной процессуальной фигуры, поскольку подобное определение обуславливает нарушение принципа презумпции невиновности.

Использование в научном обороте термина «лицо, совершившее преступление» достаточно условно, и в криминалистике, по нашему мнению, допустимо употреблять в двух случаях: когда преступник неизвестен (не установлен) и когда преступник известен (установлен).

В первом случае термин может применяться для обозначения криминалистической модели неизвестного преступника, создание которой осуществляется в процессе расследования преступления, параллельно с изучением подозреваемого, обвиняемого; во втором случае – для определения криминалистической модели преступника, построенной на основе изучения эмпирических данных о лицах, совершивших преступление.

По данному вопросу следует указать и результаты опроса 52 следователей, большинство из которых (41 чел.) усматривают четкое разграничение понятий (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, лицо, совершившее преступление) и считают, что под лицом, совершившим преступление, следует понимать либо искомого преступника, либо установленного в законном порядке субъекта преступления, что подтверждает наши выводы.

Проецируя изложенные положения на проблему определения сущностного содержания процесса установления лица, совершившего преступление, в криминалистике, следует отметить, что в целостной системе процесс установления данного лица может быть разработан только с учетом стадии судебного разбирательства дела. Ограничение данного вида деятельности только стадией предварительного расследования дает основания говорить лишь об установлении обвиняемого, а не лица, совершившего преступление. Начальной стадией деятельности по установлению лица, совершив-

шего преступление, является досудебная стадия уголовного судопроизводства, конечной – стадия судебного разбирательства дела.

Разработка положений о деятельности по установлению лица, совершившего преступление, с учетом указанных предложений во многом определяется необходимостью создания основ криминалистического изучения подсудимого, которые сегодня находятся лишь на стадии становления [2]. При этом в имеющихся разработках имеет место необоснованное отождествление подсудимого с лицом, совершившим преступление. Такой подход к созданию теоретико-прикладных положений по рассматриваемой проблематике, на наш взгляд, может негативно отразиться на эффективности применения предлагаемых рекомендаций по изучению подсудимого [3]. Ранее нами отмечалось о необходимости разграничения криминалистических учений о лице, совершившем преступление (неизвестном преступнике), подозреваемом, обвиняемом и подсудимом, что обуславливается специфическими целями, задачами, методами, средствами, методиками их изучения [4]. Именно такой ракурс исследования позволит разработать теоретические положения и практические рекомендации, отражающие особенности криминалистического изучения вышеперечисленных субъектов.

Таким образом, рассмотрение в криминалистике деятельности по установлению лица, совершившего преступление, не следует ограничивать только стадией предварительного расследования. Факт установления лицом, совершившим преступление, является итогом судебной исследовательской деятельности. Именно поэтому стадия судебного разбирательства дела должна определяться как конечная стадия процесса установления совершившего преступление лица. Развитие данного направления в том числе будет способствовать пересмотру и совершенствованию ранее разработанных положений криминалистической методики.

1. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997.

2. Кисленко С.Л. Использование прокурором данных о личности подсудимого в процессе поддержания государственного обвинения // Законность. 2019. № 10. С. 30–33.

3. Кисленко С.Л. Роль криминалистической классификации и типизации подсудимых в формировании криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения в суде // LEX RUSSICA. 2020. № 4. С. 69–83.

4. Малыхина Н.И. Вопросы формирования криминалистического учения об участниках криминального события // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы межд. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуж. деят. науки РФ, заслуж. юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Н.П. Яблокова, Москва, 22 дек. 2015 г. М., 2015. С. 84–88.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ФИСКАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Легализация (отмывание) преступных доходов представляет собой угрозу экономической стабильности любого государства. В 2019 г. Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ) произведено изучение в Республике Беларусь национальной системы противодействия отмыванию криминальных средств и финансированию терроризма, о чем подготовлен соответствующий отчет (Отчет взаимной оценки Республики Беларусь 2019 // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/4.1_Отчет%20%20ОВО_рус%20\(den%20version\).pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/4.1_Отчет%20%20ОВО_рус%20(den%20version).pdf) (дата обращения: 01.10.2020)). Изучение производилось на предмет законодательного и институционального соответствия Республики Беларусь международным стандартам ФАТФ. В отчете проанализированы угрозы и определены риски, характерные для Республики Беларусь, связанные с противодействием легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового поражения, действующих в Республике Беларусь.

Так, уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 243 УК Республики Беларусь, представляет наибольшую опасность как предикатное преступление, в результате которого образуются криминальные доходы, впоследствии вводимые в легальный оборот. И это неслучайно, потому что исторически так сложилось, что первые факты отмывания грязных средств были как раз связаны с легализацией денег, образуемых от неуплаты налогов.

В государстве наибольшую часть ее доходов составляют налоговые и иные обязательные платежи. От того, настолько эффективно и полно будет исполняться республиканский бюджет по доходам, зависит экономическая безопасность страны. Общественная опасность легализации преступных денег, укрытых от поступления в бюджет, заключается в первую очередь в том, что предметом этого правонарушения являются средства, по закону принадлежащие государству, а не полученные в результате незаконного оборота наркотических средств, например.

Задачами фискальных и правоохранительных органов будут являться предотвращение уклонения от уплаты налогов и сборов, принуждение плательщиков к выполнению возложенных на них налоговых обязательств, избличение финансовых и экономических схем, позволяющих совершать правонарушение и т. д. Является также задачей и установление фактов «отмывания» доходов, полученных от неуплаты налогов и сборов, потому что хозяйствующий субъект для обеспечения дальнейшего развития своего бизнеса пытается придать незаконно полученным средствам легально полученный вид. Потребность в сокрытии источника происхождения преступных средств возникает и когда хозяйствующий субъект осуществляет внешнеэкономическую деятельность с контрагентами, расположенными в странах, где законодательно жестко требуется подтверждение законности источника происхождения поступающих в финансовые учреждения средств.

Основная масса рассматриваемых правонарушений связана с нарушением налоговой и бухгалтерской отчетности, неполным отражением в учете хозяйственных операций, применением схем необоснованного возмещения налога на добавленную стоимость, занижением таможенных стоимостей ввозимого или вывозимого товара, отражением в налоговых декларациях необоснованных расходов (убытков); выплатой заработной платы «в конвертах» и др.

Анализ финансово-хозяйственной деятельности плательщиков налогов и сборов и возможности их участия в «отмывании» преступных доходов в основном осуществляется органами Министерства по налогам и сборам в ходе налогового контроля. Изучается сам налогоплательщик, его финансовые потоки и логика ведения бизнеса, анализируются сделки, оказывающие отрицательное влияние на налоговую нагрузку налогоплательщика, проверяются и исследуются его контрагенты. Подозрительным являются запутанные сделки, имеющие необычный характер, не имеющие очевидного экономического смысла, несоответствие сделок целям деятельности организации, установленной учредительными документами, неоднократное совершение операций или сделок, чей характер дает основание полагать, что целью является запутывание следов сделки. Высокий критерий оценки риска «отмывания» преступных доходов могут вызывать контрагенты, осуществляющие минимальные отчисления в бюджет, содержащие небольшой штат работников, не имеющих основной материально-технической базы, либо организации-нерезиденты, в том числе находящиеся в офшорных центрах.

Политика государства в эффективном противодействии легализации криминальных средств должна базироваться не только на выявлении и

расследовании таких правонарушений, но и на системном и комплексном пресечении и нейтрализации незаконной деятельности налогоплательщиков, в результате которой не только недополучает республиканский бюджет, но финансируется криминальный бизнес. Эффективным представляется усиленное взаимодействие между фискальными и правоохранительными органами в части выявления потенциальных случаев легализации преступных доходов в рамках организации и проведения налоговых и иных проверок. Такое взаимодействие может включать в себя:

взаимное предоставление информации и документов, необходимых для установления связи операции с легализацией преступных доходов, предикатным преступлением, образующим такие средства;

принятие мер к возможному «замораживанию» преступных активов с целью их последующей конфискации;

исполнение запросов и предоставление информации, содержащейся в базах данных правоохранительных и фискальных органов;

информирование о причинах и условиях, способствующих легализации криминальных доходов;

обмен статистическими, аналитическими и справочными материалами, методическими рекомендациями, представляющими взаимный интерес.

Должностные лица правоохранительных и фискальных органов, взаимодействующие в сфере противодействия легализации преступных доходов должны обеспечивать сохранность сведений, ставших им известными, составляющих государственную, служебную, банковскую, налоговую, коммерческую тайну.

Таким образом, легализация (отмывание) средств, полученных в результате уклонения от уплаты налогов и сборов, имеет опасное воздействие на правоохраняемые интересы государства. Обеспечение поступления в бюджет всех подлежащих внесению в него платежей, являющихся источником финансовой деятельности государства и противодействие «отмыванию» средств, образуемых вследствие неуплаты налогов и сборов, приобретает приоритетное направление деятельности фискальных и правоохранительных органов. Данные государственные органы, вовлеченные в национальную систему противодействия легализации доходов, полученных преступным путем не только должны понимать риски и угрозы, связанные с отмыванием грязных средств для государства в целом и для мирового сообщества, но и принимать адекватные меры по их управлению. Взаимодействие фискальных и правоохранительных органов в противодействии отмыванию доходов, полученных в результате налоговых предикатных правонарушений должно носить системный и комплексный характер в целях реализации стратегии экономической безопасности государства.

ВЛИЯНИЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИХ НА ТАКТИКУ ДОПРОСА

Допрос относится к числу следственных действий, производство которого направлено на решение задач, обусловленных целями и задачами расследования. Определяя цель допроса как получение от допрашиваемого информации, которая необходима для раскрытия и расследования преступлений, О.Я. Баев предлагал следующую классификацию допрашиваемых: «а) допрашиваемый обладает искомой информацией, может и желает объективно и полно эту информацию передать следователю; б) допрашиваемый обладает искомой информацией, желает объективно и полно передать ее следователю, однако мог воспринять ее с неумышленными искажениями или также неумышленно исказить ее, передавая следователю; в) допрашиваемый обладает искомой информацией, но умышленно скрывает или искажает ее; г) лицо не обладает искомой информацией, но следователь ошибочно полагает, что допрашиваемый умышленно скрывает такую информацию» [1, с. 96]. Рассматривая данную градацию применительно к типологизации потерпевших, отметим, что ко второй группе допрашиваемых могут быть отнесены малолетние и несовершеннолетние потерпевшие, потерпевшие, страдающие психическими заболеваниями, наркоманией, алкоголизмом, которые и воспринимают информацию с искажениями, и передают ее, допуская неточности. В третью группу можно включить виктимных потерпевших, ранее судимых потерпевших, потерпевших, являющихся должностными лицами, потерпевших, находящихся в родственных отношениях.

Предмет допроса определен действующим законодательством и включает в себя обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ): событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Необходимо отметить, что

обстоятельства predeterminedены видом совершенного преступления. Следовательно, по каждому виду преступления предмет допроса потерпевшего будет претерпевать изменения с точки зрения характера информации, которой он обладает. В этой связи целесообразно разрабатывать алгоритмы допроса потерпевших по различным методикам расследования, используя типологизацию потерпевших в зависимости от категории преступления. В принципе, специальная литература в течение длительного времени идет именно по этому пути, акцентируя внимание при рассмотрении методики расследования конкретного вида преступления на специфике обстоятельств, подлежащих установлению в ходе допроса, и вопросах, которые могут быть поставлены потерпевшему в целях детализации и уточнения показаний. При этом потерпевший может выступать одновременно носителем и источником информации по указанным обстоятельствам. Однако объем известных ему сведений не всегда позволяет охарактеризовать информацию в полном объеме. Это может быть обусловлено ситуацией, при которой потерпевший воспринимает подозреваемого и скоротечностью времени, в течение которого совершается преступление. Вместе с тем при допросе потерпевшего недопустимо ограничиваться только теми обстоятельствами, о которых говорит допрашиваемый. Качество допроса зависит от активности следователя, от принятия законных мер, направленных на полное выяснение обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Проведению следственного действия предшествует принятие решения о его производстве. Решение следователем вопроса о проведении допроса потерпевшего включает в себя: 1) проверку фактических оснований для проведения допроса. Она базируется на сведениях, содержащихся в материалах уголовного дела. «Принятию решения, особенно в условиях неопределенности, всегда предшествует исследование, мысленное воспроизведение и оценка конкретной ситуации, в которой действует следователь» [2, с. 28–37]; 2) удостоверение в отсутствии правовых ограничений для проведения следственного действия: в отношении потерпевшего – п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК. Основным доводом в пользу проведения допроса является объективная необходимость получения доказательств по делу; 3) определение целесообразности проведения допроса. Тактические аспекты связаны с определением уровня тактического риска. Тактический риск существенно возрастает при допросе малолетних, несовершеннолетних, виктимных, судимых ранее потерпевших; 4) осмысление тактических вопросов проведения следственного действия (места, времени и др.).

Место производства допроса потерпевшего в процессе расследования определяется целями допроса, сложившейся следственной ситуацией. Так, ч. 1 ст. 187 УПК РФ указывает, что допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого. Необходимо обратить внимание, что потерпевших чаще всего допрашивают в стационарах учреждений здравоохранения. Кроме того, если потерпевший является малолетним, его могут допросить в детском дошкольном учреждении. Если несовершеннолетний находится в подростковом возрасте, то его желательно допрашивать в кабинете следователя в целях оказания на него дисциплинирующего воздействия. При подготовке к допросу должны быть предприняты меры, направленные на уменьшение эмоционального напряжения потерпевшего, так как оно может оказать существенное воздействие на процесс воспоминания и воспроизведения. При этом необходимо исключить постороннее влияние на потерпевшего со стороны присутствующих в кабинете следователя лиц. Кроме того, необходимо исключить фактор случайной встречи у кабинета следователя потерпевшего и подозреваемого, или иных лиц. Подобные накладки могут крайне негативно повлиять на результаты допроса потерпевшего, который по причине страха может замкнуться. Такие факторы следует рассматривать как психологическое воздействие на потерпевшего. В подобной ситуации следует применять типологизацию потерпевших по возрасту, по психическому состоянию, в зависимости от категории преступлений и вида причиненного вреда.

На выбор времени производства допроса существенное влияние оказывает типологизация потерпевших по категории преступления, вид причиненного вреда, возрастной критерий, состояние здоровья, способ воздействия, количественный состав потерпевших. Временные рамки производства допроса определены ст. 164, 187 УПК РФ: производство следственных действий не допускается в ночное время за исключением случаев, не терпящих отлагательства; допрос не может длиться непрерывно более четырех часов (за исключением несовершеннолетних); продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов (допрос несовершеннолетних не превышает четырех часов). Законодатель в ст. 191 УПК РФ, закрепляя особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, устанавливает дополнительную временную периодизацию.

Таким образом, время можно рассматривать: 1) как этап расследования; 2) как время суток; 3) как продолжительность следственного действия. Так, если потерпевший находится в учреждении здравоохранения и по медицинским показаниям не может быть допрошен, то очевидно, что в данной ситуации необходимо ориентироваться на разрешение медработников, которые позволят провести допрос потерпевшего и определять ориентировочно его продолжительность.

По характеру происшедшего события можно выделить эмоционально нейтральное и психотравмирующее событие. Допросы потерпевших по психотравмирующим событиям желательно отсрочить на 3–8 дней от времени непосредственного восприятия события. При этом необходимо помнить, что, начиная с 15-го дня от момента восприятия, образ теряет свою четкость. Тем не менее следует согласиться с позицией авторов, полагающих, что предпочтительнее сократить срок от двух до четырех дней, так как показания потерпевшего крайне важны для организации расследования преступления, а зачастую являются единственным источником доказательств [3, с. 65]. В отношении эмоционально-нейтральных событий допрос можно осуществлять в любое время, отвечающее требованиям УПК РФ и исходя из тактических соображений.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что указанные рекомендации могут претерпеть свою направленность при применении их к адвентальным потерпевшим. Время пребывания последних на территории РФ ограничено сроком действия визы, поэтому при определении времени следователь должен ориентироваться на данное обстоятельство.

Таким образом, рассмотренные отдельные аспекты тактики допроса потерпевших позволяют прийти к выводу, что типологизация потерпевших существенным образом влияет на тактику допроса. Разработанные в специальной литературе рекомендации носят разрозненный характер и не отличаются наличием единого подхода к типологизации. Не являясь сторонником доктринальных умозаключений, полагаем, что при типологизации потерпевших в рамках частных методик расследования было бы правильно придерживаться единых требований, а не сводить типологизацию к банальному описанию потерпевшего, иногда не имеющего четкой структуры.

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий :учеб. пособие. Воронеж, 1995.
2. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 28–37.
3. Соловьев А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. М., 2002.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ УКРАИНЫ

Сегодня развитие беспилотных летательных аппаратов (БПЛА, дроны) переживает бурный рост во всем мире. На рынок этого сегмента новейшей техники выходят страны, которые ранее не осуществляли научной разработки и производства беспилотников, а именно: Иран, Норвегия, Пакистан, Польша, Сирия, Чехия. Бесспорными лидерами остаются США, Израиль, Германия.

Одними из первых начали использовать беспилотные летательные аппараты в правоохранительной деятельности полицейские США. В частности, Федеральное управление гражданской авиации (FAA) авторизовало уже 74 правительственных агентства по использованию БПЛА в воздушном пространстве страны, 17 из которых – правоохранительные. Наиболее известными среди них являются Montgomery County в Техасе, Mesa County Sheriff's Department в Колорадо и Grand Forks в Северной Дакоте. Разрешение FAA предоставило возможность правоохранительным органам задействовать дроны для детального обследования мест совершения преступлений и поиска пострадавших людей [1].

Полиция США использует БПЛА и в более сложных операциях, в частности, для видеонаблюдения за опасными преступниками. Так, в июне 2018 г. компания Axon объявила, что вместе с DJI будет поставлять полиции патрульных беспилотников по программе AxonAir. Все дроны будут соединены с «облачной» системой управления данными Evidence.com, куда должна поступать информация с камер беспилотников. AxonAir предлагает подразделениям полиции функции, которые могут выполнять БПЛА: искать и спасать людей, проводить реконструкцию автомобильных аварий, наблюдать за большим скоплением людей, осуществлять преследование правонарушителей и мониторинг зданий, реагировать на природные катастрофы, анализировать места преступлений [2].

Национальная полиция Украины также осваивает современные методы борьбы с преступностью. В частности, создано подразделение аэроразведки, которое должно способствовать не только выявлению фактов преступлений, но по возможности способствовать задержанию злоумышленников. Помимо обнаружения незаконных посевов мака и конопли дроны могут помочь выявлять браконьеров, нелегальную добычу янтаря и угля, незаконную вырубку леса, а также мониторить до-

рожную обстановку на трассах и помогать преследовать преступников и разыскивать угнанный транспорт [3].

БПЛА также могут обнаруживать очаги лесных пожаров, искать заблудившихся граждан, проводить разведку с воздуха на тех объектах, где, например, забаррикадировались преступники.

Государственная пограничная служба использует БПЛА для мониторинга обстановки на границах Украины. Так, Госпогранслужба сообщила, что беспилотники уже приняты на вооружение харьковскими пограничниками. Ранее их коллеги в Закарпатской области начали использовать беспилотники для разведки ситуации в труднодоступных местах с целью выявления контрабандистов и нелегальных мигрантов [3].

Управление государственной охраны Украины использует БПЛА для обеспечения безопасности высших должностных лиц государства во время проведения массовых мероприятий [4].

Согласно Инструкции по применению органами и подразделениями полиции технических приборов и технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, средств фото- и киносъемки, видеозаписи, утвержденной приказом МВД Украины от 18 декабря 2018 г. № 1026, беспилотный летательный аппарат – воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без пилота на борту, управление полетом которого и контроль за которым осуществляется при помощи специальной станции управления, расположенной вне воздушного судна [5].

Полеты БПЛА осуществляются в соответствии с законодательством в области государственной авиации Украины. БПЛА могут быть оборудованы системами фото- и видеозаписи в зависимости от технических характеристик воздушного судна. Количество видеокамер и порядок их использования на БПЛА (условия полетов, погодные условия, время суток и т. д.) определяются в соответствии с руководством по летной эксплуатации БПЛА или согласно инструкции производителя. Подготовка и разработка полетного задания, в котором определяется начало и конец работы систем фото- и видеозаписи, размещенных на БПЛА, осуществляются в порядке, определенном законодательством, с соблюдением соответствующих требований. При этом полетное задание утверждает руководитель подразделения полиции, а после его выполнения информация с карты памяти или флэш-карты БПЛА экспортируется на носитель информации (карту памяти или флэш-карту) работника полиции, который ставил задачу, о чем делается отметка в полетном задании [5].

Системы видеонаблюдения на базе БПЛА являются современными средствами контроля, выявления, наблюдения и фиксации. Указанные комплексы являются мобильными, простыми в управлении, тактико-технические характеристики беспилотников позволяют разворачивать

их как на открытой местности, так и в населенных пунктах. Эксплуатация беспилотников возможна в дневное и ночное время, круглосуточно или в сменном режиме. БПЛА могут эффективно применяться при проведении культурно-массовых, общественно-политических и спортивных мероприятий, а также для пресечения массовых беспорядков. Высотный видеоконтроль позволяет одновременно охватить площадь размером до 15 км², своевременно выявлять места возникновения конфликтов, совершения противоправных действий и оперативно управлять наземными нарядами полиции. Это дает возможность руководителю операции объективно оценивать ситуацию и оперативно принимать решения по руководству силами и средствами полиции для пресечения правонарушений.

Основными задачами использования БПЛА являются: выявление преступлений и административных правонарушений; видеодокументирование правонарушений; обеспечение оперативной связи; управление наземными нарядами полиции. С помощью беспилотников может осуществляться осмотр территории сначала с максимальной площадью, а при возникновении конфликтных ситуаций или административных правонарушений территория сужается.

Недавно компания Amazon оформила патент на миниатюрные дроны для патрульных полицейских, которые получили название UAVA (Unmanned Aerial Vehicle Assistant – беспилотный летательный аппарат-ассистент). Судя по описанию, дрон-коп будет сидеть на плече патрульного полицейского, по команде «взлететь» БПЛА будет подниматься в воздух для выполнения команд полицейского. Оснащенный видеокamerой дрон сможет заглянуть в труднодоступные места, избавив при этом сотрудников полиции неоправданного риска. Кроме того, дрон сможет участвовать в преследовании преступников [6].

Британские полицейские начали использовать практически бесшумные мультикоптеры BlackHawk, что позволяет вести видеозапись со звуком. Кроме того, планируется использовать БПЛА в операциях по преследованию преступников. По оценкам экспертов, приобретение дрона и его эксплуатация обойдутся полиции в сумму меньшую, чем одна погоня с использованием вертолета и двух полицейских автомобилей. К тому же применение БПЛА не угрожает жизни и здоровью полицейских [7].

Первое успешное применение БПЛА британской полицией было проведено еще в феврале 2010 г., когда с помощью аппарата AirRobot AR100B, оснащенного системой видеонаблюдения и тепловизионной камерой, полицейские графства Мерсисайдв Англии смогли разыскать в густом тумане преступника, укравшего автомобиль [8].

В апреле 2016 г. мэрия г. Дубай начала использовать дрон-полицейских с целью наблюдения за соблюдением экологических пра-

вил в местах отдыха и пустыни. Полицейские Китая также используют дроны для контроля ситуации на мероприятиях с большим количеством людей [8].

В то же время правоохранительным и законодательным органам различных стран еще предстоит решить юридические вопросы, связанные с использованием беспилотников. Однако уже сейчас очевидно, что возможности полиции с привлечением БПЛА возрастут многократно.

Сегодня можно выделить следующие возможности использования дронов правоохранительными структурами:

- предотвращение террористических актов;
- операции по борьбе с организованной преступностью;
- операции по задержанию преступников и розыску пропавших людей;
- обследование места преступления;
- профилактическое видеонаблюдение;
- контроль массовых мероприятий и акций протеста;
- обеспечение VIP-встреч, включая встречи на высшем уровне;
- поддержка оперативной связи;
- предотвращение нелегальной иммиграции и контрабанды;
- наблюдение за наземными и морскими линиями регулярных перевозок и транспортными потоками, анализ причин ДТП;
- отслеживание угнанных автомобилей;
- борьба с морскими пиратами;
- предотвращение браконьерства, незаконной разработки недр и незаконной вырубке лесов и т. п.

1. Овчинский В. Технологии будущего против криминала. М., 2019.

2. Иванов С. DJI и Axon начнут выпускать дронов-полицейских [Электронный ресурс] // Хайтек : сайт. URL: <https://hightech.fm/2018/06/07/axon> (дата обращения: 13.11.2020).

3. Українська поліція почала ловити злочинців з повітря [Електронний ресурс] // Сьогодні : сайт. URL: <https://ukr.segodnya.ua/ukraine/policiya-nachala-lovit-prestupnikov-s-vozduha1053821.html> (дата звернення: 13.11.2020).

4. Микитюк М.А. Роль та місце безпілотних літальних апаратів при забезпеченні безпеки осіб під час проведення масових заходів // Наук. записки Льв. ун-ту бізнесу та права. Серія «Юрид.». Вип. 18. 2017. С. 41–47.

5. Інструкція із застосування органами та підрозділами поліції технічних приладів і технічних засобів, що мають функції фото- і кінозйомки, видеозапису, засобів фото- і кінозйомки, видеозапису (затвердж. М-вом внутр. справ України 18.12.2018) [Електронний ресурс] // Верховна Рада України: сайт. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0028-19#Text> (дата звернення: 13.11.2020).

6. Полиция будущего: расследование и предотвращение преступлений [Электронный ресурс] // Naked Science : сайт. URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/policiya-budushchego> (дата обращения: 13.11.2020).

7. Беспилотный летательный аппарат БПЛА (дрон) [Электронный ресурс] // Adviser : сайт. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 13.11.2020).

8. Наша служба и опасна и трудна. Дроны на службе правоохранительных органов [Электронный ресурс] // cot.ru : сетевое издание. URL: <https://iot.ru/ga-dzhety/nasha-sluzhba-i-opasna-i-trudna-drony-na-sluzhbe-pravookhranitelykh-organov>(дата обращения: 13.11.2020).

УДК 3413

Т.А. Морозова

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Основной деятельностью микрофинансовых организаций является выдача микрозаймов. Микрофинансовые организации широко распространены в России за последние десятилетия.

Анализ складывающейся ситуации в регионах Российской Федерации указывает на увеличение закредитованности населения, а также на рост просроченной задолженности в условиях снижения платежеспособности граждан. Прежде всего это связано с процессами, происходящими в социально-экономической сфере: ростом безработицы, проблемами трудоустройства, снижением промышленного производства и реальных доходов населения, высоким уровнем инфляции, а также обострением проблем, связанных с невыплатой заработной платы, нерешенностью проблем обманутых участников долевого строительства жилья, нарушением прав потребителей, ужесточением условий кредитования банковскими учреждениями.

В первую очередь, в микрофинансовые организации обращаются граждане, получившие отказ в кредитовании банковскими учреждениями в связи с плохой кредитной историей и относящиеся к категории заемщиков с повышенным риском невозврата (имеющие финансовые трудности, долговые обязательства в различных кредитных учреждениях, убыточный бизнес и т. д.). Займы гражданам выдаются по заведомо высокой процентной ставке, т. е. условия выдачи займов для граждан изначально являются кабальными и невыполнимыми.

В микрофинансовых организациях заемщикам предлагается упрощенный процесс получения денежных средств. При этом внимание потребителя к процентной ставке по договору потребительского кредита (займа), составляющей в настоящий момент 1 % в день, штрафным

санкциям в случае просрочки платежа притупляется необходимостью разрешения возникшей жизненной ситуации.

Микрофинансовые организации часто изначально ориентированы на силовое взыскание денежных средств с наиболее незащищенных слоев населения, осознавая большую вероятность невозврата выданной суммы.

В значительном количестве случаев коллекторские агентства осуществляют свои действия в связи с наличием долга заемщика перед микрофинансовой организацией.

Надзор за соблюдением микрофинансовыми организациями требований законодательства осуществляет Центральный банк Российской Федерации. Однако внимание государства не искоренило злоупотребления в сфере микрозайма. Результаты расследования уголовных дел свидетельствуют, что имеющиеся контрольные механизмы не достаточны для декриминализации микрофинансовой деятельности и деятельности по возврату просроченной задолженности.

Необходимо отметить, что в последнее время получило широкое распространение мошенничество, связанное с предоставлением займов физическим лицам под залог недвижимого имущества, которое впоследствии отчуждается у заемщика. При заключении договоров займа лица, представляющие микрофинансовые организации, пользуясь правовой и финансовой безграмотностью граждан, вводят их в заблуждение относительно суммы, указанной в договоре и выданной фактически.

Нередко сотрудниками микрофинансовых организаций осуществляются мошеннические действия при подписании договора по выдаче займа, в общем комплекте документов также подкладываются обязательства по передаче недвижимого имущества заемщиком в случае нарушения договорных обязательств. Такой подход в дальнейшем позволяет злоумышленникам на «законных» основаниях требовать не только погашения задолженности, но и уступки прав на недвижимость заемщика. При этом сама микрофинансовая организация часто к моменту обращения пострадавшего лица в органы внутренних дел приостанавливает выдачу займов или деятельность в целом.

Следует также отметить, что микрофинансовые организации попадают в поле зрения правоохранительных органов в связи с осуществлением ими деятельности по принципу финансовых пирамид, а также в связи с их вовлечением в сложные противоправные схемы по незаконному обналичиванию денежных средств и их легализации. В этой связи при проведении в Российской Федерации в 2018 г. национальной оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов микрофинансовые организации были отнесены к группе повышенного риска.

Основной причиной, способствующей совершению преступлений при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой де-

тельности и деятельности по возврату просроченной задолженности, является финансовая и юридическая безграмотность населения.

Доследственная проверка в отношении представителей коллекторских агентств, как правило, не проводится.

В этой связи особое внимание уделяется профилактике данного вида преступной деятельности. Например, в Брянской области в рамках мероприятий, направленных на повышение финансовой грамотности среди населения, в региональных средствах массовой информации, на телеканалах «Брянская губерния» и «Городской» размещены информационные видеоролики, а также организовано распространение разработанной Центральным банком России информационной брошюры «Онлайн-микрозаймы», посвященной порядку оформления микрозаймов, возможностям, рискам заемщика и защите прав потребителей на рынке финансовых услуг. Кроме того, на региональных новостных сайтах размещаются материалы, содержащие информацию для граждан о мерах, которые необходимо принять при наличии незаконных действий коллекторских агентств. Например, в Карачаево-Черкесской Республике привлеченными средствами массовой информации, а также посредством сети Интернет жителям дополнительно разъясняются их права и обязанности в части, касающейся деятельности коллекторских агентств и микрофинансовых организаций, размещены контактные телефоны дежурных частей городских и районных органов внутренних дел Карачаево-Черкессии. В Хабаровском крае также распространена практика информирования населения посредством выдачи памятки «Осторожно коллекторы: права граждан при взыскании с них долгов».

УДК 343.9

А.Э. Набатова, Е.Ю. Горошко

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ

В Республике Беларусь стремительными темпами внедряются информационные технологии. Однако наряду с отмеченными позитивными процессами следует отметить некоторые негативные тенденции: появление такого киберпреступности и ее распространение во всем мире; применение цифровых технологий для совершения различных преступлений; использование информационно-телекоммуникационной среды как места совершения преступлений; использование электронно-цифровых устройств (ЭЦУ) как средств совершения преступлений и т. д.

В частности, особый интерес вызывает разработка криминалистической характеристики (КХ) ЭЦУ как информационной модели, при-

званной оптимизировать расследование преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, с использование цифровых устройств. Вопросы, связанные с определением понятия и структуры КХ преступления, неоднократно рассматривались в ряде работ ученых-криминалистов (О.Я. Баев, Р.С. Белкин, Л.Г. Видонов, А.В. Дулова, В.Ф. Ермолович, Г.Н. Мухин, Н.А. Селиванов, В.Г. Танаевич и В.А. Образцов, Н.П. Яблоков и др.), но до сих пор остаются недостаточно изученными.

В целом, понимание сущности КХ сводится к следующему. Во-первых, это информационная модель, содержащая сведения об отдельном виде или группе преступлений. Во-вторых, она является самостоятельным элементом криминалистической методики. В-третьих, КХ, по мнению Р.С. Белкиной, включает характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника, вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, а также о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) [1, с. 315].

Вопрос о том, может ли иметь место КХ ЭЦУ как отдельная категория, на наш взгляд, является дискуссионным и требует дальнейшего изучения путем проведения научных исследований. Однако, если мы говорим о том, что КХ преступления – система (информационная модель), состоящая из отдельных элементов, которые обладают свойствами, особенностями и присущим только этим элементам набором информации, то можно говорить о криминалистической характеристике этих отдельных элементов в общей структуре криминалистической характеристики преступления. Иными словами, формирование КХ ЭЦУ не противоречит принципам системности, соответственно ее правомерно рассматривать в структуре методики расследования преступлений различных видов и групп в качестве универсальной информационной модели.

Итак, по данным статистики в 2019 г. в нашей стране было зарегистрировано 10 539 преступлений, связанных с цифровыми технологиями, из них ответственность предусмотрена ст. 212 УК – 8 047, ст. 349–355 УК – 2 492 (коэффициент преступности на 10 000 населения составил 11,2, в 2018 г. – 4 741, из них ответственность предусмотрена ст. 212 УК – 3 585, ст. 349–355 УК – 1 156. Динамика преступности в рассматриваемой сфере по сравнению с предыдущим годом имеет тенденцию к увеличению количества преступлений – в 2,2 раза, в том числе преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК – в 2,5 раза, ст. 349–355 УК – в 2,1 раза.

По конкретным видам преступлений было зарегистрировано:

Из общего количества зарегистрированных преступлений в 2019 г. 200 относились к категории особо тяжких, 8 097 – к менее тяжким, 2 242 – не представляющим большой общественной опасности. 805 преступлений совершено лицами, имеющими судимость, 200 – группой лиц, 1 024 – в состоянии опьянения, 155 – несовершеннолетними и при их соучастии. К уголовной ответственности привлечено 1 431 человек. Из них 77 являются несовершеннолетними, 539 человек – женщин. На момент совершения преступления 1 177 человек не работали и не учились, 524 – имели судимость. 188 – совершили деяние в группе, 7 – в составе организованной группы.

Следует подчеркнуть, что в структуре отмеченных преступлений есть единый объединяющий их компонент – ЭЦУ – электронные устройства, работающие с сигналами в форме дискретных импульсов, с информацией, представленной двоичным кодом. Таким образом, цифровой режим работы ЭЦУ предполагает передачу информации в виде числа, которому соответствует определенный набор импульсов (цифровой код), при этом существенно только наличие или отсутствие импульса. Цифровые устройства работают с двумя значениями сигналов – нулем «0» (обычно низкий уровень напряжения или отсутствие импульса) и «1» (обычно высокий уровень напряжения или наличие прямоугольного импульса). В современном мире спектр ЭЦУ достаточно широк. Обозначим некоторые из них: фотоаппараты, видеокамеры, веб-камеры, системы видеонаблюдения, видеорегистраторы, сенсорные экраны, мобильные телефоны, устройства беспроводной передачи данных и т. д.

Существуют различные классификации ЭЦУ. Например, в электронике цифровые устройства классифицируются по способу ввода-вывода переменных (последовательные, параллельные, последовательно-параллельные (смешанные) устройства; по принципу действия (комбинационные и последовательные устройства). Исходя из областей электроники можно выделить ЭЦУ бытового назначения (телевизор, мобильный телефон); приборы и устройства усиления и преобразования звука и видео изображений; устройства на микропроцессорах или логических микросхемах (например, компьютер, цифровой телевизор, мобильный телефон, принтер, робот, панель управления промышленным оборудованием, средствами транспорта и т. д.). По нашему мнению, названные ЭЦУ могут рассматриваться в качестве объектно-предметной области КХ ЭЦУ, т. е. как комплекс современных ЭЦУ, используемых при совершении преступлений, их выявлении, предотвращении, раскрытии и расследовании.

В научной литературе ЭЦУ как средства совершения преступления классифицируются:

- по законности происхождения (законные, незаконные);
- созданию (готовые, модифицированные, собственной разработки);

техническому содержанию (аппаратные, программно-аппаратные, программные);

технологии использования (без удаленного доступа, с удаленным доступом);

стадии преступления (при подготовке, совершении, сокрытии, противодействии расследования) [2, с. 164]:

На основании вышеизложенного КХ ЭЦУ целесообразно представить в виде информационной модели, состоящей из взаимосвязанных элементов, которые должны быть изучены, применены при расследовании киберпреступлений, деяний в информационно-телекоммуникационной сфере с использованием цифровых технологий.

Таким образом, КХ ЭЦУ представляет собой двухуровневую универсальную информационную модель, входящую в структуру методики расследования преступлений и состоящую из взаимосвязанных элементов, представляющих собой закономерности возникновения цифровых следов, цифровой информации и основанной на этих закономерностях системы доказательств. Первый уровень представлен ЭЦУ, подлежащими изучению (ЭЦУ как средства обеспечения общественной безопасности, ЭЦУ как орудия и средства совершения преступления, ЭЦУ как средства обеспечения личной безопасности граждан). На втором уровне сосредоточены ЭЦУ как научно-технические средства раскрытия и расследования преступлений, применяемые в оперативно-розыскной, следственной и экспертной деятельности.

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации.
2. Полякова В.В., Лапина С.А. Средства совершения компьютерных преступлений // Докл. Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники. 2014. № 2. С. 162–166.

УДК 343.98

Г.Г. Непеин

АНАЛИЗ ПРОКУРОРОМ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Значительное развитие системы воздушных сообщений Российской Федерации привело к интенсивной эксплуатации различных видов авиатранспортных средств. Такая интенсивность при недостаточном мате-

риально-техническом обеспечении системы воздушного транспорта создает предпосылки к увеличению случаев нарушения правил безопасности, влекущих за собой катастрофы воздушных судов с многочисленными человеческими жертвами.

Помимо наступления многочисленных жертв общественная опасность этих преступных нарушений правил безопасности заключается еще и в том, что в результате катастрофы дезорганизуется нормальное функционирование системы воздушного транспорта, причиняется особо крупный имущественный ущерб организациям различных форм собственности.

УПК Российской Федерации, называя прокурора в числе участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, возлагает на него обязанность не только по осуществлению уголовного преследования, но и по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Эффективное осуществление надзора за следственными органами во многом зависит от использования им знаний в области криминалистики.

Вместе с тем специфика его криминалистической деятельности заключается в решении задач в досудебной стадии уголовного судопроизводства и связана с особенностями применения этих знаний.

Так, если следователь в ходе расследования преступления более свободен в применении методов по отысканию доказательств, их исследованию и раскрытию преступления, то прокурор находится в максимальном отдалении от непосредственного исследования события преступления. Такая отдаленность приводит его к прямой зависимости от информации, собранной следователем, и от конечной модели, созданной последним и описанной им в обвинительном заключении.

В связи с чем для успешного решения задач прокурорского надзора, формирования им для себя целостной картины (модели) совершенного преступления необходимы знания о специфике обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делам о преступлениях, связанных с нарушениями вышеуказанных правил безопасности в сфере воздушного транспорта.

Как правило, установление всех обстоятельств авиакатастрофы, заключается в необходимости проведения следственными органами различных осмотров, выемок документов и предметов, назначения и проведения множества криминалистических, в том числе летно-технических экспертиз.

Однако не менее важным носителем криминалистически значимых сведений, помогающих прокурору установить обстоятельства и сформировать картину произошедшей катастрофы, являются протоколы допросов обвиняемого, очевидцев катастрофы, специалистов.

Получение показаний вышеперечисленных лиц и последующее исследование их прокурором зависит от получения информации о расследваемой авиакатастрофе и выяснения обстоятельств произошедшего события. Эти показания раскрывают значение собранных следствием вещественных и письменных доказательств, изобличающих виновных в преступном нарушении правил безопасности, устанавливают их причастность к конкретному обвиняемому и его действиям, характеризуют самого обвиняемого, в некотором смысле «цементируют» все собранные следствием доказательства.

Криминалистически важные сведения, оказывающие существенную помощь в расследовании катастрофы воздушного судна, дают показания: членов экипажа и пассажиров воздушного судна, участников авиационного происшествия;

очевидцев из числа летного и технического состава и посторонних лиц, оказавшихся в районе авиационного происшествия;

инженерно-технического состава и обслуживающего персонала;

лиц, осуществлявших подготовку, обеспечение и контроль за полетами (должностные лица всех служб аэродрома);

должностных и иных лиц медицинской службы аэродрома и аварийно-спасательных служб;

работников авиаремонтных мастерских, групп регламентных работ, предприятия-разработчика, завода-изготовителя авиационной техники.

иных авиационных специалистов гражданской авиации и т. д.

Подвергая анализу и оценке протоколы допросов, прокурору необходимо обращать внимание на соблюдение следователем не только формальных требований закона (полноценными доказательствами являются только такие показания, которые следователь получил в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, отступление от этих норм будет являться нарушением законности), но и на содержание самих допросов.

Бывают случаи, когда следователями, при составлении протокола допроса допускаются так называемые «технические» ошибки, с формальной точки зрения не соответствующие требованиям уголовно-процессуального закона. Такими ошибкам являются указание при оформлении протоколов допросов нескольких свидетелей одного и того же времени проведения следственного действия, что, в свою очередь, приводит к нарушению п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ, согласно которому в протоколе допроса указывается с точностью до минуты время его начала и окончания. Наличие в деле двух и более протоколов допросов, проведенных согласно записям в них в одно и то же время, дает основание ставить под сомнение данные протоколы допросов [1].

Кроме того, учитывая, что расследование преступлений, связанных с авиакатастрофами, требует от следователя наличие обширных знаний в области авиации, не редки случаи, когда в допросах выживших членов экипажа потерпевшего катастрофу воздушного судна, работников наземных служб обеспечения и обслуживания полетов принимают участие специалисты либо эксперты из состава комиссии МАК. В связи с чем прокурору необходимо обращать внимание на наличие всех подписей участников и отражения их участия в протоколе следственного действия.

Данная ошибка может быть выявлена прокурором в рамках рассмотрения поступивших от участников уголовного судопроизводства жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ – при опросе специалистов либо экспертов из состава комиссии МАК участвовавших при расследовании авиационного происшествия.

Анализируя с применением расшифровок записей средств объективного контроля содержание допроса выжившего члена летного экипажа прокурор получает сведения: о ходе выполнения полетного задания, работе отдельных узлов, агрегатов и приборов летательного аппарата, причинах и условиях возникновения аварийной ситуации, об указаниях экипажу, полученных от диспетчерских служб, руководителя полетов и т. д. Из показаний инженерно-технического состава и обслуживающего персонала – информацию о выполнении регламентных работ, текущего ремонта и условиях хранения потерпевшего катастрофу воздушного судна, о наличии неисправностей и принятых мерах для их устранения, о состоянии узлов, агрегатов, систем и элементов планера летательного аппарата. Из допросов работников авиаремонтных мастерских и представителей предприятия-разработчика, либо изготовителя летательного аппарата получают информацию о качестве производства конкретной машины, результатах проведенных испытаний, о периодичности проведения профилактических и капитальных ремонтных работ, наличии либо отсутствии претензий со стороны членов экипажа на качество ремонта, о контроле ремонта воздушного судна.

Протоколы допросов обвиняемого, очевидцев катастрофы, специалистов имеют ценное доказательственное значение и существенным образом влияют на установление всех обстоятельств уголовного дела. Анализ и оценка содержания этих протоколов позволяют прокурору реконструировать информационную картину произошедшего события и, как отмечает С.Б. Россинский, «воссоздать воспринятые следователем показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего или материальные фрагменты объективной реальности, т. е. как бы мыслен-

но перенестись в место и время производства следственного действия» [2, с. 40].

1. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // LexRussica. 2017. № 10. С. 40.
2. Исаенко В.Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве [Электронный ресурс] // Предпринимательство и право : информ.-аналит. портал. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4982> (дата обращения: 15.02.2020).

УДК 343.98

И.С. Нестер

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Основной задачей осмотра места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела является собирание вещественных и иных доказательств, имеющих значение для решения вопроса о наличии (отсутствии) состава преступления. Качество проведения данного неотложного следственного действия зависит от многих факторов как объективного, так и субъективного характера. Положительный результат осмотра места происшествия определяется количеством информации, полученной следователем (представителем органа дознания) на момент окончания осмотра.

С целью получения более обширной и исчерпывающей информации о происшествии, установления лица (лиц), причастного к данному происшествию, и иных сведений следователь привлекает специалиста к проведению осмотра места происшествия, который, в свою очередь, оказывает следователю помощь в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке следов и иных вещественных доказательств. Содержательной основой участия специалиста в осмотре места происшествия является факт обладания им специальными знаниями в той или иной области человеческой деятельности.

Неочевидную информацию о происшествии специалист получает посредством предварительного исследования следов. Суть данного исследования заключается в осмотре и оценке следов и вещественных доказательств, их признаков, сопоставление следов друг с другом по характеру, взаиморасположению, механизму образования и иным ха-

рактикам с последующим формулированием ориентирующей или розыскной информации. Полученная информация передается лицу, проводящему осмотр места происшествия, и оперативному работнику.

Получение ориентирующей информации по результатам предварительного исследования во многом зависит от двух факторов: уровня обладания специалистом специальными знаниями в соответствующей области и наличие практического опыта (профессионального и жизненного).

Исходя из выше обозначенного можно утверждать о существенном значении предварительного исследования на месте происшествия. Однако, анализируя организационную, правовую, методологическую и практическую стороны предварительного исследования следов, можно констатировать наличие трудностей и препятствий различного характера для осуществления данной процедуры.

Одной из основных проблем в данной области является отсутствие процессуального закрепления предварительного исследования следов. В частности, уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь не содержит понятия «предварительное исследование следов на месте происшествия». Данное действие не регулируется нормами закона. В то же время существует достаточно научных формулировок дефиниции «предварительное исследование». Следует обозначить, что данные дефиниции сформулированы, в основном, российскими учеными, поскольку уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации содержит основания и порядок проведения предварительного исследования. При этом сущность предварительного исследования состоит в исследовании следов и объектов по заданиям органов дознания или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, оформляемое справкой эксперта и проводимое, как правило, с целью решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В свою очередь, мы отдаем приоритет, рассматривая предварительное исследование следов и объектов, осуществляемое непосредственно на месте происшествия.

Из отсутствия уголовно-процессуального закрепления термина «предварительное исследование» вытекает вопрос о порядке оформления его результатов. На данный момент практика осмотра места происшествия идет по пути устной передачи информации, полученной в результате предварительного исследования следов лицу, проводящему осмотр места происшествия и оперативному работнику, т. е. процессуальное оформление предварительного исследования отсутствует напроц. Возможность фиксации хода и результатов такого исследования в протоколе осмотра места происшествия не рассматривается ввиду процессуального статуса данного документа как источника доказательств

по уголовному делу. Результаты предварительного исследования не могут являться доказательством, поскольку носят ориентирующий и предположительный характер, их достоверность во многом оспорима.

Отсутствие возможности фиксации результатов предварительного исследования в протоколе осмотра места происшествия обусловлено наличием в уголовном процессе такого института судебной экспертизы, объектами которой выступают те же самые следы, по которым проводилось предварительное исследование. Если результаты предварительного исследования будут фиксироваться в протоколе осмотра места происшествия, это непременно приведет к возникновению процессуальной коллизии, когда один источник доказательств по уголовному делу (протокол осмотра места происшествия) будет противоречить другому источнику (заключение эксперта). Возможности проведения исследования на месте происшествия ограничены многими обстоятельствами: погодными условиями, отсутствием необходимых научно-технических средств, недостатком освещения и т. д., что неприемлемо для экспертизы. Соответственно, заключение эксперта является более обоснованным и достоверным источником доказательств чем предварительное исследование. А в уголовном процессе все доказательства имеют одинаковую юридическую силу.

Еще одной актуальной проблемой является определение пределов предварительного исследования следов. Иными словами, какое именно исследование на месте происшествия следует считать предварительным? Описание следов в протоколе осмотра места происшествия, установление лица, которое оставило следы рук, установление направления движения преступника по дорожке следов обуви, установление способа взлома преграды по анализу следов взлома – данные примеры являются предварительным исследованием, либо подобные вопросы должны решаться в рамках судебной экспертизы? Какие методы разрешается применять специалисту при проведении предварительного исследования? Это лишь немногие вопросы, которые необходимо решать на теоретическом и практическом уровнях.

УДК 343.98

А.В. Одерий, А.А. Кожевников

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТОЙ ИНТЕРНЕТ-ИНФОРМАЦИИ В РАСКРЫТИИ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Стремительное развитие цифровых средств фото- и видеофиксации, их доступность приобретения для рядового гражданина обусловили появление большого количества медийных файлов, отражающих объ-

активную обстановку в различных интервалах времени и пространства. Содержанием такого контента все часто становятся фото- или видеозаписи, отображающие обстоятельства того или иного правонарушения.

Вместе с тем интернет-ресурсы содержат большое количество различного вида информации, где в популярных социальных сетях (Instagram, Facebook, Вконтакте, Одноклассники и т. д.) практически всегда имеется информация о физическом лице. Это связано с тем, что граждане по собственной инициативе и исключительно на добровольной основе размещают свои Ф. И. О., дату рождения, место жительства, круг общения, интересы, личные бытовые фотоснимки и видеозаписи, создавая тем самым мощный информативный массив цифровых данных, содержащих антропометрические признаки внешности человека, анкетные данные, изображения мест фактического проживания и тому подобное. Наличие такой информации (именно в открытом доступе) дает возможность правоохранительным органам беспрепятственно использовать последнюю в оперативных целях, поскольку результаты ее анализа позволяют получать ориентирующую информацию, а иногда и сразу идентифицировать личность.

Успешное достижение вышеуказанных результатов возможно при использовании определенных технологий. К таким можно отнести технологию получения данных Opensourceintelligence (OSINT) – разведку на основе анализа открытых источников информации. Она предусматривает поиск информативных и надежных источников среди огромного количества разнообразной информации в киберпространстве. Для поиска информации в открытых источниках, представленных в сети Интернет, используются различные универсальные поисковые системы (Google, Яндекс, Yahoo, Ask, Bing и т. д.), а также специализированные, которые используются для поиска мультимедийного контента: фотографий, иллюстраций, рисунков, видео- и аудиофайлов и т. д. (Яндекс Фото, TinEye и т. д.). Каждая из указанных поисковых систем имеет собственные механизмы и синтаксис запросов, что значительно упрощает процесс поиска информации, анализа и отбора источников. В свою очередь, разновидностью сбора и анализа информации из открытых источников является еще одно направление разведки – HUMINT (human intelligence), в дословном переводе – разведка по людям. К этой технологии относятся: мониторинг социальных сетей, опрос, социальный инжиниринг.

Обеспечение безопасности граждан и государства невозможно без постоянно осуществляемого правоохранительными органами поиска (мониторинга) и получения информации по фактам совершенных уголовных правонарушений, лиц, их совершивших, а также других фактов и обстоятельств, имеющих значение в раскрытии уголовных правонарушений. В практических подразделениях правоохранитель-

ных органов Украины (киберполиция, криминальная полиция и т. д.) упомянутыми выше технологиями уже пользуются для установления личности преступника, а также получения другой полезной справочной информации. Однако, на наш взгляд, эта деятельность не является системной, осуществляется, как правило, без привлечения специалистов в определенной области криминалистических знаний (например, специалисты в области портретной и фототехнической экспертизы), что, в свою очередь, не может не влиять на качество достигнутых результатов, а в дальнейшем – и на оперативность (скорость) и обоснованность принятия своевременных и выверенных тактических и процессуальных решений¹. Объяснением является тот факт, что визуальное восприятие признаков внешности лицами, которые не являются специалистами в области судебно-портретной экспертизы (сотрудники упомянутых подразделений правоохранительных органов относятся к ним), основывается только на субъективной оценке отдельных признаков внешности и внутреннего убеждения. В то же время использование специальных знаний и научно обоснованных методов портретной экспертизы при анализе и оценке схожести внешности сравниваемых лиц позволяет профессионально проанализировать результаты поиска.

Еще одним весомым аргументом является то обстоятельство, что технологии OSINT и HUMINT находятся в свободном доступе [2, 3], а их использование не требует дополнительных финансовых вложений на приобретение программного обеспечения и специальной техники. В качестве наглядного положительного примера можно привести тот факт, что в период с октября 2019 г. и до сих пор практическое применение технологий OSINT и HUMINT специалистами судебно-портретной экспертизы Харьковского НИЭКЦ МВД Украины позволило установить лиц, которые: а) совершили преступления как против жизни и здоровья (нанесение телесных повреждений), так и имущественного характера (кражи, грабежи, разбои и т. д.); б) принимали участие в массовых скоплениях людей (стихийные митинги, футбольные матчи, акции протеста); в) принимают или принимали участие в незаконных вооруженных формированиях на временно оккупированных территориях Донецкой, Луганской областях и в Автономной Республике Крым; г) используют платформы интернет-изданий, сайтов, видео хостингов для ведения антигосударственной агитации и пропаганды, призывов к свержению существующего государственного устройства. К тому же упомянутые тех-

¹ Уместно указать, что международное сообщество уже имеет примеры успешного использования указанных технологий, одним из которых является проведенное расследование специалистами «Bellingcat» по факту сбитаго самолета Boeing 777-200ER, рейса MH17 на Донбассе в июле 2014 г. [1].

нологии позволяют установить, как личные связи разыскиваемых лиц, скрывающихся от правоохранительных органов (близкие родственники, друзья, знакомые и т. д.), так и места их фактического нахождения.

Таким образом, учитывая изложенное, для повышения эффективности использования технологий OSINT и HUMINT в противодействии преступности можно рекомендовать создание межведомственных аналитически-поисковых групп (а возможно и подразделений) в системе органов внутренних дел. Как вариант, можно рассматривать комплексное использование профессиональных возможностей специалистов экспертной службы МВД Украины в области фототехнической и портретной экспертизы и работников соответствующих подразделений Департамента киберполиции Национальной полиции Украины, что создаст предпосылки для оперативного и качественного исследования криминалистически значимой информации, содержащейся в открытых источниках интернет-ресурсов.

1. The MH17 Trial Part 1: New Material From The Four Defendants. Bellingcat. URL: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2020/04/20/the-mh17-trial-part-1-new-materials-from-the-four-defendants> (date of request: 10.10.2020).

2. Search4face.com. URL: <https://search4faces.com> (date of request: 13.11.2020).

3. VK.watch. URL: <https://vk.watch> (date of request: 13.11.2020).

УДК 343.985.4

О.В. Павлють

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Деятельность специалиста при проведении осмотра места происшествия является одной из разновидностей криминалистической деятельности, осуществляемой в рамках уголовно-процессуального законодательства и направленной на обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование следовой информации совершенного преступления.

В юридической литературе достаточно подробно изучены тактика, методика проведения осмотра места происшествия и специфика деятельности различных участников данного следственного действия. Одним из проблемных вопросов остается изучение и определение методологической основы деятельности специалиста при осмотре места происшествия, что является залогом научного подхода к организации его практической деятельности. Учеными не уделяется должного вни-

мания данной теме: изучаются и систематизируются только криминалистические методы, применяемые указанным субъектом на практике.

Целесообразно согласиться с Т.В. Аверьяновой, которая считает, что методология представляет собой систематизированное теоретическое знание, и ее нельзя приравнять просто к системе используемых методов исследования, что свидетельствует об упрощенном, прагматически направленном подходе [1, с. 78–79].

Традиционно методология как особая категория разрабатывалась в рамках философии в качестве совокупности познавательных средств, методов, приемов; области знаний, изучающей предпосылки, средства, принципы организации практической и познавательной деятельности. В связи с процессом интеграции наук методология вышла за пределы философии, и все чаще с ее помощью решаются задачи совершенствования криминалистической деятельности, но при этом неизменно за основу берутся общефилософские положения и ориентиры.

Среди ученых появились различные взгляды на определение данной категории. А.В. Дулов под методологией понимает преобразование имеющихся теоретических знаний в средство дальнейшего научно обоснованного исследования деятельности, разработки методов и определения условий ее осуществления [2, с. 132]. Е.Р. Россинская применительно к экспертной деятельности отмечает, что методология является учением о структуре, логической организации, средствах и методах этой деятельности [3, с. 46]. Методологию определяют также как систему основополагающих принципов и методов познания, наиболее общим выражением способов решения теоретической и практической задач.

Принимая во внимание обозначенные мнения ученых, применительно к исследуемой теме под методологической основой деятельности специалиста при проведении осмотра места происшествия следует понимать совокупность используемых методов, средств, общенаучных философских теорий (отражения, системности, моделирования), а также целей, задач, принципов осуществления такой деятельности.

На наш взгляд, целесообразно более подробно рассмотреть методологическую роль общенаучных философских теорий – теорий отражения, системности и моделирования. Представляется, что указанные теории являются одними из наиболее важных элементов методологической основы деятельности специалиста при проведении осмотра места происшествия.

Необходимо учитывать, что теория отражения является краеугольным камнем всей криминалистики (как теоретической, так и практической ее части) [4, с. 67]. Методологическая роль теории отражения состоит в том, что имеющиеся в ней закономерности составляют осно-

ву всей деятельности специалиста при осмотре места происшествия. Следует иметь в виду, что результатом любого отражения является след (следовая информация) и, соответственно, вне отражения не существует следа. Достичь значимых результатов при осмотре места происшествия возможно только тогда, когда специалист владеет необходимыми знаниями о самом процессе отражения, о том, что и каким образом возможно по нему установить, как сохраняются и исчезают следы – отражения.

В настоящее время выделяют отражения: материальных, биологических объектов, интеллектуальное (отражение окружающего мира сознанием человека), социальное (отражение деятельности индивида в социальной сфере общественных процессов). В качестве примера можно рассмотреть материальное отражение как наиболее часто встречаемое в практике специалиста при проведении осмотра места происшествия.

Согласно мнению Р.С. Белкина, процесс материального отражения в криминалистике отождествляется с механизмом следообразования и состоит из следующих этапов. Вначале при взаимодействии отражаемого и отражающего объектов возникает следовой контакт, что неизбежно приводит к образованию следа. Отражаемый объект (следообразующий) является носителем так называемой первичной информации, которая определяет совокупность индивидуальных и устойчивых признаков. Отражающий объект (следовоспринимающий) является носителем информации, производной от первичной, возникшей в результате их взаимодействия. В результате данного процесса устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с происшедшим событием преступления [4, с. 62–63]. Наряду с тем, что отражающий объект несет информацию о следообразующем объекте, он также является носителем данных о действиях с отражаемым объектом или непосредственно о самом отражаемом объекте. При этом следообразующий объект передает информацию о способе, а через него – о субъекте действия [4, с. 63].

Важную роль в методологической основе деятельности специалиста занимает теория системности. Данный подход относится к одной из главных особенностей научного познания и довольно успешно применяется при исследовании различных аспектов криминалистической деятельности [5, с. 28–29].

Системный подход в деятельности специалиста является сложным инструментом научного познания и одновременно методом ее исследования. Г.Н. Порошин отмечает, что «одним из современных методов криминалистического исследования места происшествия является системный подход к изучению обнаруженных на нем следов» [6, с. 24]. При этом автор говорит, что сущность данного подхода заключается в

том, «чтобы из многообразия элементов системы взаимодействовавших в ходе совершения расследуемого события объектов выделить парные взаимодействия и в каждом таком взаимодействии по результатам отображенных свойств одного объекта на другом извлечь информацию о свойствах следообразующих объектов и установить сам факт их взаимодействия» [6, с. 24–25].

Следует согласиться с мнением Ф.Ю. Бердичевского, который утверждает, что данный подход позволяет изучать самостоятельные объекты исследования при наличии между ними определенной взаимосвязи как целостный объект. При этом образующие его элементы выступают в роли подсистем, т. е. систем более низкого уровня, а саму подсистему целесообразно рассматривать как элемент системы более высокого уровня [7, с. 107]. Следуя данному положению, деятельность специалиста можно изучать как составной элемент (подсистему) системы деятельности всех участников осмотра места происшествия. В свою очередь, саму систему деятельности данного субъекта можно представить в виде подсистем, состоящих из целей, задач, функций и этапов.

Составной частью методологической основы деятельности специалиста при осмотре места происшествия является также теория моделирования. Материалистическая диалектика рассматривает моделирование как средство отображения и познания существующей действительности, способствующее раскрытию закономерностей общества и природы.

Специфическая роль теории моделирования в деятельности специалиста заключается в том, что, во-первых, моделирование является обязательным элементом его мыслительной деятельности; во-вторых, средством организации и прогнозирования собственной деятельности.

Необходимость использования моделирования подчеркивается спецификой самого события преступления, которое закономерно выступает главным объектом познания. Ни один из субъектов расследования, в том числе и специалист, не наблюдали лично всей картины совершенного деяния. Такие пробелы восстанавливаются по его отдельным следам-отражениям, показаниям очевидцев, и в результате всей этой деятельности идет построение мысленной модели совершенного преступления.

Таким образом, важным элементом научной организации деятельности специалиста при осмотре места происшествия является использование на практике знаний о ее методологической основе, которую образуют совокупность используемых методов, средств, общенаучных философских теорий (отражения, системности, моделирования), а также целей, задач, принципов осуществления такой деятельности, что обеспечивает высокую ее эффективность, более широкое использование возможностей общенаучных теорий для качественного расследования преступлений.

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006.
2. Дулов А.В. Методологические теории криминалистики // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2008. № 1. С. 131–136.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня: злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
5. Чуприна Е.П. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и эксперта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2008.
6. Порошин Г.Н. Исследование места происшествия следователем и экспертом-криминалистом органов внутренних дел : учеб. пособие. Волгоград, 1979.
7. Бердичевский Ф.Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система // Совет. государство и право. 1973. № 12. С. 106–110.

УДК 343.98

Д.Н. Панченя

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МИКРООБЪЕКТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Возникновение и развитие представлений об использовании микрообъектов в экспертной, следственной и судебной практике в период с XIX в. и до середины XX в. на территории Беларуси можно условно разделить на два этапа: дореволюционный (с начала XIX в. до 1917 г.) и послереволюционный (с 1917 г. до 1941 г.), что обусловлено особенностями геополитических, социально-экономических и общественных отношений на указанных этапах исторического развития государства.

Начало XIX в. в Западной Европе было ознаменовано крупными научными открытиями и изобретениями в области химии, физики, биологии, медицины, техники, философии и др. Затронули они и уголовно-процессуальную сферу общественных отношений, предоставив новые возможности для обнаружения, сохранения и изъятия следов преступления, всестороннего научного исследования и установления их роли в доказывании виновности. На данном этапе происходит активное вовлечение в правоохранительную деятельность нетрадиционных следов – микрообъектов, чему способствовало стремительное развитие оптической микроскопии, связанное созданием новых сортов стекла, совершенствованием конструкции микроскопической техники, и, как

следствие, увеличением разрешающей способности до десятых долей микрометра (изобретения английских ученых-физиков Ч. Уитстоуна, В.Г. Винэма, Д.В. Стефенсона). Появилась возможность более простого обнаружения микроскопических частиц на объектах и их визуального исследования, что позволило получать сведения диагностического и идентификационного характера [1, с. 4]. Дальнейшее совершенствование существующих и внедрение новых методов исследования морфологических и структурных свойств микрообъектов, технологических особенностей их изготовления и обработки существенно расширили круг решаемых вопросов, что привело к их более частому включению в процесс раскрытия и расследования преступлений.

Как и в иных развитых европейских государствах, в Российской империи, в состав которой на тот момент входила территория современной Беларуси, интерес к следственной и судебной деятельности существенно возрастает в первой половине XIX в. Это в значительной степени связано с публикациями ученых-юристов Н. Орлова, Я. Баршева, Е. Колоколова, в которых содержались рекомендации по тактике и методике проведения различных следственных действий, обнаружению и изъятию вещественных доказательств. Однако, по словам Р.С. Белкина, в русском уголовном судопроизводстве вплоть до реформы 1864 г. изучению косвенных доказательств – улики – отводилась весьма незначительная роль.

Ситуация изменилась к середине XIX в., когда в уголовном процессе все чаще стали фигурировать вещественные доказательства, чему в немалой степени способствовали примеры их успешного исследования в рамках проведения химических экспертиз. Их осуществляли ведущие ученые-химики Санкт-Петербургской Академии наук Ю.Ф. Фрицше, Ю.К. Трапп, Д.И. Менделеев, Н.Н. Зинин, Е.В. Пеликан и др. [2, с. 5].

Одним из первых процессуалистов о значении микрообъектов для судопроизводства высказывался российский юрист А.А. Квачевский (1830–1890 гг.). В своей работе «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по уголовным уставам 1864 г.» (СПб., 1867 г.) он отмечал, что «одним из лучших указателей на известное лицо служат... следы разных мелких вещей» [3, с. 201].

Следует также отметить, что на начальном этапе развития и становления науки криминалистики в Российской империи в формировании научных представлений о необходимости использования микрообъектов существенную роль сыграли труды зарубежных авторов – Г. Гросса, Г. Поппа и Р.А. Рейса. Изложенные в них первые обобщенные криминалистические знания о микрообъектах и яркие примеры из практики раскрытия преступлений послужили основой для собственных работ криминалистов Л.Е. Владимиров, С.Н. Трегубова и В.И. Лебедева.

Внедрению криминалистических знаний о микрообъектах в уголовное судопроизводство также способствовало открытие в 1912 г. кабинета научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, а также появление спустя два года аналогичных кабинетов в Москве, Киеве и Одессе. В Законе «Об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы» от 28 июня 1912 г. впервые упоминается о возможности проведения исследований предоставленных микрообъектов методами химического и микроскопического анализа [4, с. 141].

Существенный вклад в применение научных методов исследования микрообъектов внес выдающийся ученый, педагог, судебный медик, Заслуженный профессор Н.С. Бокариус (1869–1931 гг.). В 1911 г. вышла в свет его первая монография «Судебно-медицинские микроскопические и микрохимические исследования вещественных доказательств».

Таким образом, в дореволюционный период использование микрообъектов при расследовании преступлений носило единичный характер, их исследования осуществлялись в основном в рамках проведения судебно-медицинских экспертиз, научные сведения о микрообъектах чаще всего заимствовались из зарубежных источников. Накопленный в этот период научный и эмпирический материал о природе микрообъектов, методах и средствах их исследования в дальнейшем стимулировали ученых-криминалистов к разработке новых научных теоретических положений.

Следующий этап становления научной и практической деятельности по изучению микрообъектов в Беларуси начинается с 1917 г. и длится до начала 1940-х гг. На данном этапе формируется и развивается сеть судебно-экспертных учреждений, происходит обобщение экспертной практики производства судебных экспертиз, разрабатываются их методические положения. Данный процесс происходил на фоне формирования научных основ криминалистической техники, в которых происходила консолидация и развитие знаний о системе средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования микрообъектов [5, с. 20].

Первые работы по исследованию микрообъектов в послереволюционный период проводились судебными медиками П.А. Минаковым и Н.М. Немыновым (1918 г.), М.П. Эдменом и Т.С. Бородашевой (1932 г.).

В БССР образуются первые белорусские экспертные учреждения: судебно-медицинское отделение при Центральной химико-бактериологической станции Народного комиссариата здравоохранения БССР (1921 г.), Институт научно-судебной экспертизы при Народном комиссариате юстиции БССР (1929 г.), Центральная судебно-медицинская лаборатория Народного комиссариата здравоохранения БССР (1931 г.) [6, с. 84].

В 1925 г. выходит пособие Н.С. Бокариуса «Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и розыском дознании», ставшее на долгие годы настольной книгой для криминалистов.

Необходимо отметить, что в послереволюционный период исследования микрообъектов начали активно проводиться в различных отраслях науки и промышленности: биологии, химии, физике, ботанике, зоологии, почвоведении. Выходят в свет учебные пособия, методические рекомендации и научные статьи, в которых изложены новейшие сведения о классификации, строении, химическом составе, основных физико-химических свойствах, способах технологической обработки и методах исследования материалов, веществ и изделий, которые впоследствии были успешно заимствованы экспертами для решения своих специфических задач.

Первыми научными работами в БССР по систематизации и обобщению знаний о микрообъектах являются «Труды Белорусского научно-исследовательского института криминалистики и судебной экспертизы», вышедшие в 1932 г. в двух томах, а также «Систематический библиографический указатель по судебной экспертизе и научным областям» (1936 г.). Однако основное внимание в них уделялось либо разработке прикладных положений экспертизы, либо процессуальным вопросам ее назначения и проведения [6, с. 85].

В рассматриваемый период появляются работы, в которых наблюдается стремление криминалистов указать не только на отдельные факты успешного использования знаний о микрообъектах при расследовании преступлений, но и выделить определенные закономерности проведения исследований, систематизировать знания в данной области и сформировать собственные методы исследования в рамках экспертиз.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что становление и развитие представлений об использовании микрообъектов в процессе расследования преступлений в Беларуси в период с XIX в. и до середины XX в. происходило в два этапа:

а) дореволюционный (начало XIX в. – 1917 г.) характеризуется единичными фактами использования знаний о микрообъектах в криминалистике, заимствованием научных знаний из зарубежных источников, накоплением теоретического и эмпирического материала о микрообъектах, методах и средствах их обнаружения, изъятия и фиксации, разработкой методов научного исследования;

б) послереволюционный (1917–1941 гг.) отличается формированием и развитием сети судебно-экспертных учреждений, разработкой методик исследования в рамках судебно-медицинских экспертиз и экспертиз материалов, веществ и изделий, внедрение научно-технических средств обнаружения, изъятия и фиксации микрообъектов.

1. Следы преступления и их криминалистическое исследование : учеб. пособие / А.И. Александров [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000.
2. Белкин Р.С. История Отечественной криминалистики. М., 1999.
3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : теорет. и практ. рук. : в 3 ч. СПб., 1866–1869. Ч. 2 : О дознании и розыске. 1867.
4. Хазиев Ш.Н. К 100-летию первого российского закона о судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизе // Теория и практика судеб. экспертизы. 2012. № 4. С. 141–150.
5. Россинская Е.Р., Зинин А.М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 19–37.
6. Орехова Е.П. Становление и развитие судебной экспертизы // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. Минск, 2017. Вып. 2. С. 83–90.

УДК 343.98

А.П. Пацкевич

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДАЧЕ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В процессе предварительного следствия сотрудники органов уголовного преследования сталкиваются с такой формой противодействия расследованию, как дача ложных показаний различными участниками уголовного процесса. С учетом этого проблема противодействия лжи на предварительном следствии стала предметом изучения ряда ученых: С.С. Кузьминой «Лжесвидетельство (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты)» (СПб., 1991), Л.В. Лившица «Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних» (Уфа, 1998), А.Н. Порубова «Теоретико-прикладные аспекты борьбы с ложью в процессе предварительного расследования» (Минск, 2000), С.В. Шепелевой «Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний» (СПб., 2001), О.М. Ушакова «Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний» (Владивосток, 2004), О.Н. Алексиевко «Криминалистические методы разоблачения ложного алиби по делам о преступлениях против жизни и здоровья» (Ростов н/Д., 2009), О.Г. Карнаухова «Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны

свидетелей и потерпевших» (СПб., 2015). В этих работах рассмотрены понятие и виды лжесвидетельства, а также способы противодействия ему в процессе расследования уголовных дел.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что одной из причин низкой раскрываемости преступлений является производство предварительного расследования в условиях противодействия ему со стороны различных субъектов. В связи с чем практический и научный интерес представляет изучение отдельных способов, приемов противодействия расследованию. На протяжении многих десятилетий ученые-криминалисты неоднократно отмечали, что одним из распространенных приемов противодействия расследованию является дача заведомо ложных показаний свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми в ходе предварительного следствия и судебного заседания. Чаще всего это происходит в ходе проведения такого следственного действия, как допрос.

Прежде чем рассматривать тактические приемы противодействия даче ложных показаний со стороны участников уголовного процесса, следует, по нашему мнению, рассмотреть вопрос, что понимается под ложью и все ли заведомо ложные показания являются уголовно наказуемыми.

В повседневной жизни ложь в сознании людей обычно ассоциируется с негативным действием – обманом, который определяется как синоним лжи или как процесс, порождающий ложь. Таким образом, под ложными показаниями следует понимать показания, с помощью которых совершено умышленное сокрытие фактов, искажена истина. Причинами, порождающими ложные показания различных участников уголовного процесса, могут быть страх, желание избежать неприятной ситуации, личная заинтересованность, воздействие заинтересованных лиц (в виде угроз, шантажа, уговоров, подкупа), желание помешать органам уголовного преследования и т. д.

Показания различных участников уголовного процесса, бесспорно, являются важным средством установления истины в ходе расследования уголовного дела, но всегда ли заведомо ложные показания образуют состав преступления, предусмотренный ст. 401 УК Республика Беларусь?

В юридической литературе встречается термин «юридически безвредная ложь» [1, с. 24], например сознательное искажение событий и фактов, не влияющих на исход расследуемого преступления (ложные сведения, которые дает свидетель на допросе, о фактах привлечения его к уголовной или административной ответственности; неверные сведения о месте жительства и работы, о семейном положении и отношении к воинской службе и т. д.). Полагаем, что ложными показаниями являются

те показания, которые участник уголовного процесса сообщил в ходе предварительного следствия, касающиеся обстоятельств расследуемого преступного события, и их надо отграничивать «от ложных сведений, сообщенных при допросе» [2, л. 11; 3, л. 7]. На наш взгляд, следует согласиться с мнением И.М. Черных, что невозможно раз и навсегда установить единый критерий отграничения преступных ложных показаний от не преступных, это находится в компетенции суда, который в ходе судебного заседания дает правовую оценку собранным доказательствам, в том числе показаниям участников уголовного процесса [цит. по 1, с. 24–25].

В процессе следствия часто возникают ситуации, когда участник уголовного процесса, оказывая активное противодействие установлению истины по уголовному делу, дает заведомо ложные показания. Разновидностями такой ситуации являются, когда ложные показания – полностью вымышленные и не соответствуют действительности; в ходе проведения следственного действия допрашиваемый ссылается на полную или частичную «потерю памяти» в результате перенесенных заболеваний, травм, увечий, забывчивость, плохую память в результате злоупотребления спиртными напитками и наркотическими или сильнодействующими лекарственными препаратами; явно выраженное заpiresательство, нежелание давать правдивые показания по ряду причин, утверждение, что допрашиваемый «ничего не знает»; участник следственного действия не вполне искренен и наравне с правдивыми показаниями допускает заведомую неправду (частичная ложь), на это может указывать неконкретность и расплывчатость показаний; допрашиваемый отрицает обстоятельства, действительно имевшие место, без замены их ложными фактами [4, л. 8]; участники допроса отрицают обстоятельства, действительно имевшие место, с заменой ложными фактами; свидетель, потерпевший частично умалчивают о подлинных фактах события; участники уголовного процесса частично умалчивают о подлинных фактах с заменой их вымышленными событиями [4, л. 13–14].

Криминалистами предлагается система приемов и способов противодействия даче заведомо ложных показаний отдельными участниками уголовного процесса. К основным тактическим приемам разоблачения лжи в криминалистике относят допущение легенды; детализацию показаний; создание убежденности у допрашиваемого, что следователь обладает доказательствами, уличающего его во лжи; предъявление различных доказательств (фотографии, видеозаписи, предметы, документы, показания иных лиц); повторный подробный допрос; допрос с использованием криминалистической техники, в частности видеозаписи.

Так, О.А. Карпенко предлагает использовать при допросе лиц, дающих ложные показания, следующие группы тактических приемов:

«приемы предупреждения дачи заведомо ложных показаний (анализ исходной следственной ситуации, приемы оказания эмоционального воздействия, детальное объяснение положений уголовного закона об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, использование аудио- и видеозаписи в ходе производства процессуальных действий, приемы оказания логического воздействия, приемы упреждающего характера, связанные с пресечением возможного воздействия на свидетелей и потерпевших со стороны заинтересованных лиц и др.);

приемы выявления дачи заведомо ложных показаний (приемы собирания косвенных доказательств, уличающих свидетелей и потерпевших в заведомой лжи, предельная детализация и проверка показаний по всем выясняемым обстоятельствам, меры по защите субъектов дачи показаний (свидетелей и потерпевших), предъявление проверенных доказательств свидетелям и потерпевшим и др.);

приемы нейтрализации дачи заведомо ложных показаний (сообщение допрашиваемому свидетелю, потерпевшему, что в его показаниях имеются признаки лжи, предъявление доказательств этого утверждения и др.);

тактические приемы преодоления дачи заведомо ложных показаний по уголовному делу, в ходе расследования которого они были даны свидетелем, потерпевшим (приемы, которые могут быть применены во время производства первичных следственных действий, приемы производства повторных следственных действий по тому же делу)» [5, с. 13–14].

Для оптимизации и повышения эффективности противодействия даче заведомо ложных показаний большую роль играет правильная подготовка сотрудника органа уголовного преследования к проведению допроса. Мы солидаризируемся с точкой зрения многих криминалистов, что в процессе подготовки к допросу необходимо в первую очередь изучить и проанализировать имеющиеся материалы уголовного дела, в том числе показания, данные участником уголовного процесса на первичных допросах, при даче объяснений на начальной стадии расследования. Подготовка к допросу определяет во многом успех борьбы с ложными показаниями. Главное для лица, ведущего расследование, – решить, имеет ли будущий допрашиваемый установку на дачу ложных показаний и может ли она появиться перед или во время допроса.

Немаловажную роль в процессе подготовки к допросу играют материалы оперативно-розыскной деятельности органов дознания, благодаря которым следователь может определить круг лиц, подлежащих

допросу, и последовательность их вызова к месту допроса; изучить данные о личности допрашиваемого, его склонности ко лжи, отношении к совершенному преступлению; выяснить наличие или отсутствие вещественных доказательств, заключений экспертиз и иных данных, которые результативно могут быть использованы в процессе общения с допрашиваемым. На этом же этапе решается вопрос о целесообразности использования видеозаписи процесса допроса, а также о месте, времени и порядке проведения следственного действия.

Считаем, что предлагаемые нами криминалистические способы противодействия даче заведомо ложных показаний на предварительном следствии позволят сотрудникам органов уголовного преследования более эффективно раскрывать и расследовать преступления.

1. Малышев Я.В. Жесвидетельство: некоторые проблемы квалификации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2009. С. 23–25.

2. Порубов А.Н. Теоретико-прикладные аспекты борьбы с ложью в процессе предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2000.

3. Ушаков О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Владивосток, 2004.

4. Дубинин, Л.Г. Методика расследования заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2010.

5. Карпенко О.А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Акад. упр. МВД РФ. М., 2018.

УДК 343.98

Н.Н. Пацута, И.В. Пацута

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Обеспечение установленных Конституцией Республики Беларусь законности и правопорядка возложено на соответствующие государственные органы, их должностных лиц. Наиболее опасными нарушениями законности и правопорядка являются преступления, совершение которых наносит существенный вред правам и законным интересам граждан, интересам общества и государства. Именно поэтому важней-

шая задача уголовного процесса заключается в быстром и полном расследовании преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, в изобличении и привлечении к уголовной ответственности виновных, т. е. направлена на обеспечение защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства.

Реализуя указанную задачу, органы уголовного преследования в пределах своей компетенции должны в максимально быстрые в соответствии с законом сроки принять меры по обнаружению общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом, по выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, установлению обстоятельств совершения общественно опасного деяния и изобличению лиц, совершивших это деяние, с тем чтобы создать условия для постановления судом законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора либо вынесения постановления (определения) о применении принудительных мер безопасности и лечения к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевшим психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления (Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. Минск, 2012. С. 23).

Быстрое и полное расследование преступлений во многом обуславливается эффективностью взаимодействия следователя с подразделениями уголовного розыска в ходе досудебного производства. Анализ состояния такого взаимодействия свидетельствует о наличии отдельных проблем, негативно отражающихся на эффективности рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях, в том числе и в процессе организации работы следственного-оперативных групп (СОГ).

В специальной литературе СОГ рассматривается как основанное на законах и ведомственных нормативных правовых актах временное организационное формирование, состоящее из следователя (следователей), сотрудников оперативных аппаратов субъектов оперативно-розыскной деятельности и иных специалистов, возглавляемое следователем и создаваемое для оптимальной организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Одним из основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих порядок взаимодействия правоохранительных органов при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам, в том числе и в деятельности СОГ, является межведомственная Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного

следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства (далее – Инструкция).

В соответствии с п. 40 Инструкции выбытие следователя на место происшествия в составе СОГ осуществляется по указанию оперативного дежурного органа внутренних дел (ОВД) при поступлении информации, указывающей на наличие признаков преступления, заявления, сообщения о преступлении, информации об исчезновении лица и определенной информации о пожарах, указанной в п. 93 Инструкции. При этом следователь, заступивший на дежурство и находящийся в административном здании ОВД, согласно п. 42 Инструкции обязан незамедлительно выбыть в составе СОГ на место происшествия после соответствующего указания оперативного дежурного.

На практике же имеют место случаи отказа выбытия следователя на место происшествия в составе СОГ по следующим причинам: заявитель (пострадавший) находится в состоянии алкогольного или иного опьянения; пропавшее имущество оставлено без присмотра, забыто по невнимательности заявителя; сообщение о происшествии поступило не в день происшедших событий. Данные причины отказа выбытия на место происшествия, по нашему мнению, являются бесосновательными, поскольку противоречат как нормам УПК, так и Инструкции.

Следующей проблемой взаимодействия органов следствия с органами дознания является необоснованное возвращение следователями материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении в орган дознания по причине необходимости проведения не влияющих на квалификацию содеянного и принятие решения о возбуждении уголовного дела дополнительных следственных, оперативно-розыскных и иных проверочных действий (повторный опрос заявителя, истребование документов на имущество, назначение товароведческой экспертизы при наличии достоверных данных, подтверждающих стоимость похищенного имущества, и др.). При этом имеют место случаи несоблюдения сроков рассмотрения и возвращения материалов проверки в орган дознания, предусмотренных п. 15 Инструкции. Возвращение следователями материалов проверки в орган дознания, когда в этом нет острой необходимости, влечет увеличение сроков принятия законных обоснованных процессуальных решений по поступившим заявлениям, сообщениям о преступлении, которое противоречит одной из задач уголовного процесса – быстрому расследованию преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изблечению и привлечению к уголовной ответственности виновных.

Еще одной проблемой является направление органами следствия в орган дознания заявлений, сообщений о преступлениях, решения по которым в соответствии с ч. 2 ст. 174 УПК относятся к исключительной компетенции органов предварительного следствия, для проведения дополнительной проверки. Как известно, органы дознания не вправе возбуждать уголовные дела о преступлениях, связанных со смертью человека, против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 166–170 УК), совершенных депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, должностными лицами, занимающими ответственное положение и т. д., и проводить по ним неотложные следственные и другие процессуальные действия. Поэтому поступившие в орган дознания и зарегистрированное им заявление или сообщение о преступлении либо материалы при непосредственном обнаружении признаков преступления орган дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 174 УПК передает по подследственности в органы предварительного следствия для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что совместное решение органами предварительного следствия и дознания обозначенных проблем позволит повысить эффективность деятельности при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, при производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам.

УДК 343.985.2

Е.И. Попова

НЕПОЛНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ: ВЗГЛЯД КРИМИНАЛИСТА

Анализ следственной практики дает основание заключить, что имеют место случаи, когда, привлекая лицо к уголовной ответственности за совершение преступления, сотрудники правоохранительных органов не вменяют ему все эпизоды преступной деятельности, не выявляют соучастников, не возбуждают в отношении них уголовные дела.

Отсутствие исчерпывающего перечня причин подобного рода ситуаций часто обусловлено целым рядом разнообразных факторов. Можно обозначить основные обстоятельства, вызывающие такие ситуации.

1. Некая шаблонность расследования со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эта проблема не раз становилась предметом обсуждения ученых-криминалистов [1, с. 105–108]. Например,

Ю.П. Гармаев говорит, что «для работников правоохранительных органов ситуация осложняется еще и тем, что личная практика каждого – следователя, дознавателя, оперуполномоченного, прокурора, судьи (в первую очередь у представителей первых трех профессий) – в той или иной степени однообразна. В результате этого возникают несколько упрощенные, шаблонные представления о преступности и неправомерности тех или иных посягательств. Хранящиеся в нашей памяти эталоны, «образцы» деяний, которые, как подсказывает практика, точно подпадают под признаки того или иного состава, часто мешают нам даже задуматься над тем, может ли быть квалифицировано как преступление то или иное общественно опасное деяние, которое мы ранее не расследовали (не рассматривали). А уж если мы не можем припомнить, чтобы вообще кто-либо и где-либо квалифицировал похожее деяние как преступление, то сознательно или подсознательно многие из нас вообще отказываются обращать внимание, задумываться над этим» [2, с. 48]. Как следствие, «в практике образуются и широко распространяются десятки типичных и весьма опасных нераспознаваемых, «неузнаваемых» преступлений. Причем бывает так, что мы каждый день можем сталкиваться с ними, сетовать на существенный вред, который они причиняют личности, обществу, государству, и тем не менее все-таки не распознавать признаки конкретных составов преступлений» [2, с. 49–50].

2. Недостаточно высокий уровень квалификации и опыта следователей и дознавателей, высокая рабочая нагрузка, отсутствие необходимых познаний в области уголовного права и криминалистики.

3. Последовательно реализуемая стороной защиты тактика «закругления расследования». Суть ее в том, что адвокат, его подзащитный придерживаются мнимобесконфликтного поведения [3, с. 292–293]. При этом часто они могут (в том числе и в самом начале расследования, еще до возбуждения уголовного дела, например, в рамках доследственной проверки) заявлять о готовности признать вину, инициировать дознание в сокращенной форме, «выйти» на особый порядок судебного разбирательства дела. Расчет защитника и подозреваемого идет при этом на то, что следователь/дознаватель, будучи удовлетворен отсутствием противодействия с их стороны, оценит судебную перспективу как ясную, хорошую, предполагающую практически 100%-е принятие судом обвинительного приговора [4, с. 415]. При таких условиях названное должностное лицо в силу различного рода обстоятельств (в том числе высокой профессиональной нагрузки, необходимости обеспечить план по числу уголовных дел оконченных производством и пр.) вряд ли будет

нацелено на выявление неизвестных эпизодов преступной деятельности подозреваемого, его вероятных соучастников и т. п.

4. «Сделка» между дознавателем или следователем и подозреваемым или обвиняемым. Суть ее можно описать, например, следующим образом. В случае совершения преступления в составе группы лиц следователь или дознаватель предлагают соучастникам решить, кто из них возьмет вину на себя. При этом должностное лицо обещает, что остальные будут «проходить по делу» в качестве свидетелей. Таким образом, часто для соучастников предложение является весьма привлекательным, так как в случае согласия с предложением следователя или дознавателя (который, кроме прочего, может обещать и рассмотрение дела в особом порядке с назначением минимального наказания) часть соучастников вообще не привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении того, что соглашается признать вину, не вменяются такие квалифицирующие признаки, как «группа лиц по предварительному сговору» (в ряде случаев – «организованной группой»). Бывает, что следователь или дознаватель даже в случае совершения преступления единолично обещает квалифицировать действия подозреваемого не по всем, а лишь по нескольким эпизодам преступной деятельности, если последний признается в совершении какого-то числа (или даже одного) преступления и не будет оказывать противодействия органам предварительного расследования. В правоприменительной практике имеют место и другие, подобные описанным ситуации.

Тем не менее нельзя утверждать, что приведенные в рамках данного пункта примеры «сделок» широко распространены в следственной практике. Наоборот, считаем, что сотрудники правоохранительных органов – профессионалы своего дела, руководствующиеся законом и правилами морали. Однако совсем отрицать наличие таких «сделок» не правильно [5, с. 75]. Отметим, что подобного рода действия сотрудников правоохранительных органов, как правило, подпадают под признаки преступлений (ст. 285, 286, 299, 300 УК РФ и др.).

1. Сердюк А.А. Инициатива правоохранительных органов в выявлении взяточничества: проблемы практической реализации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2016. С. 105–108.

2. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2005. С. 48.

3. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика : учебник. М., 2008.

4. Гармаев Ю.П. Ситуационный подход и судебная перспектива по уголовному делу // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной

деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2012. С. 411–418.

5. Аликперов Х.Д. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999.

УДК 343.985.7

А.Н. Примаков

ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ

Неотъемлемым элементом криминалистической характеристики любого вида преступления, и тем более против личности, является потерпевший. Результаты изучения обстоятельств совершения преступлений на сексуальной почве, а также личностей потерпевших позволяют утверждать, что для данной категории уголовных дел сложившаяся точка зрения, согласно которой большинству жертв присущи негативные нравственно-психологические черты, из-за которых и происходят подобные нападения, абсолютно неприемлема. Однако такое умозаключение не означает, что пострадавшие от насильников не обладают определенными свойствами, способствующими их попаданию в криминогенную ситуацию [1, с. 63]. Так, еще Г. Гросс отмечал, что проверка заявлений о кражах, грабежах, пожарах и изнасилованиях должна быть тщательной, поскольку не исключена возможность их симуляции [2, с. 31–34].

Становление криминалистического учения о жертве преступления связано с теоретическими разработками общих положений методики расследования преступлений. Так, Н.А. Селиванов утверждал, что «в преступлениях против личности достаточно полная характеристика не мыслима без подробных сведений о личности потерпевшего, самым непосредственным образом связанных с объектом преступного посягательства» [3, с. 56].

В настоящее время необходимость изучения личности жертвы установлена и нормами уголовного закона. В ст. 64 УК Республики Беларусь перечисляются индивидуальные признаки потерпевшего, отягощающие наказание виновного (беременность, малолетний или несовершеннолетний возраст, зависимость от виновного и т. д.). Представляется, что с криминалистической точки зрения изучение некоторых особенностей жертвы полового насилия помогает определить как специфику ее показаний, так и особенности тактики проведения ее допроса и других следственных действий с ее участием.

В криминалистической литературе обращается внимание на изменяющееся отношение к потерпевшей со стороны правоохранительных органов в зависимости от следственной ситуации. «При совершении сексуальных противоправных деяний по уголовным делам с установленной личностью подозреваемого, – отмечает О.А. Лакаева, – внимание к личности потерпевшей ослабевает. И наоборот, по уголовным делам с неустановленной личностью подозреваемого интерес к потерпевшей, ее связям со стороны правоохранительных органов значительно возрастает, а иногда становится необоснованно пристрастным» [4, с. 14].

Анализ следственной практики и статистических данных о половых преступлениях позволяет сделать вывод о том, что четверть (26 %) изнасилований и насильственных действий сексуального характера от общего количества зарегистрированных преступлений указанной категории совершаются группой лиц. При этом по возрасту потерпевшие распределяются следующим образом: несовершеннолетние – 34 % жертв, совершеннолетние одного возраста с преступниками – 54 %, старше преступника – 12 %.

Поведение потерпевшего лица можно охарактеризовать следующими субъективными особенностями:

психологическими (доверчивость, легкомыслие, повышенная внушаемость, психические отклонения и т. д.);

ситуативными (одномоментными или периодическими) поведенческими (небрежные и аморальные непродуманные или провокационные поступки, связанные с употреблением алкоголя, наркотических средств, беспорядочные половые связи и т. д.).

Некоторые авторы, изучая поведение жертвы полового насилия, обращают внимание на безнравственное поведение потерпевшей, под которым понимают отсутствие активного противодействия проявлениям сексуального характера. Есть также мнения о соотношении степени виновности насильника с наличием у потерпевшей сексуального опыта, об установлении в качестве смягчающих вину насильника обстоятельств: предыдущие сексуальные контакты виновного и потерпевшей, нахождение женщины в состоянии алкогольного опьянения, поведение женщины, воспринимаемое будущим насильником, как флирт, и т. д. [5, с. 108–109].

Однако, на наш взгляд, принципиально важно понимать, что в любом случае, если поведение женщины направлено на привлечение к себе внимания, выражает желание интимной близости, можно говорить о провоцировании ею мужчины на эту близость, но не об изнасиловании или иных насильственных действиях сексуального характера.

Изучение уголовных дел об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера позволяет дифференцировать поведение

потерпевших, предшествующее сексуальному насилию. Выделяются три разновидности действий потерпевших:

находясь в общей компании с насильником, распивала с ним спиртное – 51 % потерпевших;

шла в безлюдном и (или) темном месте одна – 27 %;

вела себя провоцирующее, оголяя участки тела, – 22 %.

При совершении сексуального насилия группой лиц также важен факт знакомства потерпевшей с одним из насильников, который не вызывает подозрений, когда преступники, используя общие интересы, устанавливали с ней контакт. Поэтому, не ожидая задуманного насильниками либо легкомысленно его не допуская, жертва следовала туда, куда ее звали.

Поведенческие особенности потерпевших, которые не были знакомы с насильниками, на стадии попадания в криминогенную ситуацию отличаются либо неосторожным, либо нейтральным характером. Неосмотрительность и доверчивость в действиях присущи большей части данной категории потерпевших. Они, как правило, пассивны, не уверены в себе, легко впадают в состояние растерянности [1, с. 67].

Особый интерес вызывают потерпевшие лица, которые познакомились с насильником в день совершения акта полового насилия. Как правило, для насильников знакомство является элементом приготовления нападения, умысел на его совершение возникает еще до знакомства. Важно отметить, что именно при таких обстоятельствах поведение потерпевшей создает условия, которые оказывают содействие в реализации замысла насильника. Например, согласие на проезд в его автомобиле, совместное распитие спиртных напитков, посещение места его жительства и т. д. Потерпевшими по таким делам, как правило, являются несовершеннолетние из-за отсутствия достаточного опыта знакомств, желания казаться старше и т. д.

При установлении механизма преступления, а также поведения потерпевшей в момент посягательства и оказания ею сопротивления преступным действиям обращают на себя внимание такие психологические факторы, как растерянность от неожиданности нападения насильника, ступор жертвы под воздействием страха, и угрозы причинения телесных повреждений либо смерти. Некоторые психологи утверждают, что неспособность двигаться во время насилия происходит из-за тоновой неподвижности жертвы. Заявления потерпевшей «Мое тело все было парализовано» или «Мое тело все отяжелело» являются наиболее общими объяснениями состояния жертвы насилия, которые аналогичны полному моторному торможению и мускульной скованности [6, с. 22].

Важное значение имеет и изучение личности потерпевшей после ее изнасилования. Как отмечает Я.Л. Коломинский, социальные по-

следствия преступления относятся к самой эмоционально насыщенной сфере человека, «ибо связаны с самой важной и самой общей самооценкой – с оценкой себя как личности» [7, с. 111].

Таким образом, изучение индивидуальных особенностей личности потерпевшей по уголовным делам о сексуальном насилии является одним из важнейших обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании уголовных дел данной категории. Полученная информация позволяет: выбрать оптимальную тактику допроса и производства иных следственных действий с участием и потерпевшей, и ее насильника; решить вопрос о вине подозреваемого в сексуальном насилии; установить обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность.

1. Багмет А.М., Бычков В.В., Сажаяев А.М. Расследование изнасилований и иных насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних или несовершеннолетними в составе группы : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2017.

2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908.

3. Селиванов Н.А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалист. законность. 1977. № 2. С. 56–58.

4. Лакаева О.А. Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

5. Могачев М.И. Серийные изнасилования. М., 2003.

6. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. М., 1990.

7. Коломинский Я.Л. Осознание человека своих личных взаимоотношений с другими членами группы // Вопросы психологии. 1967. № 3. С. 110–120.

УДК 343.98

Д.А. Романюк

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СВЯЗИ НА РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В научных работах по криминалистике, посвященных раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет, разносторонне рассмотрен фактор времени, оказывающий как отрицательное, так и положительное влияние на указанную деятельность [1, с. 11–14; 2, л. 34, 160,

163; 3, л. 36–39 и др.]. Но фактически без внимания оставлен ключевой компонент пространственно-временного взаимодействия, называемый пространственной связью. Умение выявлять и анализировать пространственные связи, относящиеся к расследуемому событию, играет важную роль в процессе раскрытия и расследования преступлений в целом и преступлений прошлых лет в частности.

Фактор пространственной связи имеет сходство с одноименным принципом обработки информации в ситуациях неопределенности (в нашем случае – следственной неопределенности). Принцип пространственной связи в психологии, например, относят к одному из основных в «примитивном» (мистическом, праологическом) мышлении, согласно ему, вещи, которые хоть раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Данный принцип еще называют законом соприкосновения или заражения (контагиозности) [4, л. 8,42]. Несмотря на то, что в психологии в упомянутом принципе заложен более сакральный смысл, употребление данного понятия в криминалистике имеет свое значение.

Формированию фактора пространственной связи также способствует основополагающий принцип диалектического материализма, заключающийся в универсальной взаимосвязи и взаимодействии предметов и процессов объективного мира. В работах, посвященных философским основам (аспектам) криминалистической теории, встречается суждение, что вне пространственных и временных связей и отношения к ним невозможно освоение и обустройство пространственной и социальной природы, полновесное становление личности и деятельности, эффективное разрешение многих других социально и личностно значимых научно-познавательных и практических проблем [5, с. 108]. В криминалистике значение фактора пространственной связи заключается в том, что все элементы криминалистической структуры преступления, находившиеся до, во время или после его совершения во взаимодействии (соприкосновении) друг с другом, сохраняют незримую пространственную связь между собой. Примером проявления данного фактора является сформулированное в криминалистике понятие «крест следов» убийства [6, с. 24], согласно которому такие его элементы как убийца, жертва, орудие и место преступления находятся в особом взаимодействии и каждый элемент отражает в (на) себе признаки трех остальных. Речь идет об отражении информации, которое в криминалистике выражается в материальных и идеальных следах. Как видно из примера, рассматриваемый фактор тесно связан с криминалистической теорией отражения. Чем больше отражений в (на) себе получили взаимодействующие объекты и субъекты, тем сильнее и устойчивее пространственная связь между ними.

Помимо теории отражения, фактор пространственной связи гармонично встраивается в криминалистическую теорию познания и теорию доказывания. Основой криминалистического познания является установление элементов структуры преступления, их связей и взаимодействия через закономерно оставляемые отражения всех перечисленных процессов в соответствующих средах. Общая теория отражения ставится на службу правосудию, через отражение осуществляется процесс познания. Только знание и использование теории криминалистического отражения позволяет обеспечить действительно полное доказывание происшедшего события и определить роль обвиняемого в нем [7, с. 98].

Все, что увидели, услышали и почувствовали преступник, жертва, очевидец или свидетель преступления образует пространственную связь с соответствующими отражаемыми объектами и субъектами через систему идеальных следов преступления. Совокупность возникающих идеальных следов обусловлена исходно социальной природой пространственных связей. Говоря про отражение информации, образующее идеальные следы, следует отметить, что она обладает важным свойством переотражения. Суть такого свойства заключается в передаче информации от одного субъекта к другому, в результате чего увеличивается число лиц обладающих данной информацией, и следовательно, возрастает вероятность получения искомой информации заинтересованными лицами (в нашем случае – получение следователем ранее неизвестной криминалистически значимой информации о нераскрытом преступлении прошлых лет). Подобная пространственная связь усиливается пропорционально увеличению субъектов, обладающих криминалистически значимой информацией, а также исходя из отношения субъектов к данной информации.

Проявление и влияние фактора пространственной связи можно рассмотреть в действиях преступника. Будучи связанным с местом совершения преступления преступник иногда возвращается на него. Мотивом такого поведения выступает желание удостовериться в наступлении преступного результата, понаблюдать за действиями правоохранительных органов или разорвать существующую пространственную связь путем уничтожения следов преступления. При этом, сам того не желая, преступник может только укрепить пространственную связь с местом преступления. Им могут быть оставлены новые следы. Кроме того, если преступник был замечен на месте ранее совершенного преступления, пространственная связь усиливается идеальными следами в памяти увидевших его людей.

Пространственную связь преступника с обстоятельствами, местом, жертвой и орудием преступления важно учитывать при организации и проведении опроса с использованием полиграфа на предмет причаст-

ности проверяемого лица к совершенному преступлению. Необходимо четко представлять, с какими объектами может быть пространственно связан преступник, понимать характер этих связей для максимального охвата вопросов, предстоящих для постановки опрашиваемому лицу.

Существует некоторый перевес субъективной составляющей в возникновении и сохранении пространственных связей между субъектами и объектами преступного события. Подобное обусловлено единством бытия и сознания, определяющимся диалектическим единством объективного и субъективного. Как объективное, так и субъективное существует и развивается по своим законам-принципам. Природа объекта не совпадает с природой субъекта, они находятся в диалектическом противоречии. Достижение в этом противостоянии диалектической согласованности определяется активным началом, носителем которого является субъект [5, с. 109]. Но несмотря на это, объекты материального мира, находившиеся во взаимодействии при подготовке, совершении или сокрытии преступления, не в меньшей степени пространственно связаны между собой через систему материальных следов преступления. Для установления таких связей необходимо четко знать и представлять механизмы следообразования, следовую картину и орудия преступления исходя из его квалификации.

В отличие от большинства факторов, влияющих на раскрытие и расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, фактор пространственной связи носит преимущественно положительный характер. Отрицательным является лишь возможность деформации, ослабления и разрушения пространственных связей под воздействием фактора времени.

Знания о факторе пространственной связи и учет его влияния на раскрытие и расследование нераскрытых преступлений прошлых лет позволяют иметь более полное представление об источниках доказательственной, ориентирующей и вспомогательной криминалистически значимой информации. Выявление и анализ возможных пространственных связей служат установлению новой информации по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет и восполнению пробелов (дефектов) расследования.

1. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : учеб. пособие. М., 1972.

2. Кулеева И.Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2010.

3. Самиев Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2016.

4. Михайлов С.В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03. М., 2006.

5. Кривошеин Д.И. Социальная природа пространственных и временных связей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 336. С. 107–110.

6. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. / М.П. Шруб [и др.]. Минск, 2018. Ч. 1.

7. Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, 2005.

УДК 343.98

Е.Р. Россинская

НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ И МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Нарастающий лавинообразно процесс цифровизации, проникновение современных информационно-компьютерных технологий почти во все сферы жизни людей (управленческая, экономическая, социокультурная и др.) оказал огромное влияние на видоизменение преступной деятельности в целом, позволяет совершать практически любые преступления: хищения наличных и безналичных денежных средств, мошенничества, фальшивомонетничество, «отмывания» денег, продажи секретной информации, террористические акты, незаконный оборот наркотических и психотропных средств и проч., порождает все новые и новые способы преступлений: использование средств мобильной коммуникации для совершения террористических актов, поджогов, взрывов; создание и распространение вредоносных программ для коммуникаторов, организация массовых беспорядков, групп смерти и др.

Все эти преступления нами ранее было предложено именовать «компьютерными преступлениями», причем мы неоднократно подчеркивали, что дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом аспекте, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом, так как связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и методикой его раскрытия и расследования. Компьютерные преступления имеют общую родовую кри-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

миналистическую характеристику, включающую сведения о способах преступлений, лицах, совершивших их, сведения о потерпевшей стороне и обстоятельствах, способствующих и препятствующих данным преступлениям [1, с. 440–442; 2, с. 903–905].

Как мы уже неоднократно отмечали, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем пока не нашли достойного места в криминалистической науке, несмотря на то, что теме расследования компьютерных преступлений, в первую очередь преступлений в сфере компьютерной информации, посвящен целый ряд литературных источников в России и за рубежом. Однако эти работы носят неупорядоченный фрагментарный характер. По нашему мнению, связано это с тем, что в криминалистической науке пока мало изучены компьютерные средства и системы – носители криминалистически значимой компьютерной информации, сама информация в цифровом виде, являющиеся объектами криминалистического исследования; закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем. Исключение составляет фрагментарное рассмотрение этих вопросов в методике расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Для системного рассмотрения проблем, связанных с изменениями в преступной деятельности в связи с цифровизацией нами разработана новая криминалистическая теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, обеспечивающая инновационный подход к развитию всех разделов криминалистики.

Предметом теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности являются закономерности возникновения, движения, сбора и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел.

Объектами частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности являются сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, с одной стороны, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации [3, с. 168–176].

В систему теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности входят [4, с. 193–202]:

1. Концепция теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории, ее задачи и объекты.

2. Учение о способах компьютерных преступлений преступлений/ правонарушений [5, с. 87–99].

3. Учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации. [6, с. 6–9].

4. Учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений.

5. Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, реализуемое в новом разделе криминалистической техники [7, с. 745–759].

6. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий.

7. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений.

8. Учение о взаимосвязях и разграничениях цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности.

Инновационное развитие криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений на основе теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности обеспечиваются учением об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений, являющимся современным воплощением учения о криминалистической характеристике вида преступления в эпоху цифровизации и позволяющим наполнить этот, по выражению профессора Р.С. Белкина, «криминалистический фантом» [8, с. 220–223] реальным содержанием, включающий: типичные модели исходной информации о виде компьютерного преступления; модели типичных способов компьютерных преступлений; информационные модели типичных последствий применения данных способов; информационные модели личности вероятного преступника, его мотивов и целей; информационные модели личности вероятной жертвы преступления; информационные модели некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка).

На основе информационно-компьютерных криминалистических моделей разрабатываются тактические приемы, тактические комбинации и операции, тактические рекомендации при расследовании компьютерных преступлений. Создается классификация и типизация следственных ситуаций, возникающих при расследовании компьютерных пре-

ступлений. Выявляется специфика тактических решений и особенности тактического риска по делам данной категории.

Далее анализируются особенности тактики и технологии следственных действий (осмотр, обыск, допрос, осмотр предметов, документов, выемка, следственный эксперимент) по уголовным делам, сопряженным с неправомерным доступом к компьютерной информации, разработкой и использованием вредоносных программ, мошенничества, незаконным оборотом наркотических средств, преступлениями против личности, преступлениями в сфере экономической деятельности и пр. Исследуется роль специальных знаний и специалистов в применении тактических приемов и тактических операций, ситуационный подход к выбору специалиста и его компетенции.

Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений включает: информационно-компьютерные криминалистические модели видов компьютерных преступлений; типичные следственные ситуации для данного вида компьютерного преступления; особенности планирования на первоначальном и последующем этапах при расследовании данного вида компьютерного преступления; особенности тактики первоначальных следственных действий при расследовании данного вида компьютерного преступления; особенности тактики последующих следственных действий при расследовании данного вида компьютерного преступления.

1. Россинская Е.Р. Криминалистика : учеб. для вузов. М., 2016.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В.Аверьянова [и др.]. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2014.
3. Россинская Е.Р. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронеж. криминалист. чтения № 2. 2017. С. 168–176.
4. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. № 2. 2019. С. 193–202.
5. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // LexRussica. №3. 2019. С. 87–99.
6. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С.6–9.
7. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. Т. 11, вып. 3. С. 745–759.

8. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С.220–223.

УДК 343.982.323

Л.В. Самуйленко

ОТДЕЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

Для эффективного розыска лиц, тем или иным образом причастных к совершению преступления или правонарушения, достаточно результативно используется прием составления субъективного портрета. Существует несколько определений субъективного портрета, но наиболее точное, на наш взгляд, предлагает Е.В. Давыдов: «субъективный портрет – это материально зафиксированные мысленные образы внешности человека в сознании видевших его людей»[1, с. 5].

На формирование мысленного образа влияет большое количество субъективных факторов: пол, возраст, национальная принадлежность, различные профессиональные навыки лица и др.

Одним из главных субъективных факторов является возраст. С каждым годом количество преступлений и правонарушений, в которых тем или иным образом замешаны дети и подростки, неумолимо растет. Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в процесс расследования преступлений оказалось неизбежно. Как показала практика, к процессу составления субъективного портрета можно с успехом привлекать детей и подростков. И здесь для достижения максимально положительного результата необходимо четко понимать отличие психоособенностей у ребенка и взрослого человека. Те психологические приемы составления субъективного портрета, которые используются при работе с взрослыми людьми, часто не применимы при работе с несовершеннолетними.

Говоря о несовершеннолетних, необходимо понимать, что это общая категория, в которую входят несколько возрастных групп.

Совсем маленькие дети ввиду своего психо-физиологического развития не могут участвовать в составлении субъективного портрета. Строить рассказ дети начинают примерно с 5 лет. В этом возрасте им легче что-либо опознать, чем описывать словесно. Не стоит ребенка в этом возрасте просить дать словесное описание внешности человека и особенно элементов лица. Дети в возрасте 4–7 лет с большим трудом и, как

правило, в искаженном виде могут передать свое представление о внешности взрослого человека. При работе с детьми дошкольного возраста целесообразно показывать им изображения отдельных фрагментов лица и его элементов с последующим выбором ими подходящих, из которых в дальнейшем и будет формироваться целостный портрет.

В возрасте с 7 до 10 лет у детей происходят большие изменения в сознании, мышлении, речи, словарном запасе: несовершеннолетние уже могут сформулировать свои мысли в связный текст на основе личного опыта. У них формируются навыки последовательного изложения событий, при этом появляется детализация. Как указал в своей работе А.М. Зинин, дети могут запомнить какой-либо доминантный признак во внешнем облике или особую примету и назвать их, но здесь возможна ситуация, когда название не соответствует действительной выраженности признака, так как запас слов, имеющийся у них, еще очень незначителен для описания признаков внешности [2, с. 128].

К 10–11 годам дети могут уже вспоминать увиденное и услышанное ранее, но еще до 14 лет несовершеннолетние не владеют достаточным словарным запасом для грамотного описания признаков внешности.

У подростков 14–16 лет в словаре уже появляются термины, позволяющие дифференцировать признаки внешности в той степени, в которой необходимо для изготовления субъективного портрета.

При работе с несовершеннолетними специалисту необходимо учитывать, что в каждом возрастном периоде у детей существует разный круг общения, взаимоотношения с окружающим социумом, меняются моральные и материальные ценности и пр. Эти факторы влияют на сознание несовершеннолетнего, на его поведение, отношение и восприятие происходящего. То, что может являться для одного ребенка стрессовой ситуацией, для другого будет нормой, их психика и память отреагируют по-разному.

При работе с несовершеннолетними цели и задачи каждого этапа работы по составлению субъективного портрета имеют свои особенности.

На первом, подготовительном этапе специалисту необходимо заранее получить следующие данные: условия жизни и сведения о воспитании ребенка, посещаемость детских учреждений; уровень интеллектуального развития, владение речью, круг интересов, способы проведения досуга, занимаются ли с ним родители, положительные качества ребенка; наблюдателен, сообразителен ли ребенок, как учится в школе, насколько он к ней адаптивен; не замечен ли в употреблении алкогольных напитков, наркотиков и т. п.; основные черты характера, эмоциональная устойчивость ребенка, отношение со сверстниками, учителями и т. д.; физическое развитие, нет ли каких-либо дефектов, расстройств, заболеваний; если есть, то какого характера и происхождения.

На данном этапе также необходимо установить психологический контакт с ребенком, расположить его к себе, вызвать доверие. Для соблюдения психологического равновесия несовершеннолетнего предусмотрено обязательное участие педагога или психолога. Для того чтобы ребенок легче освоился, специалист читает разговор с педагогом или психологом, постепенно привлекая к беседе ребенка.

Еще одно важное правило при составлении субъективного портрета со слов несовершеннолетнего – место составления, которое не должно вызывать чувство беспокойства у ребенка. В некоторых случаях целесообразно составление субъективного портрета на территории, привычной для ребенка (например, у него дома). Благодаря современному развитию науки и техники в данный момент это не представляет особых трудностей, все необходимое оборудование имеет переносной характер.

На начальной стадии этапа собственно изготовления субъективного портрета специалисту необходимо выяснить у ребенка первые воспоминания о внешности подозреваемого лица. Для этого необходимо расположить к себе опрашиваемого и вызвать у него интерес к разговору. Здесь как раз и целесообразно использование такого психологического приема как разъяснение необходимости мероприятия по составлению субъективного портрета. Однако это должно происходить в соответствии с возрастом ребенка, понятными ему словами и аргументами, мягко и непринужденно.

Ни в коем случае нельзя давить на ребенка, так как это может иметь противоположный эффект, ребенок воспримет груз ответственности слишком сильно и объективность его слов значительно снизится, так как он будет стараться угодить взрослым и вспомнить хоть какой-то элемент внешности, который на самом деле и не существовал.

При работе с несовершеннолетними оправдал себя прием использования элементов игры. В современном мире часто дети умеют пользоваться компьютерной техникой лучше взрослых. В связи с этим имеет смысл программу составления субъективного портрета преподнести как очередную компьютерную игру, возможно даже позволить ребенку самому подставить тот или иной элемент внешности. Это позволит ему почувствовать себя вовлеченным в процесс работы и даст осознание значимости процесса.

При работе с детьми также необходимо помнить о факторе внушаемости. Детская психика мягкая и податливая, в связи с чем легко подвергается внушению со стороны взрослых. Внушение возможно установить, так как рассказ ребенка будет выглядеть неестественным, описываемые факты фрагментарными, типичными штампами, будут использоваться «детские» сложные словосочетания и фразы. От этого

создается впечатление, что текст заучен, рассказывается как приготовленное заранее стихотворение. Для того чтобы убедиться, говорит ли ребенок свои мысли, необходимо поинтересоваться: понимает ли он то, о чем говорит. Уговорами добиться, чтобы ребенок своими словами пересказал, рассказанное ранее.

Далее необходимо постепенно уточнять детали элементов внешности описываемого лица, делая это также в игровой непринужденной форме. В результате чего мы достигнем получения уточненного, а затем и окончательного варианта портрета. Окончательным вариант портрета считается после его одобрения очевидцем, в нашем случае – несовершеннолетним. При этом по возможности выясняется степень подобия полученного изображения мысленному образу.

Важно также обратить внимание на особенности временных рамок при работе с несовершеннолетними. Связано это с незрелостью детской психики и быстрой утомляемостью ребенка. По мнению М.М. Коченова и Н.Р. Осиповой, оптимальное время работы с несовершеннолетними составляет: для детей 3–5 лет в течение 15–20 минут; для детей 5–7 лет в течение 20–25 минут; для детей 7–10 лет в течение 25–35 минут [3, с. 8]. Оптимальное время работы с подростками также составляет 25–35 минут.

Когда в вышеуказанные временные рамки работа по созданию субъективного портрета не завершена, необходимо сделать перерыв. Однако если время контакта еще не истекло, но специалист чувствует, что опрашиваемый устал и эффективность работы снизилась, перерыв следует сделать раньше.

Оформительский этап проходит по стандартной схеме, производится фиксация действий по изготовлению портрета: составляется справка с приложением к ней фототаблицы, на которой помещаются фотоснимки промежуточного и окончательного вариантов портрета. Однако и здесь есть нюанс, справка подписывается не самим несовершеннолетним, а его законным представителем и всеми другими участниками работы.

Таким образом, можно заключить, что работа с несовершеннолетним при составлении субъективного портрета требует повышенной концентрации внимания и будет эффективна в случае учета особенностей данной категории граждан.

1. Давыдов Е.В. Современные возможности использования субъективных портретов в практике раскрытия и расследования преступлений. Волгоград, 2012.

2. Зинин А.М. Субъективный портрет: курс лекций. М., 2012. С. 128.

3. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. М., 1984. С. 8–14.

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

После прекращения существования СССР развитие уголовно-процессуального законодательства образовавшихся на его территории независимых государств в части регламентации вопросов взаимодействия органов следствия с оперативно-розыскными подразделениями происходит по одной из двух моделей.

1. В модели порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целом аналогичен определенному в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь (уголовно-процессуальные кодексы Азербайджанской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Армения, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан);

2. В модели уголовно-процессуальным законом закреплено проведение негласных, или специальных, тайных, следственных действий; либо регламентировано проведение оперативно-розыскных мероприятий с приданием их результатам значения доказательств [1, с. 404–408]. Это уголовно-процессуальные кодексы Грузии, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Украины, Эстонской Республики.

Несмотря на различие мнений по вопросу интеграции уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [2, с. 88–91, 3, с. 109], результаты научных исследований уголовно-процессуального законодательства бывших союзных республик убедительно свидетельствуют об объективной необходимости в этом. Так, например, В.А. Семенов выделяет следующие способы ее законодательной реализации: установление возможности легализации в уголовном судопроизводстве информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий (Российская Федерация, республики Беларусь, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджанская Республика, Таджикистан); закрепление в уголовно-процессуальном законе негласных или специальных, тайных, следственных действий (Украина, Республика Казахстан, Киргизская, Латвийская, Литовская республики, Грузия); прямое включение ОРМ в уголовно-

процессуальный закон с приданием их результатам значения доказательств (Республика Молдова, Эстонская Республика [4, с. 52–53]).

Еще одним средством сближения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности является совершенствование законодательства в части расширения полномочий следователя, в частности, возможность ознакомления с материалами ОРД.

В отличие от российского УПК белорусский кодекс при расследовании уголовного дела и рассмотрении сообщения о преступлении предоставляет следователю право ознакомления с материалами ОРД (ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь).

В целом регламентирующие вопросы взаимодействия нормы уголовно-процессуальных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации во многом сходны по своему «набору», но имеют и существенные различия.

Например, согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам этим Кодексом. Аналогичная формулировка имеется в ст. 57-1 УПК Приднестровской Молдавской Республики, но УПК остальных бывших союзных республик регламентируют использование результатов ОРД в доказывании в контексте конструктивных предписаний.

Установление запрета в качестве отправной точки правового регулирования взаимодействия следователей и оперативных работников, а также содержание статьи в целом является предметом обоснованной критики ученых. Нам не встречались мнения о том, что она удачна и не требует корректировки [1, с. 272–284; 3, с. 107; 5, с. 7–11; 6, с. 217; 7, с. 92].

Согласно ст. 101 УПК Республики Беларусь материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК.

Очевидно, что такое изложение корректнее, хотя словосочетание «могут быть признаны <...> при условии» все-таки содержит почву для сомнений в правомерности использования в доказывании результатов ОРД априори.

Содержание ст. 89 УПК РФ несовершенно еще и в силу указания на возможность использования результатов ОРД в доказывании, только если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, что в принципе неосуществимо, так как получение результатов ОРД регламентировано Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ). С этой точки зрения также предпочтительна формулировка УПК Республики Беларусь.

Так, ст. 99 УПК Республики Беларусь относит к числу источников доказательств помимо протоколов следственных действий и судебного заседания отдельно протоколы следственных действий и ОРМ о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленных в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания.

Интересно, на наш взгляд, мнение С.А. Шейфера о том, что конструкция «осуществление контроля и записи переговоров» (ст. 186 УПК РФ) «с точки зрения правовой регламентации следственных действий является необычной» [8, с. 63], что это следственное действие – «самое дискуссионное» [9, с. 306]. Непросто обосновать различие в порядке осуществления его и ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров».

Как бы то ни было, отличие ОРМ от следственного действия имеется: в последнем случае следователь непосредственно производит осмотр и прослушивание фонограммы, определяет, что именно следует изложить в протоколе дословно, перепроверяет правильность отражения в стенограмме содержания фонограммы.

Обособление в ст. 99 УПК Республики Беларусь протоколов следственных действий и ОРМ о прослушивании и записи переговоров свидетельствует об учете законодателем этих особенностей и может служить положительным примером.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных данным Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ. В целом, аналогичная норма имеется и в УПК Республики Беларусь, в котором, кроме того, установлен 10-суточный срок исполнения поручения, если иной срок не согласован со следователем, органом дознания, давшими поручение, что, хотя и не способно полностью устранить формализм при выполнении поручения, но создает основу для контроля за его выполнением (ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь).

Недостатком обоих процессуальных кодексов, на наш взгляд, является формальная возможность создания лишь следственной, но не следственно-оперативной группы (ст. 185 УПК Республики Беларусь и ст. 163 УПК РФ). Здесь в части взаимодействия более прогрессивен УПК РФ, так как предусматривает привлечение к работе группы сотрудников оперативных подразделений.

На теоретическом уровне тема следственно-оперативных групп разработана достаточно детально [10–12], актуальность и эффективность данной формы взаимодействия очевидна.

О признании ее значения на межгосударственном уровне свидетельствует, помимо прочего, заключенное в 2017 г. Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств [13].

Приведенные в нем задачи таких групп (можно сказать – взаимодействия) связаны не только с работой на межгосударственном уровне, но и обозначают ключевые признаки этого понятия: согласованная деятельность по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, организация упрощенного порядка взаимодействия, создание условий для оперативного обмена информацией, взаимное информирование о ходе выполнения согласованных действий, планирование, координация и взаимодействие при проведении процессуальных действий и (или) ОРМ.

В рамках соглашения 27 апреля 2017 г. в г. Санкт-Петербурге прошло первое совместное заседание коллегий Следственного комитета Республики Армения, Следственного комитета Республики Беларусь и Следственного комитета Российской Федерации [14]. Сегодня проведено уже четыре таких заседания.

Таким образом, несмотря на значительную роль взаимодействия в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, его законодательное регулирование в основных для уголовного процесса нормативных актах – уголовно-процессуальных кодексах и России, и Беларуси требует дальнейшего совершенствования. Необходима неформальная, полная и непротиворечивая регламентация основ взаимодействия, опираясь на которые возможно будет создать систему ведомственных и межведомственных актов, обеспечивающих наиболее эффективную их реализацию на практике.

1. Попов А.П., Попова И.А., Фурсов В.А. Проблемы регламентации результатов ОРД в уголовном процессе // Уголовный процесс России. Проблемные лекции : учеб. пособие / А.С. Александров [и др.] ; науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014.

2. Драпкина Л.Я., Тумаков И.С. Проблемы дифференциации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Рос. юрид. журн. 2005. № 1. С. 88–91.

3. Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства // Судеб. власть и уголов. процесс. 2018. № 2. С. 104–110.

4. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.

5. Вольнский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Рос. следователь. 2016. № 1. С. 7–11.

6. Кардашевская М.В. Сравнительный анализ использования результатов ОРД в России и зарубежных странах // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сб. научн. ст. : в 2 ч. Тула, 2017. С. 212–217.

7. Лютынский А.М. О необходимости изменения некоторых норм законодательства в контексте использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 89–94.

8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

9. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2017.

10. Бастрыгин А.С. Криминалистическое обеспечение расследования многоэпизодных дел следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2018.

11. Ларичев В.Д., Кучкина В.Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 1. С. 118–122.

12. Захарова В.О. Коллективные формы расследования (следственные и следственно-оперативные группы). М., 2016.

13. СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Сборник информационных материалов по итогам первого совместного заседания коллегий Следственного комитета Республики Армения, Следственного комитета Республики Беларусь и Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. А.И. Бастрыкина // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. М., 2017. URL: https://sledcom.ru/upload/site1/document_text/SBORNIK_po_itogam_sovmestnogo_zasedaniya_kollegiya_27.04_Spb_bp.pdf (дата обращения: 13.11.2020).

УДК 343.9

Е.Б. Серова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Криминалистика – достаточно молодая наука, предмет которой находится в постоянном развитии. В современных условиях мы находимся на очередном этапе формулирования предмета науки, однако в самом общем виде можно сказать, что криминалистика изучает закономерности

сти двух полярно противоположных видов деятельности. С одной стороны, противоправную деятельность лиц, совершающих преступления, с другой – деятельность по противодействию преступлениям, которую осуществляют не только органы предварительного расследования, но и прокурор, наделенный в российском уголовном судопроизводстве достаточно обширными полномочиями, в том числе правом осуществлять уголовное преследование от имени государства. В свете этого криминалистика изучает закономерности названных видов деятельности, обобщает накопленный правоприменителем опыт противодействия преступлениям, выявляет объективные тенденции в этой сфере, разрабатывает научно обоснованные рекомендации практикам и способствует внедрению этих рекомендаций в жизнь.

Конечная задача науки криминалистики заключается в том, чтобы на основе глубокого изучения выявленных закономерностей предложить субъекту правоприменения наиболее эффективный метод противодействия преступлениям различных видов и групп. Решить эту задачу невозможно без философского осмысления тех факторов, которые имеют значение для целей осуществления уголовного преследования и должны найти отражение в рекомендациях, адресованных практикам для наиболее успешного достижения задач раскрытия и расследования преступления и поддержания по ним государственного обвинения в суде. Это обстоятельство требует глубокой разработки общетеоретических, философских, в том числе методологических основ науки криминалистики.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что перед криминалистикой на современном этапе стоит ряд относительно новых проблем, требующих своего исследования. При этом под проблемой мы понимаем такую разновидность вопроса, ответ на который не содержится в накопленном знании и поэтому требует соответствующих практических и теоретических действий, отличных от простого информационного поиска [1, с. 21]. Разрешение любой проблемы возможно только при условии познания определенных закономерностей познаваемой объективной действительности. По тому как познание представляет собой такого рода функционирование сознания, которое обращено к внешнему для познающего человека объекту и имеет задачу получения новых знаний (новой информации), можно утверждать, что понятие «познание» охватывает отношение между субъектом и неизвестным объектом.

Применительно к теме нашего исследования можно отметить, что ряд проблем, требующих своего разрешения, связан с криминалистическим обеспечением деятельности прокурора в уголовном судопроиз-

водстве. Эти проблемы мы полагаем возможным сгруппировать следующим образом:

в целях усиления теоретических основ науки необходима разработка методологических проблем, связанных с деятельностью прокурора как лица, осуществляющего уголовное преследование. Так, в частности, необходимо дальнейшее уяснение теоретических основ определения прокурора как субъекта, применяющего криминалистические знания на всех стадиях уголовного судопроизводства, а не только при поддержании государственного обвинения в суде;

дальнейшее уяснение основных понятий, разработка научно-обоснованных рекомендаций для совершенствования криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором, и наиболее эффективного применения в уголовном судопроизводстве норм материального и процессуального права.

Решению названных проблем, с нашей точки зрения, будет способствовать формирование и развитие новой частной теории криминалистики – криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве. Названная теория по своему содержанию соотносится с общей теорией криминалистики как частное и общее. В этой связи можно согласиться с В.С. Добряновым в том, что содержание общей теории богаче содержания частных теорий, как целое богаче его части, ибо предметом общей теории являются общие законы развития целостной системы, предметом частных теоретических наук являются законы развития отдельных подсистем целостной системы [2, с. 70]. В нашем случае такой подсистемой выступает деятельность прокурора как участника уголовного процесса.

Как известно, частные криминалистические теории могут различаться по степени общности своего предмета, отражать большую или меньшую предметную область. От степени общности предмета зависят уровень частной теории, ее место в общей теории криминалистики, соотношения и связи с другими частными криминалистическими теориями [3, с. 10].

Частная теория криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как разновидность научной теории обладает рядом характерных для нее признаков:

является относительно замкнутой системой научного знания, что делает ее устойчивым и относительно самостоятельным теоретическим образованием. Применительно к теме нашего исследования можно утверждать, что теория рассматривает с научных позиций достаточно узкий и четко определенный круг вопросов, связанных с участием прокурора в уголовном судопроизводстве;

она неполно, односторонне отражает объективный мир. Реконструируя тот или иной предмет действительности идеально, т. е. в мышлении, научная теория абстрагируется от многих свойств его, выделяет только некоторые из них и делает их своими объектами. Исходя из данного признака, можно говорить, что в многогранной деятельности прокурора, осуществляющего надзор в досудебном производстве и уголовное преследование от имени государства, следует вычленять только одну сторону – применение криминалистических знаний, навыков и умений;

непротиворечивость – это условие, которому должна удовлетворять любая теория независимо от характера ее предметной области. Непротиворечивой считается лишь та теория, у которой любые два ее научных положения логически совместимы друг с другом [1, с. 103–106].

Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора как частная теория изучает те явления, факты процессы, связи и отношения, которые отражают объективные закономерности, связанные с деятельностью прокурора в уголовном судопроизводстве. В свою очередь, данные закономерности составляют предмет теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора. К таким закономерностям относятся закономерности возникновения и сохранения информации о преступлении, отраженной в объективной действительности, включая материалы уголовного дела; закономерности изучения прокурором материалов проверки заявления (сообщения) о преступлении и уголовного дела; закономерности реализации прокурором предоставленных ему процессуальных и надзорных полномочий в сфере уголовного судопроизводства. В предмет теории входят также ее общенаучные проблемы: система, задачи, методы, история развития этой части науки, ее место в системе криминалистики и взаимосвязи с другими науками, понятие, виды, требования, предъявляемые к научным рекомендациям в зависимости от вида преступления прокурору, категориальный аппарат и другие науковедческие вопросы.

Исследование предмета теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве должно осуществляться с позиций системного подхода, предполагающего необходимость и возможность выделения отдельных элементов системы, находящихся между собой в определенной взаимосвязи. При этом отдельные элементы предмета названной теории целесообразно упорядочить в некоторые подмножества путем их группировки, осуществляемой путем отбора в пределах того или иного множества фактов, содержащих наибольшее количество информации, и поддаются вычленению без введения для этого каких-либо добавочных правил, кроме операций непо-

средственного «связывания» одних фактов с другими по их подобию или наличию аналогичных признаков. В философии выделяют два типа такого связывания: квантификация и классификация [1, с. 60–63]. Мы полагаем, что квантификация, представляющая собой сведение качественных характеристик к количественным, не применима к рассматриваемым нами явлениям. Следовательно, упорядочение элементов предмета теории должно осуществляться путем их классификации.

Результаты теоретических исследований должны позволить сделать обобщение полученных знаний, логический переход от частного к общему, иначе говоря, провести генерализацию подмножеств, образующих предмет рассматриваемой нами теории.

1. Логика научного исследования / П.В. Копнин [и др.]; отв. ред. П.В. Копнин, М.В. Попович. М., 1965.
2. Добрянов В.С. Методологические приемы теоретического и исторического познания. М., 1968.
3. Поврезнюк Г.И. Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений: по материалам стран СНГ. М., 2005.

УДК 343.98

С.Ю. Скобелин

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СПОСОБЫ РАБОТЫ С НИМИ

Компьютеризация жизнедеятельности человека не могла не отразиться на преступности и на способах противодействия этому социальному явлению. Развитие компьютерных технологий, мобильной связи, сети Интернет по всему миру привело к тому, что современный человек уже не мыслит себя без использования электронных технических средств и их возможностей.

Ноутбук, планшет, цифровой браслет (часы), электронная книжка, смартфон или простой сотовый телефон имеются практически у каждого взрослого человека и даже ребенка. Все эти электронные устройства напрямую связаны с окутавшим мир интернетом, часто синхронизированы между собой. Одним из основных способов передачи информации и общения между людьми (текстовые сообщения, звуковые сигналы, изображения, видео) стали программы мгновенного обмена сообщениями – мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Skype, Facebook, Line,

WeChat и др.), социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook, Twitter), электронная почта и др. Жизнедеятельность человека в населенных пунктах, на транспорте, в помещениях, жилых домах и даже в космосе фиксируется с помощью систем цифровой видеозаписи.

Многофункциональность и постоянное совершенствование цифровых устройств, различных программ и приложений только расширяет пользовательские и, соответственно, криминалистические возможности.

В этой связи в криминалистической теории наблюдается тенденция изучения так называемых цифровых (электронных, виртуальных, компьютерных) следов преступной деятельности в следующих основных направлениях:

1. В узком направлении – это предупреждение, раскрытие и расследование собственно преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Данные преступления (неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и др. чаще являются предикатными для совершения (или сокрытия) других преступлений: хищений, распространения экстремистских материалов, фальсификации итогов голосования и др.

2. В широком направлении – это противодействие киберпреступности (в сфере информационных технологий), то есть не только преступлений, указанных выше, но и совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (чаще – сети Интернет и сотовой связи).

Речь идет о доведении с использованием сети Интернет до самоубийства или склонении к самоубийству; дистанционных хищениях в финансово-банковской сфере; призывах к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыте наркотических средств, оружия; обороте порнографических материалов или предметов порнографического содержания, организации азартных игр, преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.

При этом темпы роста указанных преступлений колоссальны. Согласно данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» в 2018 г. количество подобных преступлений составило 132 733 (7 % от всех зарегистрированных преступлений), это более чем в два раза (112,7 %) превысило аналогичный показатель за 2017 г. А уже в 2019 г., согласно статистическим данным, таких преступлений было зарегистрировано 294 409 (14,5 % в общем числе выявленных преступлений), а это на 70 % превышает аналогичный период 2018 г. Пред-

ставляется, что тенденция увеличения преступлений, совершенных таким способом, будет продолжаться.

Половина таких преступлений – это тяжкие и особо тяжкие (48 %), совершенные с использованием сети Интернет (53 %), а более трети (38,5 %) – с помощью средств мобильной связи. Немало преступлений совершается с использованием расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей.

Относительно видов преступной деятельности в основном (79 %) это кражи или мошенничества, а также преступления, связанные с незаконным оборотом (производство, сбыт, пересылка) наркотических средств (9 %). Были выявлены также совершенные рассматриваемым способом следующие преступления: незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ), изготовление порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

В то же время анализ следственной практики свидетельствует о том, что цифровые следы в криминалистике следует рассматривать значительно шире. Они актуальны при проведении процессуальных проверок и расследовании любых преступлений независимо от объекта и способа посягательства, категории или формы вины, осведомленности или неосведомленности лица об их оставлении, а также принадлежности тому или иному участнику уголовного процесса (подозреваемый, потерпевший или свидетель). Интерес представляют и цифровые способы доказывания преступной деятельности, использование высокотехнологичной криминалистической техники и специализированных программ для получения значимой для следствия информации при осмотре или проведении экспертных исследований гаджетов пользователей, аналитике большого объема биллинговой информации и пр.

Специфику приобретают и неординарные способы доказывания таких преступлений, объективная сторона которых выражается в распространении какой-либо информации (ст. 110.2, 128.1, 137, 185.1, 179, 283.1 УК РФ), либо публичных призывах к противоправной деятельности (ст. 212, 242, 280, 354.1 УК РФ). Это осмотры социальных сетей пользователей (отправителя – получателя), их электронных устройств и фотофиксация (скриншоты) страниц, на которых отображается количество и адреса отправленных сообщений, фото-видеофайлов, просмотров, лайков, дизлайков, комментариев. Суды и присяжные заседатели положительно воспринимают подобную практику, она достоверна и надежна.

Актуальность раскрытия и расследования преступлений, где в качестве средств и способов совершения используются информационно-

телекоммуникационные технологии, привела к созданию в правоохранительных органах специализированных подразделений: технико-криминалистическое управление, а также специализированные экспертные подразделения в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации, управления «К» в МВД России и др.

Для борьбы с IT-преступлениями в 2019 г. распоряжением Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина в Главном следственном управлении создано специализированное подразделение – отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. В обосновании необходимости создания данного отдела отмечалась особая специфика и сложность таких преступлений, их неочевидность, межрегиональный и международный характер.

В Московской академии Следственного комитета Российской Федерации тематика и тонкости работы с цифровыми следами включены в учебные планы и рабочие программы дисциплин «Криминалистика», «Фото-видеозапись следственных действий» и «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений». Кроме того, студенты, направляемые от следственных органов Следственного комитета России обучаются в МГТУ им. Н.Э. Баумана, где создана специальная кафедра «Цифровая криминалистика».

В современной следственной практике при доказывании виновности (невиновности) подозреваемых чаще всего встречаются следующие цифровые следы:

видеофиксация (как самими преступниками, так и произведенная помимо их воли) подготовки, совершения, сокрытия преступлений;

биллинговая информация о соединениях между абонентами (абонентскими устройствами);

информация, содержащаяся в памяти (облачное хранилище) смартфона, телефона участника уголовного судопроизводства;

криминалистически значимая информация, находящаяся в памяти домашнего (рабочего) компьютера (ноутбука, планшета, моноблока) участника;

метаданные и цифровая информация различных гаджетов, позволяющая определить местонахождение гаджета и его владельца;

социальные сети как источник криминалистически значимой информации;

данные истории браузера пользователя;

данные дистанционного зондирования поверхности Земли;

цифровые данные компьютерных систем авто-мото транспорта в раскрытии и расследовании преступлений (датчики EDR и IV).

Обнаружение, фиксация, изъятие и исследование такой информации имеет свою специфику. Для этого используются современная высокотехнологичная техника (Мобильный криминалист, XRY, UFED), специальные программы для работы с цифровыми следами, тактические особенности получения и последующего использования цифровой информации при доказывании виновности (невиновности) лица в совершении преступления, разработаны рекомендации в повышении эффективности использования следователями цифровых следов в раскрытии и расследовании преступлений.

Грамотное и правильно процессуально оформленное обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение цифровой информации в значительной мере способствует оперативному изобличению всех участников преступного события, розыску и задержанию последних, поиску скрытых трупов, похищенного и в целом обеспечению надежной доказательственной базы для органов следствия.

УДК 343.98

О.А. Славгородская

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ И ЕГО ПРАВОВОЙ СТАТУС

Необходимость расширения возможностей раскрытия, расследования и предупреждения преступлений ставит перед криминалистикой задачу поиска новых путей достижения данной цели. И актуальным в сложившейся ситуации становится не только расширение возможностей применения достижений технического характера, но и внимание к изучению объектов, относящихся к уже традиционным, но требующим переосмысления сложившихся подходов. К одному из направлений, расширяющих возможности получения криминалистически значимой информации о расследуемом событии, относится возможность получения сведений от свидетелей. Отношение к человеку как физических, биологических, психологических и социальных свойств, и существующих между ними взаимосвязей представляется устоявшимся и не требующим дополнительного обоснования [1, с. 35].

При рассмотрении полисистемного подхода к изучению участников уголовного судопроизводства в то же время необходимо выделять семь

следующих элементов: психическое проявление; социальное проявление; имеющийся статус личности; отношения; деятельность; направленность личности; базовые потребности; системообразующая субъективность личности.

Изучение участников уголовного судопроизводства осуществляется различными способами и в первую очередь характеризуется необходимостью определения критерия регламентированности процедуры изучения уголовно-процессуальным законодательством. Основываясь на подобном подходе, можно вести речь о выделении участников уголовного судопроизводства, в отношении которых предусмотрены или возможны исследования в соответствии с нормами УПК РФ, и участники уголовного судопроизводства, в отношении которых исследование в соответствии с уголовно-процессуальным законом не предусмотрены [2, с. 52–67].

Соответственно подобной градации свидетели могут быть отнесены к категории участников уголовного судопроизводства, в отношении которых применяются соответствующие меры по изучению их базовых характеристик. Наличие возможностей изучения свидетеля, нашедшее правовое закрепление, в тоже время не позволяет отождествлять криминалистическое и уголовно-процессуальное изучение. Подобная регламентация лишь усиливает обоснованность и необходимость криминалистического изучения участников уголовного судопроизводства, а именно свидетелей. Отправной точкой начала возможного изучения свидетеля является процедура получения им соответствующего процессуального статуса. В тоже время процедура получения лицом статуса свидетеля до настоящего времени не нашло должной регламентации в действующем законодательстве.

Момент возникновения правового статуса у свидетеля профессор О.А. Зайцев определил реализацией процедуры вызова лица, располагающего определенным объемом информации на допрос. Момент начала возникновения прав и обязанности и лица как свидетеля при подобном подходе связывается с моментом получения лицом повестки. При отсутствии процедуры получения повестки, возможными по причине различных ситуаций, в том числе и тактического характера (когда процесс вызова свидетеля на допрос осуществляется по телефону, в целях установления психологического контакта) установление процессуального статуса свидетеля определяется процедурой установления личности и разъяснения лицу прав и обязанностей [3, с. 12].

Для совершенствования процедуры получения лицом статуса свидетеля неоднократно предлагалось ввести еще один вид постановления, которое бы признавало лицо свидетелем [4, с. 93]. Необходимость

определения четких критериев порядка получения лицом соответствующего правового статуса свидетеля связана с конкретизацией правовых рамок возможности изучения свидетеля, причем не только в уголовно-процессуальном, но и криминалистическом аспекте.

Отдельное место в процедуре придания лицу правосубъектности в качестве свидетеля уделяется вопросам определения круга его прав и обязанностей. Процесс ознакомления лица с положениями ст. 56 УПК РФ запускает фактически механизм не только по реализации свидетелем своих прав и исполнения обязанностей, но и служит инструментом защиты прав и законных интересов лица, получившего процессуальный статус «свидетеля». Так, А.Ю. Епихин разграничил содержательную сторону понятий «разъяснение» и «обеспечение» свидетелю его прав и обязанностей. Рассмотрение «разъяснения» базируется на доведении до лица предоставленных ему возможностей, вытекающих из полученного процессуального статуса. При «обеспечении» непосредственно присутствуют условия претворения в действие координированных прав и обязанностей. Одним из способов гарантированности доведения до свидетеля всех элементов его правового статуса предлагается составление памятки, которая должна вручаться при разъяснении свидетелю его прав и обязанностей и отметка о данном действии делается соответственно в протоколе допроса свидетеля. Дополнительной гарантией предлагается введение обязанности по отношению к лицу, производящему расследование, и суде давать свидетелю разъяснения на все возникающие вопросы относительно реализации его прав. Отметка о проведенной процедуре разъяснения должна делаться в специально составляемом процессуальном документе [5, с. 19–20].

Представляется, что это может быть протокол допроса либо иной документ.

Предложения о необходимости разъяснять свидетелю его права с составлением специального протокола неоднократно высказывались различными авторами [3, с. 17].

Этот момент в настоящее время имеет не только процессуальное, но и сугубо тактическое значение. Процедуру разъяснения свидетелю его прав, обязанностей, ответственности следователь может использовать как в целях установления психологического контакта, так и для создания обстановки соответствующей повышенной степени ответственности, когда речь идет о допросе свидетелей, провоцирующих создание конфликтной ситуации. Дополнительное усиление процедуры параллельным составлением соответствующего процессуального документа может способствовать решению нескольких задач. Во-первых, предот-

вращению и недопущению возникновения конфликтной ситуации, и в случае ее зарождения и возникновения ее преодолению уже на ранних стадиях допроса, во-вторых, полному и эффективному обеспечению прав свидетелей, реализуемых в рамках уголовного судопроизводства.

Учитывая то обстоятельство, что правоспособность свидетеля является не абстрактной категорией, а реализуется непосредственно конкретными лицами, осуществляющими деятельность по установлению всех обстоятельств совершенного преступления, то, следовательно, в процессе взаимодействия со свидетелем указанных лиц и происходит процесс всестороннего как уголовно-процессуального, так и криминалистического изучения свидетеля.

Профессором Р.С. Белкиным еще в работе 1966 г. «Собирание, исследование, и оценка доказательств» было акцентировано внимание на важность изучения личности допрашиваемого для получения полных и достоверных показаний. Причем указывая на то, что это сложный процесс, он подчеркивал, что следователи зачастую недооценивают значение изучения личности [6, с. 281].

Формирование теоретических основ криминалистического исследования свидетеля требует четкого определения его предмета в целях отграничения от исследований, производимых в рамках уголовного процесса.

Свидетель является объектом исследования как в криминалистике, так и в уголовно-процессуальном праве. Однако закономерности, исследуемые в рамках предмета данных наук, имеют четко выраженное и общепризнанное отличие. В то же время, по мнению Р.С. Белкина, «различие в предметах криминалистики и уголовно-процессуальной науки вовсе не исключает частичного совпадения объектов исследования» [7, с. 40].

Наука уголовного процесса исследует процессуальные отношения и элементы таких правоотношений [8, с. 21]. Применительно к исследованию свидетеля в уголовном процессе он рассматривается как элемент процессуальных правоотношений. Свидетель рассматривается как субъект правоотношений в сфере осуществления уголовно-процессуального доказывания.

В криминалистическом исследовании свидетель изучается как носитель криминалистически значимой информации.

Следовательно, дальнейшее совершенствование процедуры формирования основ правового статуса свидетеля имеет непосредственно как процессуальное, так и криминалистическое значение.

1. Иванов Л.Н. Полисистемный анализ личности в уголовном судопроизводстве // Закон и право. № 7. 2005. С. 32–37.

2. Иванов Л.Н. Современные подходы к определению объемов и пределов исследования личности с учетом процессуального статуса // Право и политика. 2005. № 3. С. 52–67.

3. Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

4. Бедризов А.Г., Волчецкая Т.С. Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы. Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2012. Вып. № 9. С. 90–97.

5. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

6. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

7. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

8. Криминалистика : учебник / Т.С. Волчецкая [и др.] ; отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 1999.

УДК 343.98

П.С. Старцев

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ КАРШЕРИНГА

Способ совершения преступления является связующим элементом между субъективным преступным замыслом и объективными последствиями преступного деяния. В результате чего именно он составляет основу криминалистического механизма слеодообразования. Понимание всех особенностей данного механизма позволяет следователю найти правильные ориентиры для выявления следов конкретного преступления, применить для этого эффективные способы и зафиксировать выявленные следы.

Достаточно продолжительный период времени ученые не могли прийти к общему мнению о понятии способа преступления. Это, по мнению В.Ф. Ермоловича, объясняется тем, что структура данного явления весьма неопределенная, отсюда вытекает многообразие точек зрения на понятие, содержание и структуру способа совершения преступления [1, с. 44]. Решающий вклад в дискуссию по этому поводу внес Г.Г. Зуйков, определивший способ совершения преступления как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детер-

минированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, которые могут быть связаны с избирательным использованием орудий, средств, условий места и времени [2].

Среди способов совершения преступления в сфере каршеринга можно выделить: преступные действия, связанные с угоном автомобиля, совершение мошеннических действий в сфере каршеринга, использования каршеринга в целях совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Первый случай преступных действий, связанных с угоном, получившим огласку, произошел в августе 2016 г., когда угонщик арендовал в Москве автомобиль на собственное имя, надеясь при этом разобрать его на детали и остаться непойманным. На автомобиле, когда его стали разбирать, сработали датчики несанкционированного доступа, и в компанию поступил сигнал. Местонахождение похищенного автомобиля установили по трекеру. Оперативники службы безопасности компании прибыли на место с полицейскими и выдали себя за покупателей деталей. Преступники договорились о сделке, не подозревая, что их действия документируются, и были задержаны с перспективой осуждения на срок до семи лет лишения свободы.

По другому уголовному делу было установлено, что в декабре 2016 г. один из арендованных автомобилей исчез с монитора системы наблюдения. Служба безопасности компании немедленно вышла на предыдущего арендатора автомобиля, и тот сообщил важные для дальнейшего расследования сведения. В результате была обезврежена организованная группа угонщиков автомобилей, на счету которой числилось 10 угонов автомобилей московских каршеринговых компаний.

Совершение мошеннических действий в сфере каршеринга – это использование так называемых покупных аккаунтов. В поисковых системах стал популярен запрос «бесплатные аккаунты каршеринг», что свидетельствует о типичности еще одного вида мошенничества: мошенники покупают во временное пользование чужие документы у людей, которые хотят заработать на этом, и регистрируются в системе под чужим именем. Получается, что документы подлинные, но зарегистрировался один человек, а управляет автомобилем другой. По особым признакам службы безопасности компаний выявляют и этих мошенников.

Каршеринг открывает доступ и к другим преступлениям, потому что дает возможность взять автомобиль с использованием чужих личных данных. Нужно лишь перевести деньги через анонимную платежную систему продавцу паролей от каршеринга.

Для анонимного перемещения по городу злоумышленники используют аккаунты, зарегистрированные на подставных лиц, так называемых дропов. За деньги эти люди предоставляют злоумышленникам копии необходимых документов для регистрации в сервисе. Дропами обычно становятся асоциальные личности – алкоголики и наркоманы.

Мошенники могут воспользоваться и профилем реального пользователя, зарегистрированного в сервисе каршеринга. Для этого они используют специальные вредоносные программы – трояны-стиллеры. Кроме того, информацию могут предоставлять недобросовестные сотрудники сервисов по прокату автомобилей.

По одному из изученных уголовных дел о дорожно-транспортном происшествии с пострадавшими в ходе выяснения местонахождения водителя арендованного автомобиля было установлено, что на момент аварии этого человека не было в городе, его аккаунтом воспользовались. И это касается как преступников, так и людей, или лишенных водительских прав, или никогда их не получавших, включая несовершеннолетних.

Для регистрации в качестве клиента «Делимобиль» требуется не только фотография паспорта и водительского удостоверения, но и селфи с развернутым паспортом. При проверке этих фотографии обнаруживается большое количество поддельных документов.

Каршеринг используется в целях совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, например, нередко услугой аренды машины пользуются кладмены – люди, расставляющие по городу тайники с наркотиками для дистанционной продажи. Логика преступника при использовании каршеринга оправдана: он пользуется разными автомобилями, так его перемещения сложнее отследить, чем если бы он пользовался собственным. Распространение получила и практика оставления закладок под крышками бензобака. У большинства сервисов предусмотрен льготный период в течение 20 мин. За это время сбывчик оставляет товар в конкретном автомобиле и сообщает покупателю его местонахождение.

Таким образом, по нашему мнению, сведения о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере каршеринга играют важную роль в установлении всего механизма преступления.

1. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001.

2. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления при помощи криминалистических экспертиз и исследований. М., 1970.

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Согласно ст. 160 Жилищного кодекса Республики Беларусь к организациям, осуществляющим управление общим имуществом жилых домов, относятся организации собственников (товарищества собственников, организации застройщиков).

Рассматривая организационно-правовые основы деятельности организаций собственников, необходимо отметить, что они не являются государственными и имеют значительные отличия от предприятий данного типа, осуществляющих жилищно-коммунальное обслуживание жилых домов. Прежде всего в организациях собственников основой для формирования отношений между их членами и должностными лицами являются денежные отчисления самих членов данной организации, к которым должностные лица имеют прямой доступ и, соответственно, могут владеть, пользоваться и распоряжаться ими в строгом соответствии с законом. Не всегда должностные лица, реализуя свои правомочия по владению, пользованию и распоряжению денежным фондом организации собственников, поступают в соответствии с законом, а наоборот – совершают хищения денежных средств данной организации.

Согласно обобщенным данным материалов следственно-судебной практики в Республике Беларусь за последнее десятилетие возбуждено порядка 110 уголовных дел в отношении должностных лиц организаций собственников по признакам хищения.

Проведенный анализ изученных уголовных дел позволяет выделить некоторые типичные способы совершения хищений в деятельности организаций собственников:

осуществление должностными лицами организации собственников действий по снятию денежных средств со счетов организации при осуществлении своих должностных обязанностей под различными предлогами. В рассматриваемом случае председатель правления, главный бухгалтер осуществляют распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах организации собственников, имея фактическую возможность доступа в программный комплекс «Клиент-Банк» посредством оформления соответствующего платежного поручения.

Таким путем должностные лица могут похищать денежные средства организации под различными предлогами, указывая их в электронном платежном поручении в качестве оснований для перечисления денежных средств: нужды на хозяйственные расходы, фиктивные договоры на выполнение работ (оказания услуг) и пр.;

необоснованное списание денежных средств организации в фонд заработной платы злоумышленников. Суть данного способа хищения заключается в том, что руководитель (председатель правления) утверждает штатное расписание организации собственников, в котором указывается сумма заработной платы, причитающейся к выплате рабочему персоналу организации. Перед процедурой утверждения штатного расписания должно состояться общее собрание членов организации собственников, которое правомочно рассмотреть, одобрить данный документ для его последующего утверждения. Однако председатель правления, главный бухгалтер, злоупотребляя своим служебным положением, посредством доступа в программный комплекс «Клиент-Банк» организации, самостоятельно незаконно перечисляют себе сумму денежных средств, большую, чем утвержденную в штатном расписании, выставляя банку электронное платежное поручение. Как правило, в ведомостях на выплату заработной платы будет отражена сумма, соответствующая указанной в штатном расписании, которая по требованию членов организации собственников может быть им предъявлена для ознакомления. Фактически суммы денежных средств, указанные в электронных платежных поручениях, не будут видны членам организации;

хищение денежных средств организации собственников путем трудоустройства «мертвых душ». Данный способ реализуется путем фиктивного трудоустройства председателем правления лиц на выполнение каких-либо работ в организации собственников (как правило, такими лицами выступают рабочие технического персонала: рабочие по комплексному обслуживанию зданий, сооружений, сантехники, электрики, плотники, вахтеры, паспортисты и др.). Данные рабочие фактически не выполняют свои трудовые обязанности, обычно осведомлены о том, что они трудоустроены в организации фиктивно. Соответственно, заработная плата перечисляется на текущие счета, эмитированные на их имя, которая впоследствии обналичивается самими же «мертвыми душами» или в случае нахождения банковской зарплатной карточки в распоряжении должностного лица организации собственников обналичивается непосредственно последними;

Исходя из следственно-судебной практики, сегодня должностные лица организации собственников все чаще заключают фиктивные договоры подряда на определенный срок с лицами, фактически не выполняющими

обязанности по выполнению работ, оказанию услуг в организации. В последующем данным лицам («мертвым душам») выплачивается вознаграждение за якобы оказанные услуги, выполненные работы, или наличным путем, или путем перечисления на банковскую пластиковую карточку. Такой работник, выполняющий обязанности на основании договора подряда, не состоит в штатной численности организации, и члены организации собственников, как правило, не знают о его фиктивном существовании;

хищение денежных средств организации собственников путем составления подложных документов о полных или частично проведенных ремонтно-восстановительных работах, фактически не имевших места или имевших, но не в полном объеме. Способ совершения данного преступления осуществляется посредством того, что председатель правления присваивает денежные средства для личных целей, искажая отчетные документы и представляя сведения и документы о якобы проведенных ремонтно-восстановительных работах на объектах путем заключения фиктивных договоров и перечисления денежных средств на лицевые счета подставных фирм;

хищение бюджетных денежных средств, выделяемых организации собственников в качестве дотаций. Руководители организации собственников получают для ее нужд бюджетные денежные средства на основании мотивированных документов, предоставляемых в местный исполнительный орган. Такими документами могут быть письменное заявление, смета доходов и расходов, дефектные акты, подписанный договор с субъектом хозяйствования, акт выполненных работ (оказанных услуг), план текущего или капитального ремонта организации собственников. Однако особенность бюджетных ассигнований в деятельности организаций собственников заключается в том, что денежные средства поступают напрямую субъекту хозяйствования, выполнившему работы, оказавшему услуги для нужд организации. По причине того, что бюджетные денежные средства поступают напрямую в организацию-контрагент, в рассматриваемом способе обязательно необходимым элементом является аффилированность и заинтересованность сторон договорных отношений. В результате после перечисления бюджетных средств на счета субъекта хозяйствования, который выполнял работы, оказывал услуги для организации, данные денежные средства обналичиваются и незаконно делятся между сторонами договорных отношений. Руководители организации собственников, в свою очередь, искажают данные о стоимости работ, которые не соответствует действительности (фактически стоимость работ ниже от заявленной в документах);

хищение денежных средств должностными лицами организации собственников путем заключения договора на выполнение работ, ока-

зания услуг с субъектом хозяйствования (аффилированным лицом) посредством проведения процедуры закупки. Так, при осуществлении процедуры закупки за счет собственных средств должностные лица организации собственников руководствуются собственными локальными нормативными правовыми актами, разработанным в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь о закупках. Как правило, в ходе проведения закупки с последующей целью совершения хищения предложения умышленно выслаются определенным субъектам хозяйствования, с которыми у должностного лица есть коррупционная связь, аффилированным субъектам хозяйствования, подставным организациям. Должностными лицами также может умышленно изготавливаться задание на закупку с указанием специфических особенностей предмета закупки, что будет впоследствии подходить под предложение конкретного участника. Процедура закупки сама по себе может дополнять вышеперечисленные способы совершения хищений, в случаях, когда ее проведение необходимо, может существовать самостоятельно как способ совершения хищения. В данном случае хищение денежных средств посредством проведения процедуры закупки рассматривается как способ совершения хищения.

Данные типичные способы совершаемых хищений в деятельности организаций собственников не являются исчерпывающим и ввиду изменений нормативной правовой базы, информатизации общества могут видоизменяться и модифицироваться. Знание наиболее распространенных способов совершения хищений в деятельности организаций собственников позволит субъектам уголовного судопроизводства осуществлять уголовное преследование наиболее эффективным способом. Данные структурные элементы криминалистической характеристики преступлений составляют ее основу и являются важной предпосылкой к формированию самой криминалистической методики расследования дел данной категории.

УДК 343.98

Г.М. Третьяков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРУКТУРЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Современное общество развивается весьма динамично. Одной из ключевых особенностей его развития является широкое внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни. Данные

технологии, многочисленные цифровые устройства, сопровождающие повседневную жизнь и призванные обеспечить ее комфорт, одновременно делают общество зависимым от эффективной защиты данных технологий и устройств от преступных посягательств.

И в Республике Беларусь, и в зарубежных государствах динамика преступности показывает, что в исследуемой сфере она меняет свою структуру. Еще несколько лет назад совершаемые с использованием информационных технологий преступления имели своим объектом преимущественно отношения в сфере информационной безопасности, сегодня с проникновением этих технологий в повседневную жизнь их применяют при совершении практически всех категорий преступлений. В данном случае можно говорить о совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, мошенничеством, вымогательством, распространением порнографических материалов и др.

Можно выделить следующие особенности информационных технологий, которые обуславливают все более их широкое распространение в преступной деятельности:

1) отсутствие личных встреч и иных прямых контактов в процессе осуществления преступных действий. В настоящее время традиционные контактные способы осуществления преступной деятельности, предполагающей непосредственное участие, все более уступают место более технологичным и безопасным способам бесконтактного взаимодействия. В частности, как показывает практика, сегодня практически при совершении каждого преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов используются средства компьютерной техники и сеть Интернет, позволяющие осуществлять бесконтактное взаимодействие;

2) возможность организации и совершения преступных действий, взаимодействия лиц, осуществляющих преступную деятельность на больших расстояниях, в том числе путем создания трансграничных организованных преступных групп. Значительное количество преступлений совершается с использованием информационных ресурсов, зарегистрированных и территориально расположенных на территории иностранных государств либо при использовании потерпевшими зарегистрированных за рубежом учетных записей, электронных кошельков и т. д. Длительность обработки просьб и поручений об оказании правовой помощи, сложность установления субъекта, точного места и времени совершения преступления и иных обстоятельств приводят к затягиванию сроков расследования и приостановлению уголовных дел;

3) анонимность. Информационные технологии позволяют участникам преступных групп успешно взаимодействовать под вымышленными именами, не будучи лично знакомыми друг с другом и никогда не встречаясь. Кроме того, информационные технологии позволяют обеспечить высокий уровень конфиденциальности общения, хранения и передачи информации.

Высокая степень анонимности также способствует распространению различных мошеннических действий, совершаемых в сети Интернет;

4) многообразие технических средств коммуникации и обмена информацией, их совершенствование и удешевление, доступность выхода в сеть, существование множества различных информационных продуктов для обмена текстовой, речевой, видео- и графической информацией.

С учетом широкого распространения и повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, со стороны правоохранительных органов сегодня все чаще вносятся предложения об ужесточении уголовной ответственности, рассмотрении возможности дополнения перечня обстоятельств, отягчающих ответственность, обстоятельством «совершение преступления с использованием компьютерной информации, компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей».

В этой связи можно констатировать, что использование информационных технологий в структуре способа совершения преступления становится типичным элементом криминалистической характеристики многих видов преступлений, который необходимо учитывать.

Следует отметить, что в криминалистической науке неоднократно поднимался вопрос о частной криминалистической теории, закрепляющей рекомендации по работе со следами, оставляемыми в киберпространстве, по проведению следственных действий с целью обнаружения, фиксации, изъятия и исследования электронной следовой информации, рекомендации по расследованию.

В то же время в современной учебной литературе, рассматривающей методику расследования отдельных видов преступлений, многие отечественные и зарубежные авторы часто не учитывают тенденцию все большей информатизации современной преступности в криминалистической характеристике преступлений и, соответственно, при разработке соответствующих тактических рекомендаций по организации расследования, тактике проведения отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

Изучение особенностей функционирования современных информационно-коммуникационных технологий и их применения при совершении отдельных видов преступлений позволит более эффективно выявлять закономерности преступной деятельности, направленной на использование данных технологий в структуре способа совершения преступлений, что будет обеспечивать повышение качества подготовки специалистов для правоохранительных органов, их способности эффективно противостоять меняющимся условиям преступной среды.

УДК 343.98.06

Б.А. Усовский

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРИЦЕПОВ И ПОЛУПРИЦЕПОВ РОССИЙСКОГО И ИНОСТРАННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Субъективный аспект, касающийся личного опыта судебного эксперта, безусловно, имеет и какое-то свое объективное отражение. Поэтому при подготовке материала я постарался уйти от изложения теоретических положений, подробно описанных в специальной литературе, и сосредоточил внимание на вопросах, с которыми приходится сталкиваться в своей практической деятельности экспертам в области исследования идентификационных маркировочных обозначений транспортных средств.

Исследование автомобилей, как одной из категорий объектов экспертного исследования, как правило, не представляется особо трудным. А вот на начальном этапе исследования прицепов и полуприцепов (так называемого прицепного состава) эксперт неизбежно сталкивается с проблемой идентификации таких транспортных средств, ввиду того что они не являются самоходными, а значит, на них отсутствуют номерные агрегаты, присущие автомобилям (двигатель, коробка перемены передач, подушки безопасности и т. п.).

Как правило, на прицепах и полуприцепах довольно трудно, а порой и невозможно обнаружить маркировку даты выпуска, что еще больше усложняет задачу их идентифицировать.

Поэтому применение полного комплекса методов невозможно, а весь процесс исследования порой сужается до изучения способа крепления

заводской таблички при отсутствии идентификационного маркировочного обозначения, наносимого предприятием-изготовителем на металлические элементы рамной конструкции, что для прицепного состава также не редкость.

Кроме того, необходимо отметить, что эксплуатация грузового прицепного состава осуществляется на постоянной основе, обуславливая разрушающее воздействие на него окружающей среды (атмосферные осадки, дорожные реагенты). Как следствие, коррозионные процессы полностью разрушают информационный слой металла, и восстановление рельефа маркировки не всегда возможно даже при применении всего комплекса химических исследований, предусмотренных методикой.

В процессе эксплуатации идентификационная маркировка на раме даже при сверке идентификационного номера на постах ДПС подвергается многократным зачисткам с применением абразивных материалов, из-за чего происходит постепенное уничтожение информационного слоя и, как следствие, дальнейшее коррозионное разрушение маркировки. Крепежные элементы заводских дублирующих табличек также разрушаются в результате коррозионных процессов.

Стоит отметить и тот немаловажный факт, что производством прицепного состава как на территории СНГ, так и в европейских странах занимаются множество корпораций, заводов, предприятий и фирм, т. е. исключается однообразное нанесение маркировочных обозначений либо следование каким-либо определенным стандартам. Так, на сегодняшний день у меня имеется информация, как минимум, о 300 производителях и применяемых ими способах нанесения маркировочных обозначений на прицепной состав. Но этот список не закончен.

Часто маркировочные обозначения рассматриваемых транспортных средств отличаются большим разнообразием даже в пределах одного предприятия-изготовителя.

Знаки маркировок могут наноситься даже вручную ударным способом отдельными клеймами-пуансонами, сходными по конфигурации.

В маркировках на раме встречаются заводские исправления номера, которые проводятся нанесением одного знака поверх другого без предварительного зачеканивания. Участок с ошибочно нанесенными знаками первичной маркировки на раме или вся первичная маркировка могут быть удалены абразивным кругом ручной шлифмашинки, после чего наносятся знаки правильной идентификационной маркировки.

На автопредприятиях, эксплуатирующих прицепной состав, к идентификационным маркировкам также относятся без должного внимания.

Очень часто при ремонте маркировку закрывают различными деталями, навариваемыми прямо поверх нее, что приводит к повреждениям или безвозвратной утере маркировочного обозначения.

Порой даже самые именитые автопроизводители игнорируют требования стандартов, устанавливающих содержание и структуру идентификационного кода в целях определения изготовителей дорожных машин. А мелкосерийные производители еще более вольны в вопросах нанесения маркировочных обозначений.

В то же время перечисленные мною факторы усложняют, но не исключают исследования прицепов и не меняют сути задачи, стоящей перед экспертом.

Немало европейских производителей грузового прицепного состава еще в конце прошлого века практиковали нанесение маркировочных обозначений на металлическую пластину, которая крепилась к раме при помощи сварочного оборудования. Какие-либо идентификационные признаки способа крепления пластины с номером отсутствуют. Исследование такого транспортного средства является сложной, а порой и неразрешимой задачей. Например, голландский производитель полуприцепов-цистерн VOCOL с успехом использует несколько технологий крепления заводских дублирующих табличек: как при помощи крепежных элементов – заклепок нескольких типов, так и при помощи точечных сварных швов. Подобный способ крепления дублирующих табличек встречается и у немецкого производителя GOFA Gocher Fahrzeugbau.

Большое количество транспортных средств с такой технологией крепления уже не эксплуатируется ввиду выработки ресурса и естественного износа, но отдельные экземпляры стоят на учете в ГАИ до сих пор. Над ними совершаются регистрационные действия по оформлению сделок купли-продажи, и, как следствие, такие прицепы оказываются на исследовании у эксперта.

Постоянно экспертам приходится исследовать легковые прицепы Курганского машиностроительного завода, на которых и до нынешнего времени пластины с идентификационным номером крепятся с помощью сварочного оборудования.

Хотелось бы отметить, что в последние годы многие производители повысили качество нанесения маркировочных обозначений на своих изделиях: увеличился размер шрифта и глубина нанесения знаков маркировки, металлические заводские таблички на заклепках заменены табличками-наклейками из полимерного материала. Однако, несмотря

на это, для легализации криминальных транспортных средств используются традиционные способы изменения маркировочных обозначений: изменяется первоначальное содержание маркировки либо вваривается маркируемая панель.

Особо интересен тот факт, что для легализации прицепов и полуприцепов, имеющих криминальный характер, либо для перемещения через таможенную границу одного транспортного средства под видом другого с успехом используется их схожесть по назначению, внешнему виду и конструктивным особенностям. Отличить полуприцепы разных марок и моделей по внешнему виду часто достаточно сложно, а порой и невозможно даже сведущему в данной области специалисту. Для легализации такого транспортного средства используется подлинное свидетельство о регистрации прицепа другой марки, а идентификационный номер на раме подвергается изменению либо уничтожению. Как вариант: при отсутствии идентификационного номера на раме заводская дублирующая табличка перезакрепляется кустарным способом.

При экспертном исследовании таких транспортных средств следует учитывать, что предприятия – изготовители прицепов, как правило, используют клиентские шасси определенных фирм-производителей: Mercedes-Benz, BPW Bergische Achsen KG. Кроме того, изготовитель использует различные логотипы и маркировки, которые помогают отличить подделку.

Что же касается прицепов отечественного производства, изготовленных еще во времена СССР, чаще всего их идентификация в принципе невозможна. Часто сложность вызывает даже определение марки и модели прицепа, не говоря уже об идентификации конкретного экземпляра. Порой довольно проблематично установить соответствие конкретного транспортного средства модели, обозначенной буквенно-цифровой аббревиатурой, указанной в свидетельстве о регистрации (например, ППЦ, А-483, 2 СП-8-ПС, АПС 24, ГКБ-817, УЗД 93). Да и иностранные изделия 1990-х гг. выпуска грешат неинформативными кодировками, например TS TWB. В графе «Марка и модель» свидетельства о регистрации также встречаются записи «САМ», «ХОББИ», «ПДД», «ХМДЕ», «Прицеп иностранного производства», «Прицеп индивидуального изготовления».

В какой-то мере рассматриваемую проблему могло бы решить требование на государственном уровне установки дублирующих табличек с повторной маркировкой, регламентированных соответствующими НПА. Поскольку данный вопрос не входит в область экспертных исследова-

дований удаленных маркировочных обозначений, следует отметить, что подавляющее большинство таких экспертиз проводят с выводами в форме НПВ, не решая проблем инициатора назначения экспертизы.

УДК 343.13

Л.М. Фетищева

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
КОНТРОЛЯ И МОНИТОРИНГА
ЗА ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ,
К КОТОРЫМ ПРИМЕНЕНА МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА**

Домашний арест как мера пресечения был введен в уголовно-процессуальное законодательство России с 1 июля 2002 г., и на данный момент указанная мера пресечения является альтернативой самой строгой мере в уголовно-процессуальном законодательстве России – заключению под стражу. Именно поэтому внимание законодателя к такой мере пресечения, как домашний арест, вполне оправданно.

В связи с этим возникла необходимость в средствах контроля за лицами, находящимися под домашним арестом, поэтому были разработаны технические средства, составляющие систему электронного мониторинга подконтрольных лиц, которую реализуют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России. Правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, утверждены постановлением Правительством Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134. Данная информационная система включает в себя установку (выдачу) технических средств подозреваемым и обвиняемым и отслеживание их местоположения посредством специальных приемопередающих радиоустройств и индивидуальных средств. Мониторинг за обвиняемыми и подозреваемыми осуществляется по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы GPS, ГЛОНАСС.

В систему электронного мониторинга подконтрольных лиц входят электронный браслет и стационарное или мобильное контрольное устройство. Электронный браслет – радиопередатчик с автономным питанием, который крепится, как правило, на лодыжке подконтрольного лица. Электронный браслет позволяют обеспечивать сбор информации о местонахождении лица, а также представить ее путем формирования выходных форм документов и отчетов различного назначения. Сигнал от электронного браслета передается на стационарное либо мобильное контрольное устройство. Разрешенный радиус удаления этого электронного браслета от стационарного контрольного устройства составляет 50–100 м, от мобильного контрольного устройства – 5 м.

От стационарного либо мобильного контрольного устройства информация в автоматическом режиме передается на сервер и пульт мониторинга в уголовно-исполнительной инспекции. Отчеты с координатами о местонахождении подконтрольного лица и отчеты о допущенных нарушениях формируются автоматически с последующей архивацией отчетных сведений в файл.

На первый взгляд, такая система электронного мониторинга позволяет полностью контролировать лицо, к которому применена мера пресечения. Однако, как показывает практика, использование данной системы еще не означает, что подконтрольное лицо будет правомерно исполнять запреты домашнего ареста, не скроется от органов предварительного следствия и суда. Это связано с тем, что электронный браслет можно повредить и привести в негодность его технические элементы.

Так, подозреваемыми или обвиняемыми, к которым была применена мера пресечения в виде домашнего ареста в 2017–2019 гг., было повреждено, уничтожено различными способами или утеряно 1 254 технических средства контроля. Вследствие таких действий общий ущерб государству составил более 70 млн р., а возмещено подозреваемыми или обвиняемыми – всего 12 млн р.

Например, в 2018 г. сотрудниками УИИ ФСИН России выявлен 1 751 факт нарушения условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, из них 1 186 случаев выявлено с помощью технических средств контроля, что составляет 67,7 %, в 2016 г. этот показатель составлял 60 %. Уровень выявления нарушений условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также возложенных судом запретов при использовании системы электронного мониторинга – 22,33 %, без ее применения – 12,87 % [1].

Использование электронных средств надзора и контроля является серьезным сдерживающим фактором от совершения повторных пре-

ступлений, других правонарушений, невыполнения условий отбывания наказания или исполнения меры пресечения.

Однако даже наличие указанных устройств по месту жительства подозреваемого или обвиняемого не позволяет в полной мере обеспечить соблюдение установленных запретов и ограничений, что подтверждает несовершенство или даже отсутствие механизма контроля органами ФСИН России за качественным исполнением домашнего ареста [2].

В то же время неприменение системы электронного мониторинга приводит к нарушениям условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста: подозреваемые, обвиняемые пытаются воспрепятствовать производству по уголовному делу, скрываются от органов предварительного следствия и суда, совершают преступления, оказывают давление на потерпевших и свидетелей.

Еще одной причиной низкой результативности применения системы электронного мониторинга являются технические недоработки средств контроля, которые влияют на срок их эксплуатации, поэтому возникают вопросы с качественным ремонтным обеспечением оборудования систем электронного мониторинга. Так, согласно статистическим данным, по состоянию на декабрь 2017 г. в целом по ФСИН России было исправно лишь 74 % имевшихся в наличии мобильных и стационарных контрольных устройств [3].

Следующей проблемой является неудовлетворительное качество картографического обеспечения электронного мониторинга подучетных лиц. Границы отдельных муниципальных образований на стационарных пультах мониторинга не привязаны к географическим координатам, что не позволяет обеспечить надлежащий контроль за поведением подозреваемых и обвиняемых, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее. Значительные материальные затраты на обеспечение органов ФСИН России техническими средствами, позволяющими производить аудиовизуальное наблюдение, а также электронными браслетами и низкая эффективность таких мер контроля неизбежно ставят вопрос о целесообразности дальнейшего развития этого направления. Необходимо также учитывать и человеческий ресурс, ведь вследствие постоянной оптимизации правоохранительных органов страдает качество реализации данной меры пресечения и контроля за ней. Так, законодателем еще в 2016 г. на реализацию функций по контролю за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста,

предусматривалось введение еще 2 467 штатных единиц в ФСИН России, которые так и не были выделены. Поэтому считаем необходимым рассмотреть вопрос об увеличении штатной численности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России.

1. ФСИН: домашний арест основан на добросовестности [Электронный ресурс] // ТАСС; информационное агентство : сайт . URL: <https://tass.ru/interviews/6615840> (дата обращения: 12.09.2020).

2. Голубцова К.И. Совершенствование контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, при использовании системы электронного мониторинга подучетных лиц // Вестн. Кузбас. ин-та. 2019. № 4. С. 117–125.

3. Квык А.В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // Рос. следователь. 2017. № 4. С. 24–26.

УДК 343.98

Я.В. Фурман

О КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СУДЕБНОМУ ЭКСПЕРТУ В УКРАИНЕ

В соответствии со ст. 10 Закона Украины «О судебной экспертизе» от 25 февраля 1994 г. судебными экспертами государственных специализированных учреждений могут быть специалисты, имеющие соответствующее высшее образование, образовательно-квалификационный уровень не ниже специалиста, прошедшие соответствующую подготовку и получившие квалификацию судебного эксперта по определенной специальности.

Следует согласиться с мнением А.В. Кофанова, который отмечает, что актуальность разработки системы критериев отбора, подготовки и сопровождения профессиональной деятельности экспертов обусловлена в первую очередь концептуальным значением единства личности эксперта и его деятельности. Результат работы эксперта определяется успешностью его профессиональной деятельности. Успешность результата деятельности зависит от квалификации эксперта и его личных качеств, степени их развития и управления ими [1, с. 80].

Профессия судебного эксперта является уникальной по своему содержанию. С одной стороны, его профессиональный статус заключается в проведении с применением своих специальных знаний (с практически неограниченного круга вопросов – науки, техники, ремесла и т. д.) на-

учно обоснованного исследования для установления фактов, имеющих доказательственное значение при расследовании и рассмотрении дел в судах, с другой – он приобретает статус процессуального лица при даче заключения эксперта и таким образом в своей профессиональной деятельности сочетает статус специалиста в соответствующей отрасли знаний, ученого и процессуального лица [2].

В соответствии со ст. 10 Закона Украины «О судебной экспертизе» судебными экспертами могут быть лица, владеющие необходимыми знаниями для предоставления заключения по исследуемым вопросам. Судебными экспертами государственных специализированных учреждений могут быть специалисты, имеющие соответствующее высшее образование, образовательно-квалификационный уровень не ниже специалиста, прошедшие соответствующую подготовку, и получившие квалификацию судебного эксперта по определенной специальности.

Согласно ст. 69 Уголовного процессуального кодекса Украины экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право в соответствии с Законом Украины о судебной экспертизе на проведение экспертизы и которому поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, содержащих сведения об обстоятельствах совершения уголовного преступления, и дать заключение по вопросам, которые возникают в ходе уголовного производства и касаются сферы его знаний (ст. 69).

В соответствии со ст. 72 Гражданского процессуального кодекса Украины экспертом может быть лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для выяснения соответствующих обстоятельств дела (ст. 72). Аналогичная норма существует и в Кодексе административного судопроизводства Украины (ст. 68).

Вышеупомянутые нормативные правовые акты закрепляют такое требование к эксперту, как компетентность. Законодательство Украины не определяет понятие «компетентность эксперта». Однако в словаре судебного эксперта компетентность эксперта определяется как степень владения теорией и методиками экспертизы определенного вида, способность (субъективная возможность) осведомленного лица решать поставленные вопросы, относящиеся к предмету экспертизы [3].

В п. 6–7 Кодекса чести эксперта, одобренного деловым совещанием Совета Европейской сети криминалистических научных учреждений (ENFSI) от 28 мая 2005 г. отмечается, что работники судебно-экспертного учреждения должны: знать пределы своей компетенции и предоставлять экспертные заключения и показания только в этих пределах; и отказаться от выполнения работы, если она не входит в сферу их компетенции

или они не имеют необходимых средств или оборудования. Иначе, Кодекс чести эксперта помимо прочих требований закрепляет требование – знать пределы своей компетенции. В законодательстве Украины это требование нашло свое отражение в ч. 1 ст. 242 УПК, в которой говорится, что не допускается проведение экспертизы для выяснения вопросов права (ст. 242). Это означает, что какой бы значительный экспертный опыт не был у судебного эксперта, какими бы навыками не обладал, вопросы права всегда будут выходить за пределы его компетенции. Кроме того, компетенции судебного эксперта определяются методиками и методическими рекомендациями согласно его экспертной специальности.

Квалификационные требования к судебному эксперту имеют четкую регламентацию и специфику в зависимости от его ведомственной принадлежности.

Итак, квалификационные требования, что выдвигаются к кандидатам на должность судебного эксперта МВД, указаны в Законе Украины о судебной экспертизе, и Приказе экспертной службы МВД Украины от 13 апреля 2018 г. № 12-ЕС-Н «Об утверждении Перечня рекомендованной специальности (отрасль знаний и специальностей) кандидатов, которые претендуют на должности судебных экспертов». В Приказе закреплены рекомендации по специализации (специальности) в соответствии с видом экспертной специальности. Например, кандидату на должность судебного эксперта по направлению «пожаротехнические исследования» необходимо иметь высшее образование по специальностям: пожарная безопасность, гражданская безопасность, право, вооружение и военная техника, нефтегазовая инженерия и технология.

Таким образом, к основным требованиям, закрепленным в трудовом законодательстве, относятся: компетентность, высшее образование со степенью не ниже магистра (т. е. полное высшее образование), соответствующая подготовка, квалификационные требования, знание границ своей компетенции. Судебный эксперт в итоге должен не только соответствовать квалификационным и профессиональным требованиям, но и иметь высокую ответственность за свои поступки и деяния, а значит, должен отличаться высокими моральными качествами, необходимыми для исследования на этапе отбора кадров.

1. Кофанов А.В. Теоретические и практические аспекты деятельности судебных экспертов. Актуальные проблемы экспертологии : сб. материалов. Киев, 2012. С. 79–86.

2. Проблемные вопросы законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] // Верховна Рада України : сайт. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0002323-13> (дата обращения: 16.11.2020).

3. Словарь судебного эксперта // Межрегиональное бюро экспертиз : сайт. URL: http://mbe2009.ru/slovar_sudebnogo_eksperta (дата обращения: 16.11.2020).

УДК 343.98.068

А.В. Холопов

КОГНИТИВНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Криминалистика наравне с другими науками проходит определенные фазы (стадии) развития, соответственно, и формирования. Начальная фаза (первая стадия) науки преимущественно связана с процессом накопления эмпирических данных, полученных в результате наблюдения и экспериментов с исследуемым объектом (предмет, явление, процесс и т. д.). Вторая фаза – теоретическая – предполагает описание представлений об объекте исследования (формирование целостной модели объекта познания) на основе имеющихся эмпирических данных. Сюда также входит описание методологии деятельности исследователя по изучению объекта познания. Увеличение количества научных данных и сложности их изложения обуславливают третью фазу – необходимость осмысления накопленной информации. Это высшая когнитивная (от лат. *cognitio* и *cogitation* – познание и познавание) фаза развития науки. Здесь деятельность субъекта познания заключается не только в осуществлении операций с объектом познания, но преимущественно – в формировании мышления для осознания накопленных теоретических знаний и практического опыта, полученных на предыдущих этапах развития науки. Другим словами, на этом этапе наука учит мыслить, т. е. субъект познания вырабатывает профессиональное мышление.

Некоторые кризисные явления в криминалистике обусловлены переходом к третьей когнитивной фазе развития. В результате такого перехода криминалистика ориентируется на изучение закономерностей процессов познания и организацию мыслительной деятельности субъектов применения криминалистических знаний (следователь, эксперт, прокурор, судья).

Когнитивные науки (когнитология, когнитивистика) сегодня представляют собой исследование «проблематики закономерностей приобретения, преобразования, представления (репрезентирования), хранения и воспроизведения информации» [1, с. 133].

Как метанаука, когнитивистика объединяет «философию (теория познания), лингвистику, антропологию, нейрофизиологию, теорию информации,

теорию принятия решений и когнитивную психологию» [1, с. 138–139], и предметом ее изучения становится познание и мышление человека.

По выражению Р.С. Белкина, криминалистика – синтетическая наука [2, с. 696], и для ее развития необходима трансдисциплинарная логика (язык), позволяющая интегрировать и организовывать знания их других наук и тем самым развивать криминалистику. Таким трансдисциплинарным языком призван стать системный подход (теория систем), которая является «одним из ключевых принципов когнитивного подхода и понимается как методологический принцип рассмотрения человека в качестве сложной социобиологической системы во всех взаимосвязях составляющих ее структур разных иерархических уровней» [1, с. 148].

Одним из основных методов исследования объектов в системном подходе является системный анализ, который, по мнению Ф.И. Перегудова и Ф.П. Тарасенко, следует рассматривать как «прикладную диалектику» [3, с. 4], т. е. практическое воплощение диалектического метода познания.

В свою очередь, способом организации мыслительной деятельности субъекта познания в системном подходе (теории систем) является системное мышление.

По мнению Г.А. Зорина, «системное мышление (в рефлексивном режиме) может стать своеобразной религией криминалистики» [4, с. 41]. На наш взгляд, данное высказывание отражает когнитивную природу криминалистики, основанную на системном подходе.

Однако следует констатировать, что системное мышление не стало ни религией криминалистики, ни основой криминалистического мышления. По убеждению М.К. Каминского, криминалистика погрязла в вульгарном материализме [5].

Следует отметить, что на начальном этапе развития науки первыми учеными-криминалистами высказывались мнения о необходимости обучения следователей мыслить. Например, о когнитивной природе криминалистики рассуждал один из ее основателей Ганс Гросс. Он требовал «от судебного следователя (...), чтобы стремление учиться и расширять познания никогда не покидало его, даже если бы он и не находился при исполнении обязанностей службы» [6, с. 9]. Важность развития и совершенствования мыслительных приемов, выполняемых следователем, также подчеркивает и Э. Анушат [7]. В настоящее время о призвании криминалистики учить мыслить будущих следователей и прокуроров со студенческой скамьи писал Н.П. Яблоков [8, с. 13–15].

Таким образом, для обеспечения фазового перехода «классической» криминалистики в когнитивную видится логичным необходимость проведения следующих перспективных научных исследований, результаты

которых должны найти отражение в соответствующих одноименных главах учебников криминалистики:

Теория познания в криминалистике. Смысл интегрирования в методологию криминалистики раздела, посвященного теории познания, заключается в том, что теория познания является фундаментом теории доказывания и доказательств. В этом смысле криминалистику в частности, а также уголовное судопроизводство в целом можно рассматривать как технологию познания преступления, являющегося сложным объектом познания.

Теория систем и системный анализ в криминалистике призваны стать базовой (системной) методологией. Системный анализ предоставляет для следователя методы, позволяющие осуществить композицию (синтез) различных данных о преступлении и сформировать целостную картину события преступления, т. е. модель системы преступления – уголовное дело. Для государственного обвинителя системный анализ является методом прочтения, т. е. декомпозиции (анализ) и композиции (синтез) сформированной следствием модели системы преступления для формирования целостного и объективного представления о событии преступления, необходимого для обеспечения его познания участниками судебного разбирательства. Важно отметить, что моделирование – один из этапов системного анализа.

Теория мышления в криминалистике. Развитие концепции криминалистического мышления, т. е. исследование и описание закономерностей формирования профессионального мышления субъектов применения криминалистических знаний, строится на базе системного мышления и мысленного моделирования визуально-системного мышления.

Общая (единая) теория преступления [9]. Преступление является сложным объектом познания, изучаемым различными юридическими науками, знания которых разнородны и не объединены в единую систему. По этой причине с целью формирования целостного (общего) абстрактного (идеализированного) универсального теоретического представления о преступлении в юриспруденции, и в уголовном судопроизводстве в частности, видится необходимым на основе системной методологии (теории систем) объединить теоретические знания о преступлении в науках: криминологии, криминалистике, уголовном процессе, уголовном праве

Теория фиксации информации должна быть представлена в первом методологическом разделе криминалистики, предваряя главу, посвященную теории криминалистической идентификации, исходя из того, что перед тем как идентифицировать объект, его нужно зафиксировать [10]. С точки зрения когнитивного подхода, познание человека связано с восприятием в основном зафиксированной информации, так

как процессы, происходящие в реальности, быстротечны. В этом смысле уголовное дело является результатом процесса фиксации различного рода информации, интересующей следствие.

Организационные технологии в криминалистике. Полагаем, что на основе теории управления и организации, криминалистического учения о планировании расследования преступлений возможно выработать единый подход к организационно-управленческой деятельности субъекта применения криминалистических знаний и инициировать создание полноценной автоматизированной системы управления расследованием преступлений в виде компьютерной программы. Наличие такой программы можно назвать революцией в криминалистике в процессах управления поисково-познавательной (аналитической) деятельностью субъектов расследования преступления.

Криминалистические технологии обеспечения наглядности. Особенности судебных разбирательств с участием присяжных заседателей заключаются в том, что деятельность прокурора, осуществляющего поддержание государственного обвинения в суде, носит выраженный когнитивный характер, в котором обеспечение познания «для других», т. е. наглядное представление доказательственной информации присяжным напрямую зависит от обеспечения познания «для себя» (изучение материалов уголовного дела). Это требует наличия у прокурора теоретических знаний в области когнитивной психологии, практических навыков использования различных научно-технических и технико-криминалистических средств и опыта в применении методов обеспечения наглядности в процессе представления доказательственной информации [11].

Таким образом, интеграция вышеуказанных направлений в классическую криминалистику позволит придать ей новый облик и перейти к третьей фазе развития – когнитивной криминалистике, ориентированной на понимание, и, соответственно, формирование профессионального мышления субъектов применения криминалистических знаний.

1. Когнитивный подход. М., 2008.
2. Белкин Р.С. Природа науки. Криминалистика в системе научного знания (глава из кн. 2001 г.) // Избр. тр. М., 2009.
3. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М., 1989.
4. Зорин Г.А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты : учеб. пособие. Гродно, 2003.
5. Каминский М.К. Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестн. Удмур. ун-та. Серия «Экономика и право». 2016. № 4.

6. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
7. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2002.
8. Яблоков Н.П. Основные тенденции развития криминалистики как науки и учебной дисциплины в современной России // Вестн. криминалистики. М., 2011, Вып. 4. С. 9–17.
9. Холопов А.В. К вопросу о формировании общей теории преступления // Рос. журн. правовых исследований. 2016. № 2. С. 193–201.
10. Холопов А.В. Криминалистическая теория фиксации информации // Вестн. криминалистики. 2014. № 2. С. 56–65.
11. Холопов А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии. М., 2014.

УДК 343.9

А.И. Чурнос, П.С. Концевой

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Использование новейших достижений науки и техники стало необходимым условием изучения как типичных, так и сложных явлений в раскрытии преступных деяний при их формализации на правовой основе. Правовые предписания определяют систему технико-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов и органов безопасности, организационно конкретизируя ее и развивая.

Собственно криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, по мнению Р.С. Белкина и В.Г. Коломацкого, представляется как «система криминалистических знаний и основанных на них умений сотрудников использовать научно-криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии» [1, с. 64].

Продолжая исследования деятельности стороны криминалистического обеспечения субъектов расследования преступлений на основе конкретных целей, задач, форм, В.А. Волынский обоснованно акцентирует внимание на ее организационной стороне [2, с. 28–29].

По мнению Р.С. Рейса, общественно-политическая система советского государства сохранила ряд процессуальных положений дореволюционной системы судопроизводства, в которых отмечалась «необходимость разграничения системы профессиональной деятельности от

процессуального положения субъектов, имеющих специальные познания, а также в отношении лиц, приглашенных для производства экспертизы» [3, с. 3], что и на сегодняшний день является актуальным.

Процесс применения криминалистической техники при расследовании уголовных дел и в настоящее время имеет поступательную форму развития, обусловленную необходимостью использования специалистов субъектами следственных аппаратов, органов дознания (в 1950-х гг., до принятия УПК РСФСР 1960 г.), как отмечено в научных трудах Е.А. Долицкого, А.П. Егорова, А.И. Винберга [4, с. 34].

Организационно-правовая форма, таким образом, определяет специфику функций специалиста, поскольку следователь, сотрудник органа дознания, как справедливо отмечает А.Ф. Волынский, «не имеют права самостоятельно проводить экспертные исследования в целях получения фактических данных, имеющих доказательственное значение» [5, с. 74]. Это положение является актуальным и для лиц, производящих дознание в органах пограничной службы Республики Беларусь.

По ряду причин лица, производящие дознание в органах пограничной службы Республики Беларусь, на месте происшествия оценивают вещную обстановку и находят невозможным обнаружить те материальные следы, которые имеют отношение к преступлению, в частности, если после совершения преступления прошло достаточно много времени (со слов специалиста-криминалиста, судебного медика, например, при осмотре места незаконного пересечения государственной границы, если нарушитель не был задержан). Для того чтобы признать, что преступление не может быть раскрыто ввиду уничтожения доказательств (ввиду невозможности обнаружения таковых), необходимо дать оценку всей совокупности действий, используя процессуальный аспект для полной реализации полномочий субъектов расследования. Наряду с обязательным протоколированием осмотра места происшествия лица, производящие дознание, применяют другие способы фиксации доказательств, исходя из их допустимости и целесообразности. Так, используются технические средства в ходе: фиксации вербальной информации; моделирования идеального (при создании планов, схем, чертежей, рисунков); создания моделей материальных (фотокиновидеоаппаратура, слепочные массы, средства, применяемые для консервирования материальных объектов, компьютерная техника рисования и печати комплектов-карточек для создания синтетических портретов и др.).

Исследование всех составляющих системы слагаемых места происшествия, как правило, начинается с ситуационных элементов, связанных между собой информационно. В этом контексте важны слова

А.К. Айламазяна о том, что информация для потребителей – не просто набор ее источников в области решаемой проблемы, а сумма отобранных, переработанных и представленных в соответствующих видах и формах сведений, при исследовании которых специалист может с максимальным успехом решать стоящую перед ним задачу [6, с. 17]. Таким образом, создание системы познания реальной действительности происходит от опосредованного анализа к непосредственному восприятию материальных объектов на месте производства следственного действия. Логически правильная последовательность действий группы лиц, производящих дознание в органах пограничной службы Республики Беларусь, позволяет уточнить особенности каждой отдельной задачи в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Следует согласиться с А.С. Шаталовым в том, что на основе концептуализации, формализации, апробации, реализации возможно конструктивно формировать подходы к решению следственных задач на месте следственных действий, а на основе установленных фактов, в том числе в процессе экспертных исследований и выводов специалистов, может уточняться текущая и перспективная деятельность субъектов раскрытия и расследования преступлений [7, с. 170–171].

При составлении протокола следственного действия целесообразно осуществлять фотографирование, аудио- и (или) видеозапись. При такой фиксации показаний допрашиваемого ее средства выступают в роли вспомогательных средств осмысления выявленной информации лицом, производящим дознание. Протоколирование, как основная форма фиксации доказательств, станет выглядеть более содержательно, если в ходе допроса будут зафиксированы все перипетии данного следственного действия посредством аудио- и видеозаписи.

В деятельности органов пограничной службы криминалистическое обеспечение процесса раскрытия и расследования преступлений позволяет их сотрудникам:

применять теорию криминалистической идентификации, которая включает в себя групповую принадлежность и диагностику;

соблюдать правила собирания доказательств;

выявлять и описывать признаки полной и частичной подделки документов на право пересечения Государственной границы Республики Беларусь;

использовать признаки внешности человека для идентификации личности по фотографии, а также для описания человека по методу словесного портрета и составления розыскной ориентировки;

тактически грамотно проводить следственные действия (осмотр места происшествия, предметов и документов, обыск в помещениях, транспортных средствах, личный обыск, задержание и допрос);

использовать данные криминалистических характеристик для предупреждения, пресечения и выявления преступлений.

Таким образом, криминалистическое обеспечение деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь может быть определено как особая организационно-функциональная система, направленная на формирование и поддержание на определенном уровне постоянной готовности сотрудников органов пограничной службы к систематическому использованию в практической деятельности криминалистического инструментария для предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

1. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М., 1997.

2. Вольнский В.А. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования преступлений: право и права, традиции и современность // Информационный бюллетень № 13 по материалам криминалистических чтений «Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью». М., 2001.

3. Рейс Р.С. Научная техника расследования преступлений : курс лекций / под ред. С.Н. Трегубова. СПб. 1912.

4. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949.

5. Криминалистика : учеб. для вузов / А.Ф. Вольнский [и др.] ; под ред. А.Ф. Вольнского. М., 1999.

6. Айламазян А.К. Информация и информационные системы. М., 1982.

7. Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Практика. Прикладные аспекты. М., 2000.

УДК 343.985

М.П. Шруб

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Перспективные направления развития криминалистической методики, как раздела криминалистики, определяются содержанием исследуемых ею объектов и изучаемых закономерностей, а также решаемыми ею

задачами. Согласно классическому подходу, основополагающими для развития данного раздела криминалистики стали следующие позиции:

методика расследования любого вида преступлений должна разрабатываться, исходя из требования строжайшего соблюдения законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия;

криминалистическая методика должна разрабатываться, исходя из знания способов совершения преступлений, условий, определяющих выбор способа и возникновение следов его применения;

частная криминалистическая методика должна быть рассчитана на ее адаптацию применительно к конкретным условиям расследования;

расследование преступлений должно преследовать цель не только изобличения виновных, привлечения их к уголовной ответственности и возмещения причиненного преступлением ущерба, но и выяснения и устранения обстоятельств, способствовавших совершению или сокрытию преступлений;

обобщение следственной практики предполагает разработку такого важного для дела борьбы с преступностью вопроса, как изыскание путей и форм координации и тесного взаимодействия в работе следователя и оперативных работников, использование помощи населения и средств массовой информации при производстве расследования, эффективное использование в целях установления истины специальных знаний [1, с. 231–232].

Различные ученые определяют перспективы развития криминалистической методики по-разному. Так, конструктивным видится мнение С.Н. Чурилова, который отмечает: «Дальнейшее совершенствование частных методик расследования может быть предпринято на основе более глубокого и всестороннего описания их связей с правом, практикой и наукой, а также со структурой общего метода расследования преступлений. Типичные планы расследования структурно и по содержанию могут быть усовершенствованы за счет создания дерева тактико-криминалистических целей и задач и разработки на их основе значительного разнообразия тактических комбинаций и операций.

Технические возможности для реализации данной идеи имеются. Разработка частных методик расследования на компьютерной основе позволяет создать множество разноуровневых тактических комбинаций, поиск которых следователем на автоматизированном рабочем месте может осуществляться за считанные секунды.

Представляется, что совершенствование частных криминалистических методик возможно и за счет освобождения их от рекомендаций, носящих общий характер» [2, с. 117–119].

В целом соглашаясь с мнением ученого о необходимости ухода при разработке частных методик от вопросов общего характера, более активного наполнения их практическим содержанием и внедрения алгоритмизации расследования на компьютерной основе, полагаем, что целесообразно обратиться к мнению А.В. Шмони́на. Основными являются следующие его тезисы:

новый этап начался в развитии криминалистической методики как заключительного раздела науки криминалистики, на котором она поднялась на новую высоту, получая возможность объяснить избирательность в деятельности по расследованию преступлений и его детерминацию не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания, учения, навыки и т. п.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта и объекта познания. Проявление данной тенденции, очевидно, следует связывать с появлением криминалистической ситуалогии и криминалистической технологии;

технологический аспект расследования преступлений проявляется сначала на уровне сознания в виде знания о технологии расследования преступлений, затем в процессе расследования преступлений и, наконец, в ее результате;

криминалистическая методика, как и вся наука криминалистика, обладает технологией и сама является технологией;

разработка теоретических и практических основ криминалистической методики должна идти по пути унификации и индивидуализации структур технологий расследования преступлений;

развитие частных криминалистических методик (технологий расследования преступлений) требует, с одной стороны, более широкого использования так называемой уголовной статистики по специально разработанным программам, с другой – расширения ее параметров в соответствии с потребностями криминалистического анализа;

разработка теоретических основ дифференциации и интеграции системы частных криминалистических методик (технологий расследования преступлений), которые позволят освободить специализированные методики (технологии) от дублирования общих положений, будут способствовать углубленному подходу к познанию и освещению специальных вопросов;

особое значение на современном этапе развития криминалистической методики приобретает разработка интеграционных (комплексных) частных криминалистических методик (технологий расследования преступлений) взаимосвязанных преступлений, квалифицируемых по сово-

купности совершаемых преступными формированиями (организованные группы, преступные сообщества) часто на нескольких объектах;

важная роль в современных условиях при разработке частных криминалистических методик (технологий расследования преступлений) отводится криминалистическому прогнозированию, поскольку традиционная схема разработки методик от практики к созданию научно обоснованных методик в настоящее время не срабатывает [3, с. 377–379].

Принципиально разделяя мнение А.В. Шмониной по ключевым высказанным им позициям, полагаем вместе с тем нецелесообразным использование в обозначенном контексте термина «технология», хотя он и имеет определенное употребление в криминалистической литературе. Если с точки зрения содержания употребление этого признака можно считать верным, то предложенное автором его использование взамен понятия «методика» вряд ли позволит коренным образом улучшить содержание адресно-функциональных рекомендаций и повысить качество расследования преступлений. Кроме того, термин «методика расследования» не случайно укоренился в криминалистике и практике расследования. Он более полно, нежели другие термины, отражает сложный процесс расследования, являющийся комплексным процессом, в котором технологическая сторона, хотя и важная, но не единственная. Таким образом, использование термина «технология» взамен устоявшегося понятия, полагаем, не только не будет способствовать унификации как терминологии, так и системно-структурного построения рекомендаций по расследованию преступлений, но и, наоборот, может внести путаницу в содержание криминалистической методики. В связи с этим приходит на ум высказывание В.Ф. Ермоловича о том, что «ошибки и неточности в определении криминалистических понятий далеко не безобидны. Вначале они могут показаться „чисто теоретическими“, далекими от жизни. Лишь позднее обнаруживается нанесенный ими практический вред» [4, с. 12–14].

Очевидно, что приведенные точки зрения не исчерпывают всего многообразия мнений относительно перспектив развития криминалистической методики, но вместе с тем позволяют сформировать общее представление о перспективах развития данного раздела криминалистики.

Резюмируя сказанное, полагаем, что можно обозначить следующие направления этого развития:

дальнейшая теоретическая разработка общих положений криминалистической методики, ее различных институтов, составляющих содержание информационных и методических основ расследования преступлений (криминалистическая характеристика преступлений и иных информационных моделей; структура и содержание следственных ситуаций; алгоритмизация расследования и др.);

совершенствование имеющихся и создание новых криминалистических характеристик преступлений отдельных видов и групп (иных информационных моделей) на основе комплексного анализа и обобщения судебно-следственной практики, наполнения их содержания криминалистически значимой информацией, выявления и описания корреляционных связей;

совершенствование имеющихся и разработка новых адресно-функциональных рекомендаций по расследованию преступлений отдельных видов и групп, исходя из конкретизированного и детализированного предмета доказывания, на основе ситуационного подхода и с учетом алгоритмизации;

разработка новых частных криминалистических методик опережающего характера на основе развития криминалистического прогнозирования, моделирования, ситуологии и алгоритмизации.

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 2001. Т. 1.
2. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2011.
3. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М., 2010.
4. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001.

УДК 343.98

М.Г. Щербаковский

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНЦЕПТ

Современное понятие и структура криминалистической техники постепенно сформировались к середине XX столетия, а в качестве их обязательной составляющей традиционно рассматриваются криминалистические экспертизы. Отражение научно-технического прогресса в практике расследования преступлений привело к значительному расширению круга объектов и решаемых экспертных задач, усложнению процедуры исследования доказательств, привлечению в качестве экспертов лиц, сведущих в естественных и технических науках, но далеких от криминалистики. Этот объективный процесс вызвал дискуссию о наличии в науке криминалистики двух составляющих, первая из которых связана с раскрытием и расследованием преступлений, вторая –

с исследованием вещественных доказательств (П.И. Тарасов-Родионов, 1951; А.Р. Шляхов, 1959). В практической деятельности предлагалось дифференцировать криминалистическую технику на следственную и экспертную (М.М. Выдря, М.Г. Любарский, 1959; А.В. Дулов, 1960; А.Р. Шляхов, 1962). Первоначально данные предложения подверглись критике, однако позже на основе этой дискуссии было обосновано положение о необходимости разработки отдельной от криминалистики теории судебной экспертизы – судебной экспертологии (А.И. Винберг, 1973; Н.Т. Малаховская, 1979).

Изначально криминалистика выполняла методологическую функцию по отношению к теории судебной экспертизы. Частные криминалистические учения (теории) о признаках, механизме слеодообразования, идентификации, диагностике, ситуалогии определили многие положения методологии судебной экспертологии. По мере их совершенствования произошла определенная трансформация в рамках общей теории в целом и каждого рода (вида) судебных экспертиз в отдельности. Зарождение, становление и постепенное обособление науки о судебной экспертизе от криминалистики во второй половине прошлого века предопределило развитие ее общей теории, создание новых и совершенствование имевшихся методик экспертного исследования доказательств.

Однако большинство современных криминалистов по-прежнему придерживаются мнения, что криминалистическая техника представляет собой систему знаний, на которых базируются положения всех видов судебных экспертиз, а в систему технико-криминалистических средств и методов по традиции включаются экспертные технологии (методы, методики, средства). Вместе с тем отличие криминалистики (криминалистической техники) и судебной экспертологии, как самостоятельных родственных наук, имеет основания, связанные с объектом, предметом наук, направленностью практических рекомендаций и субъектами их использования. Изучение соотношения криминалистики, криминалистической техники и судебной экспертологии убедительно показывает их существенное различие [1, с. 19; 2, с. 39; 3, с. 82; 4, с. 61–62]. Уточняя и развивая приведенные учеными аргументы, с учетом отдельных оснований можно суммировать и дополнительно указать расхождение рассмотренных научных отраслей и видов практической деятельности.

Объектом криминалистической техники является следственная (судебная) деятельность, предметом – закономерности механизма возникновения материальных следов преступления, их собирания и использования. К объекту судебной экспертологии относится судебно-экспертная деятельность в различных ее проявлениях, а основными

составляющим научного предмета судебной экспертологии как отрасли знания являются закономерности формирования новых видов экспертиз, возникновение (изменения) свойств объектов экспертного исследования как элементов события преступления, их исследование с целью установления доказательственной информации. Общая задача криминалистической техники – содействие разработками и рекомендациями повышению эффективности расследования и судебного рассмотрения правонарушений; судебной экспертологии – содействие повышению эффективности проведения экспертных исследований. В методическом аспекте технико-криминалистические средства и методы разрабатываются с целью собирания, предварительного исследования и использования материальных следов преступления; экспертные средства, методы и методики разрабатываются в отношении типичных объектов экспертизы. Субъектом использования технико-криминалистических разработок являются правоприменители и специалисты с универсальной технико-криминалистической специализацией, а судебно-экспертных рекомендаций – судебные эксперты в соответствии с полученной и утвержденной экспертной специальностью. По способам реализации научно-методических рекомендаций различия заключаются в том, что технико-криминалистические средства неразрушающего действия выбираются и используются в зависимости от возникшей следственной ситуации для собирания и предварительного исследования видимых (невидимых) следов известной (неизвестной) природы в полевых условиях. Экспертами исследуются представленные объекты для решения конкретной задачи с использованием рекомендованных методик, в том числе разрушающими методами, и, как правило, в благоприятных лабораторных условиях. В правовом аспекте технико-криминалистические средства и методы используются как в процессуальной (при проведении следственных действий), так и непроцессуальной (проверка по криминалистическим учетам) формах, результаты имеют доказательственное и ориентирующее значение. Экспертиза проводится только в процессуальной форме, а заключение является источником доказательств.

Представляется, что в связи с приведенными различиями криминалистической техники как структурной части криминалистики и судебной экспертологии назрела теоретическая и практическая потребность более точно решить проблему предмета и структуры криминалистической техники, что неизбежно приведет к смене ее парадигмы. Известно, что парадигма – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе [5, с. 17]. Развитие любой науки связано с появлением и формированием

частных парадигм, затрагивающих достаточно важные, но конкретные проблемы. В процессе становления криминалистики была сформулирована парадигма, согласно которой развитие судебных экспертиз (первоначально только криминалистических) должно происходить на основе научных и методических положений криминалистической техники. Вместе с тем формирование судебной экспертологии как научной отрасли – теоретической основы всех судебных экспертиз – вызывает необходимость пересмотра устоявшейся парадигмы.

Представляется, что изменения касаются вычленения из теоретических основ и практических средств криминалистической техники как составляющих науки криминалистики, учебной дисциплины и практической деятельности научных положений, методов и средств экспертного исследования, которые являются прерогативой судебной экспертологии. Это предложение обосновывается отмеченным выше различным функциональным назначением двух научных отраслей и использованием их рекомендаций на практике, а также невозможностью разработки экспертных технологий в рамках криминалистики. В дидактическом плане отрывочное изложение основ криминалистических экспертиз, которое сегодня имеет место в учебниках по криминалистике, во-первых, не раскрывает все возможности современных экспертных исследований, во-вторых, не составляет адекватного представления о иных существующих видах судебных экспертиз.

На долю криминалистической техники остается такая важная составляющая, как обеспечение обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений и иных вещественных доказательств, их осмотр, предварительное исследование. На наш взгляд, современную структуру криминалистической техники как раздела науки криминалистики целесообразно представить в виде следующих разделов: 1) материальные следы правонарушений (преступлений): классификация, виды, механизм образования; 2) технико-криминалистические средства и методы: классификация, виды, функциональное назначение; 3) организационные и методические основы технико-криминалистического обеспечения установления обстоятельств правонарушений; 4) средства и методы поиска, фиксации, изъятия, упаковки и транспортировки типичных следов правонарушений; 5) средства и методы предварительного исследования следов правонарушений; 6) информационно-справочное обеспечение раскрытия и расследования правонарушений.

Вместе с тем сохраняется тесная связь и взаимное влияние двух научных отраслей и видов деятельности. Проявляется она в единстве теоретических основ, методических подходов к изучаемым объектам и частично – в использовании технических средств. По мнению В.Я. Кол-

дина, важнейшая функция криминалистики заключается в «посредничестве» между естественно-техническим и юридическим знаниями [6, с. 13]. Разработка новых методик, которые расширяют возможности экспертного исследования, влияет на развитие и совершенствование технико-криминалистических средств собирания и предварительного исследования материальных следов преступления. Напротив, появление новых видов следов преступления вызывает необходимость в создании соответствующих типовых экспертных методик исследования. По нашему мнению, процедура собирания и предварительного исследования материальных следов правонарушений, которая совершенствуется в пределах криминалистической техники, не только ближе к судебной экспертологии, чем к другим разделам криминалистики, но и на практике является необходимым и начальным этапом дальнейшего экспертного исследования.

1. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // *Эксперт-криминалист*. 2013. № 2. С. 18–20.
2. Волынский А.Ф., Чегодаева С.С., Ткач В.Ю. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая – разные виды деятельности // *Вестн. криминалистики*. М., 2013. Вып. 2. С. 37–43.
3. Майлис Н.П. О соотношении судебной экспертизы, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности // *Известия Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки*. 2013. Вып. 4. Ч. 2. С. 81–86.
4. Россинская Е.Р. Общая теория судебной экспертизы и криминалистика как самостоятельные родственные науки // *Следователь*. 2007. № 10. С. 60–64.
5. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
6. Колдин В.Я. Актуальные проблемы методологии криминалистики и судебной экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. М., 2011. № 1. С. 12–18.

УДК 343.7

Ю.М. Юбко

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЗНАКОВ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Проблема организации деятельности органов уголовного преследования по материалам и уголовным делам в научных публикациях не нова. Однако подходы современной практики по отдельным видам преступлений в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительно-

го расследования в отмеченном аспекте требуют, по нашему мнению, переосмысления и выработки научным сообществом конкретных рекомендаций сотрудникам органов дознания и предварительного следствия для решения задач, предусмотренных ст. 7 УПК Республики Беларусь. Отмеченное обстоятельство обусловило необходимость рассмотреть особенности организации проверки по установлению признаков преступления на примере изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг.

Организация как вид деятельности по установлению признаков конкретного вида преступления в стадии возбуждения уголовного дела обусловлена особенностями деяния, которое, по нашему мнению, характеризует отдельные элементы уголовно-правовой структуры и криминалистической характеристики.

Относительно ст. 221 УК таковыми являются:

предмет преступления (национальная валюта; ценные бумаги, номинированные в национальной валюте; иностранная валюта; ценные бумаги, номинированные в иностранной валюте);

способ изготовления поддельных денежных знаков или ценных бумаг (с использованием копировально-множительной техники; полиграфический; частичная подделка; суперподделка);

субъект преступления (с учетом особенностей одного из альтернативных действий объективной стороны);

места совершения (изготовления, хранения, сбыта);

направленность умысла (ст. 221 или 209 УК в отдельных ситуациях).

Каким образом совокупность отмеченных признаков может быть использована органом уголовного преследования при организации деятельности для установления механизма фальшивомонетничества? Предпримем попытку ответить на поставленный вопрос.

С момента поступления в орган уголовного преследования информации (повод) о совершении фальшивомонетничества возникает необходимость в установлении причастности конкретного лица (лиц) к его совершению. Орган уголовного преследования должен получить ответы на вопросы: «Будет ли гражданин, задержанный за сбыт поддельного денежного знака, субъектом преступления?»; «Причастен ли сотрудник (сотрудники) банковского учреждения к незаконному обороту поддельных денежных знаков?»; «Какие из установленных граждан причастны к обороту поддельных денежных знаков?». Для получения искомых ответов возникает необходимость в организации деятельности с использованием возможностей анализа совокупности всей первоначальной информации, что позволит следователю (лицу, производящему

дознание) наметить наиболее правильные направления поиска фактических данных, устанавливающих отдельные признаки преступления. При этом в ходе анализа сотрудником должна изучаться и исследоваться одновременно вся полученная информация об отдельных элементах уголовно-правовой структуры и криминалистической характеристики (способ изготовления, места сбыта, предмет преступления, направленность умысла). В частности, абстрагируясь от способа изготовления поддельного денежного знака, принадлежащего национальному банку конкретного государства, известных мест его сбыта, в процессе анализа и сопоставления совокупности базовой информации можно прийти к умозаключению об условно искомом месте изготовления поддельных денежных знаков. При этом анализ практики свидетельствует о том, что на организацию деятельности по установлению всех альтернативных действий объективной стороны, изложенных законодателем в ст. 221 УК, оказывает существенное влияние не только предмет преступления, но и его экономическая значимость в мировом сообществе.

В частности, при выявлении поддельной национальной валюты местами ее сбыта являются только административно-территориальные единицы Республики Беларусь (ограниченность территории, на которой совершено преступление). Наиболее распространенным способом ее изготовления является использование возможностей копировально-множительной техники (наиболее доступный способ изготовления). В отдельных случаях возможно присутствие дополнительной информации о внешних признаках сбытчика. Сопоставление в процессе анализа данных особенностей и выявление наличия зависимостей между предметом преступления, способом его изготовления, местами сбыта на территории Республики Беларусь и внешними признаками субъекта (в отдельных ситуациях) позволяет определить границы административно-территориальных единиц страны, в которых начата и продолжается преступная деятельность по изготовлению, хранению и сбыту поддельной национальной валюты. Результаты анализа в последующем должны быть учтены при организации деятельности ОРМ, производстве следственных и других процессуальных действий в границах административно-территориальной единицы для установления лица (лиц), совершивших фальшивомонетничество.

Согласно статистическим данным Национального Банка Республики Беларусь, в 2019 г. была выявлена поддельная иностранная валюта: 43 % – доллары США; 21,1 % – российские рубли; 20 % – евро. В связи с ее обнаружением закономерно возникает вопрос: «Каким образом следует организовать свою деятельность органу уголовного преследования

при наличии сведений об обороте поддельной иностранной валюты?». При ее организации в данной ситуации орган уголовного преследования обязан произвести анализ способа ее изготовления (полиграфический, суперподделка) и мест сбыта (эпизодичность появления в обороте). При этом необходимо учитывать наличие следующих обстоятельств (по сравнению с поддельной национальной валютой): сбыт поддельной иностранной валюты производится в нескольких административно-территориальных единицах других государств; в ряде случаев отдельные граждане Республики Беларусь являются «добросовестными сбытчиками»; на территорию Республики Беларусь поддельная иностранная валюта ввозится с территории других государств; изготовлением, хранением и сбытом поддельной иностранной валюты отмечены способы, как свидетельствует анализ практики, занимаются международные преступные группы.

Таким образом, можно констатировать, что организация деятельности органа уголовного преследования по установлению признаков фальшивомонетничества при данных условиях будет направлена: на организацию взаимодействия с органами уголовного преследования зарубежных государств и Интерполом; взаимодействие с таможенными органами Республики Беларусь; производство ОРМ, следственных и других процессуальных действий на территории Республики Беларусь для установления причастности отдельных граждан страны к незаконному обороту поддельной иностранной валюты.

Итак, если заключить, что при получении органом уголовного преследования информации об обороте поддельной национальной или иностранной валюты орган уголовного преследования в процессе организации производства по материалам и уголовным делам обязан анализировать совокупность отдельных элементов уголовно-правовой структуры и криминалистической характеристики, что позволит выявить фактические данные, устанавливающие признаки ст. 221 УК.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВСКИЙ Андрей Александрович – аспирант юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта.

АЛЕКСАНДРЕНКО Елена Витальевна – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по проблемам криминалистического обеспечения и судебной экспертологии учебно-научного института № 2 Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент.

АЛЭМОРИАНУ Сорин – преподаватель юридического факультета Университета Бабеша – Бойяи (г. Клуж-Напока, Румыния), доктор юридических наук.

АНТОНОВ Олег Юрьевич – декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

АСАЁНОК Борис Валерьевич – начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БАЛКО Владимир Иванович – преподаватель правовых дисциплин Высшего колледжа «Кайнар» (г. Семей, Республика Казахстан).

БАРГАН Сергей Сергеевич – магистрант Донецкого юридического института МВД Украины.

БЕЛОМЫТЦЕВ Николай Николаевич – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь.

БЕЛОУСОВ Алексей Дмитриевич – ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат биологических наук, доцент.

БЕРТОВСКИЙ Лев Владимирович – заведующий кафедрой права Национального исследовательского университета МИЭП, доктор юридических наук, профессор.

БЕССОНОВ Алексей Александрович – руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

БОГУН Олег Николаевич – адъюнкт Ростовского юридического института МВД Российской Федерации.

БОРОВИК Петр Леонидович – доцент кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ВАРАВКО Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методи-

ческого обеспечения предварительного расследования Следственного комитета Республики Беларусь.

ВЕРЕША Роман Викторович – профессор кафедры уголовного и административного права Академии адвокатуры Украины доктор юридических наук, профессор.

ВЭНЬ ЧЖУ – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – старший научный сотрудник, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

ГИГЕВИЧ Александр Игоревич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГОВРОВА Маргарита Васильевна – старший инспектор управления информации и общественных связей МВД Республики Беларусь.

ГОРОШКО Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГРИГОРОВИЧ Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ГУСЕВА Влада Александровна – доцент кафедры криминалистики, судебной экспертологии и доврачебной помощи Харьковского национального университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ДЕШУК Александр Владимирович – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ДОЛЖЕНКО Александр Александрович – руководитель отделения межведомственного взаимодействия 2-го отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации.

ДРОНОВА Ольга Борисовна – профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ДУДКО Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры судебных технических и специальных экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ЕЛЁТНОВ Виталий Игоревич – заместитель начальника кафедры организации расследования преступлений Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ЖЕНУНТИЙ Владимир Иванович – ведущий научный сотрудник отдела организации научной деятельности и защиты прав интеллектуальной собственности Национальной академии внутренних дел (Украина).

ИВАНОВСКИЙ Александр Владимирович – профессор кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь, доктор технических наук, профессор.

ИЗOTOB Андрей Вячеславович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

КАЛЮЖНЫЙ Александр Николаевич – сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

КАТАРАГА Ольга Семеновна – директор Национального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Республики Молдова.

КЕТИЯ Тимур Анзорович – адъюнкт Волгоградской академии МВД России.

КОВАЛЕВИЧ Алексей Николаевич – инженер по защите информации Управляющей компании холдинга «Бобруйскагромаш».

КОЖЕВНИКОВ Алексей Андреевич – заместитель заведующего отдела исследований в сфере информационных технологий Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

КОМАРОВ Игорь Михайлович – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

КОНЦЕВОЙ Павел Сергеевич – курсант Института пограничной службы Республики Беларусь.

КОРЖ Валентина Павловна – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и экспертологии (факультет № 6) Харьковского национального университета внутренних дел (Украина), доктор юридических наук, профессор.

КОСТЮКЕВИЧ Денис Викторович – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КУБАРЕВ Иван Владимирович – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и международного права Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, доцент.

КУДРЯВЦЕВ Дмитрий Сергеевич – старший оперуполномоченный по особо важным делам главного управления уголовного розыска криминальной милиции МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

КУЗНЕЦОВ Виталий Вячеславович – старший следователь-криминалист технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации.

КУЗЬМИНА Светлана Васильевна – аспирант Саратовской государственной юридической академии.

КУРБАТОВА Светлана Михайловна – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы юридического института Красноярского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КУРИН Алексей Александрович – доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

ЛАВНИКОВИЧ Анжела Ивановна – инспектор административной практики отдела ГАИ УВД Администрации Партизанского района г. Минска.

ЛАПИН Вячеслав Олегович – начальник отдела научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОЗОВАЯ Светлана Николаевна – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и экспертологии (факультет № 6) Харьковского национального университета внутренних дел (Украина), кандидат психологических наук, доцент.

ЛОЗОВСКИЙ Денис Николаевич – профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

ЛОКТЕВИЧ Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

ЛЮБИШКИН Дмитрий Евгеньевич – инспектор организационно-аналитического отдела управления организационно-аналитического и документационного обеспечения Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

МАТАРЫКИНА Елена Владимировна – заведующий сектором молекулярно-генетических исследований отдела биологических исследований и учета Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

МАЛЫХИНА Наталья Ивановна – профессор кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент.

МАРКОВА Оксана Валентиновна – заместитель начальника кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МИХАЙЛОВА Юлия Николаевна – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

МОВЧАН Анатолий Васильевич – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Львовского государственного университета внутренних дел МВД Украины, доктор юридических наук, профессор.

МОВЧАН Максим Анатольевич – старший инспектор по особым поручениям сектора специального взрывотехнического оборудования Управления взрывотехнической службы Национальной полиции Украины, кандидат юридических наук.

МОРОЗОВА Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

НАБАТОВА Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

НЕПЕИН Григорий Григорьевич – научный сотрудник криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации.

НЕСТЕР Иван Сергеевич – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ОДЕРИЙ Алексей Владимирович – профессор кафедры Донецкого юридического института МВД Украины, доктор юридических наук, доцент.

ПАВЛЮТЬ Ольга Вячеславовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ПАНЧЕНЯ Дмитрий Николаевич – заместитель начальника отдела исследования микрообъектов управления физико-химических и взрывотехнических экспертиз главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПАЦКЕВИЧ Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Игорь Владимирович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Наталья Николаевна – старший оперуполномоченный по особо важным делам управления уголовного розыска криминальной милиции Главного управления внутренних дел Мингорисполкома.

ПЕТКОВИЧ Петр Петрович – заместитель директора Национального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Республики Молдова.

ПОПОВА Елена Ильинична – доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского филиала Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.

ПРИМАКОВ Алексей Николаевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

РОМАНЮК Дмитрий Александрович – доцент кафедры уголовного права и процесса «БИП – Института правоведения».

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна – директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

САМУЙЛЕНКО Людмила Викторовна – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

САНЬКОВА Екатерина Валерьевна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

САХОНЧИК Илья Иванович – оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела внутренних дел Слонимского райисполкома.

СЕРГЕЕВ Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета.

СЕРОВА Елена Борисовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СКОБЕЛИН Сергей Юрьевич – заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СЛАВГОРОДСКАЯ Ольга Александровна – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

СТАРЦЕВ Петр Сергеевич – аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета Кубанского государственного университета.

СТЕПАНЕНКО Алексей Сергеевич – директор Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор философских наук, профессор.

ТИМОФЕЕВА Елена Андреевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ТРЕТЬЯКОВ Григорий Михайлович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

УСОВСКИЙ Борис Анатольевич – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ФЕТИЩЕВА Лидия Михайловна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

ФУРМАН Ярослав Владимирович – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по проблемам криминалистического обеспечения и судебной экспертологии учебно-научного института № 2 Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

ХОЛОПОВ Алексей Васильевич – заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЕРНЯК Сергей Александрович – начальник отдела по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий криминальной милиции УВД Гродненского облисполкома.

ЧУРНОСОВ Александр Иванович – старший преподаватель цикла правового обеспечения кафедры оперативно-розыскной деятельности и правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

ЩЕРБАКОВСКИЙ Михаил Григорьевич – заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и экспертологии Харьковского национального университета внутренних дел, доктор юридических наук, профессор.

ШРУБ Максим Павлович – главный научный сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЮБКО Юрий Михайлович – профессор кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Абрамовский А.А.</i> Географический профайлинг: генезис и перспективы использования в практике расследования преступлений	3
<i>Александренко Е.В., Женицкий В.И.</i> Проблемные вопросы предупреждения экспертных ошибок при расследовании серийных убийств	5
<i>Алэморяну С., Катарага О.С., Петкович П.П.</i> Некоторые проблемы правового регулирования деятельности судебных экспертов. Частные и государственные судебные эксперты	9
<i>Антонов О.Ю., Долженко А.А.</i> Взаимодействие следователей с контрольно-надзорными органами при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений	14
<i>Асайнок Б.В.</i> Криминалистическая дидактика в интересах административного процесса	18
<i>Балко В.И., Сергеев С.А.</i> О совершенствовании дактилоскопической карты	21
<i>Беломытцев Н.Н.</i> Об ошибках и мерах по их устранению при проведении осмотров мест происшествий по делам о хищениях, совершенных путем использования компьютерной техники	24
<i>Белоусов А.Д.</i> Оптимальная структура сведений о неустановленном лице, подозреваемом в совершении преступления, для составления его психологического портрета	28
<i>Бертовский Л.В., Курбатова С.М.</i> Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности лиц старшего возраста как участников уголовного судопроизводства	32
<i>Бессонов А.А.</i> Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений	36
<i>Богун О.Н.</i> О понятии тактической задачи расследования и структуре ее решения	39
<i>Боровик П.Л.</i> Криминалистический подход к исследованию объектов – носителей виртуальных следов преступлений против информационной безопасности	43
<i>Варавко Ю.В.</i> Инструментарий информационно-аналитической деятельности следователя	47
<i>Вереша Р.В.</i> Имманентность уголовного правонарушения	50
<i>Гармаев Ю.П.</i> Некоторые направления внедрения криминалистических рекомендаций в эпоху информационного общества	55

<i>Гармаев Ю.П., Степаненко А.С.</i> Поиск с использованием сети Интернет судебной практики для ее изучения как одно из направлений формирования криминалистического мышления будущих юристов	58
<i>Гигевич А.И.</i> О взаимодействии правоохранительных органов со средствами массовой информации и общественностью в целях предупреждения безвестного исчезновения граждан	61
<i>Григорович В.Л., Вэнь Чжусу.</i> О системе методов технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в Китае	65
<i>Гусева В.А.</i> Теоретические предпосылки формирования криминалистических методик	69
<i>Дежук А.В.</i> Обстановка совершения преступления как один из элементов криминалистической характеристики хищений в сфере строительства	73
<i>Дронова О.Б., Курин А.А.</i> Об информационно-аналитических данных, обеспечивающих раскрытие и расследование преступлений	76
<i>Дудко Т.И.</i> Угрозы использования новых технологий с элементами искусственного интеллекта	80
<i>Елётнов В.И.</i> Современные проблемы традиционных и развивающихся отраслей криминалистической техники	82
<i>Ивановский А.В., Черняк С.А.</i> Проблемы правоприменительной практики хищений путем использования компьютерной техники в Республике Беларусь	87
<i>Изотов А.В.</i> Классификация способов совершения разбоя, сокрытия следов преступления и уклонения от ответственности в современных условиях	91
<i>Калюжный А.Н.</i> Следовая картина похищения человека и смежных с ним преступлений: особенности классификации и отображения	95
<i>Кетия Т.А.</i> Возможности использования нейросетей в деятельности правоохранительных органов	99
<i>Ковалевич А.Н., Сахончик И.И.</i> О дополнительной идентификации на основе сетевого отпечатка браузера	102
<i>Комаров И.М.</i> О криминалистической дидактике	104
<i>Корж В.П.</i> Расследование коррупционных преступлений: проблемы теории, законодательства и практики Украины	108
<i>Костюкевич Д.В.</i> Взаимодействие следователя с подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел при розыске обвиняемого	112
<i>Кубарев И.В., Барган С.С.</i> Тактическое решение следователя: процедурные аспекты	116
<i>Кудрявцев Д.С., Говрова М.В.</i> Дача письменных поручений по уголовным делам: причины и критерии обоснованности	120
<i>Кузнецов В.В.</i> О проблемах противодействия киберпреступности	124
<i>Кузьмина С.В.</i> Проблемы назначения и производства экспертиз по делам о мошенничествах, совершенных с использованием сети Интернет	127
<i>Лавникович А.И.</i> Причины преступных нарушений правил дорожного движения и меры их предупреждения	131

<i>Лалин В.О.</i> Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности	135
<i>Лозовая С.Н., Матарыкина Е.В.</i> Некоторые особенности изъятия следов биологического происхождения для молекулярно-генетической экспертизы на месте взрыва	139
<i>Лозовский Д.Н.</i> Отдельные аспекты выявления и раскрытия преступлений, совершенных на объектах транспорта	143
<i>Локтевич О.И.</i> Тактика проведения следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи	146
<i>Любишкин Д.Е.</i> Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной направленности	150
<i>Мальхина Н.И.</i> Проблемы установления лица, совершившего преступление, в криминалистике: теоретический аспект	154
<i>Маркова О.В.</i> Взаимодействие правоохранительных и фискальных органов по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов	157
<i>Михайлова Ю.Н.</i> Влияние типологизации потерпевших на тактику допроса	160
<i>Мовчан А.В., Мовчан М.А.</i> Использование беспилотных летательных аппаратов в деятельности правоохранительных органов Украины	164
<i>Морозова Т.А.</i> Проблемные моменты расследования уголовных дел в отношении лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности	168
<i>Набатова А.Э., Горошко Е.Ю.</i> Криминалистическая характеристика электронно-цифровых устройств	170
<i>Нелеин Г.Г.</i> Анализ прокурором протокола допроса по уголовным делам о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта	173
<i>Нестер И.С.</i> Актуальные проблемы предварительного исследования следов на месте происшествия	177
<i>Одерий А.В., Кожевников А.А.</i> Использование открытой интернет-информации в раскрытии уголовных правонарушений	179
<i>Павлють О.В.</i> Некоторые аспекты научной организации деятельности специалиста при проведении осмотра места происшествия	182
<i>Панченя Д.Н.</i> Становление и развитие научных взглядов об использовании микрообъектов в отечественной криминалистике XIX – первой половины XX в.	186
<i>Пацкевич А.П.</i> Криминалистические аспекты противодействия даче ложных показаний на предварительном следствии	190
<i>Пацута Н.Н., Пацута И.В.</i> Некоторые проблемы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания в ходе досудебного производства	194
<i>Попова Е.И.</i> Неполная квалификация: взгляд криминалиста	197
<i>Примаков А.Н.</i> Личность потерпевшей по делам о сексуальном насилии	200
<i>Романюк Д.А.</i> Влияние фактора пространственной связи на раскрытие и расследование нераскрытых преступлений прошлых лет	203

<i>Россинская Е.Р.</i> Направления инновационного развития криминалистической тактики и методик расследования в условиях глобальной цифровизации	207
<i>Самуйленко Л.В.</i> Отдельные психологические и тактические приемы работы с несовершеннолетними при составлении субъективного портрета	211
<i>Санькова Е.В.</i> О взаимодействии органов следствия и дознания при раскрытии преступлений на постсоветском пространстве (на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации)	215
<i>Серова Е.Б.</i> Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как частная теория криминалистики	219
<i>Скобелин С.Ю.</i> Цифровые следы преступлений и способы работы с ними	223
<i>Славгородская О.А.</i> Криминалистическое изучение свидетеля и его правовой статус	227
<i>Старцев П.С.</i> Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере каршеринга	231
<i>Тимофеева Е.А.</i> Некоторые типичные способы совершения хищений в деятельности организаций, осуществляющих управление общим имуществом жилых домов	234
<i>Третьяков Г.М.</i> Использование информационных технологий в структуре способа совершения преступления	237
<i>Усовский Б.А.</i> Проблемные вопросы исследования идентификационных маркировочных обозначений прицепов и полуприцепов российского и иностранного производства	240
<i>Фетищева Л.М.</i> Проблемы использования технических средств контроля и мониторинга за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста	244
<i>Фурман Я.В.</i> О квалификационных требованиях к судебному эксперту в Украине	247
<i>Холопов А.В.</i> Когнитивный этап развития криминалистики: структура и содержание	250
<i>Чурносов А.И., Концевой П.С.</i> О криминалистическом обеспечении деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь	254
<i>Шруб М.П.</i> Перспективные направления развития криминалистической методики	257
<i>Щербаковский М.Г.</i> Криминалистическая техника: современный концепт	261
<i>Юбка Ю.М.</i> Организация деятельности по установлению признаков фальшивомонетничества	265
Сведения об авторах	269

Научное издание

**II Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 10 декабря 2020 г.)

В двух частях

Часть 2

Подписано в печать 29.12.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 16.42.
Тираж 50 экз. Заказ 294.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.